

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2017 / №3

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2017 / №3

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления МГОУ (зам. председателя)

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. – д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. – д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. – к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.** – д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** – д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук В.В.** – д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Журавлев В.В.** – д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** – д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** – д.пол.н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** – д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** – д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** – д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** – д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 3. – 148 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712**

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:

Moscow Region State University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MRSU; **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU; **S.A. Voronin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa; **J. González** – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia); **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU; **V.A. Kovalyov** – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University; **M.Yu. Martynov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; **M. Natalici** – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy); **D.G. Seltzer** – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; **S.S. Sulakshin** – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the Moscow State Regional University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chef of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2017. – № 3. – 148 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MRSU, 2017.

© MRSU Publishing house, 2017.

The Editorial Board address: Moscow Region State University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

- Соломонов Н.С.** НАСТОЛЬНЫЙ РЕЕСТР УЕЗДНОГО ИСПРАВНИКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛОМЕНСКОГО УЕЗДА)..... 6
- Ратчин Я.А.** ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ И КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РАКУРСЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ 15
- Чернышёв А.С.** ХРУЩЁВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ». СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (2000–2016 ГГ.).....24

Всеобщая история

- Нурисламов Р.Р.** АНГЛО-ГЕРМАНСКИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В 1933–1937 ГГ. 32
- Кабасакалова М.Г., Данюк Н.С.** К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ ГЛОБАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ США НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ НЕСИЛОВЫХ МЕТОДОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ..... 40

Отечественная история

- Долуев И.Ю.** УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА Д.А. НАУМОВА НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ 50
- Собко Е.М.** РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ВОЙНЫ ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО 56
- Курков К.Н.** А.Д. ПРОТОПОПОВ: СУДЬБА ДВОРЯНИНА-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX в..... 67
- Волобуев О.В.** РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1905 ГОД В КРЫМУ 76
- Танасов И.Д.** САМАРСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО КРЕДИТА В ГОДЫ НЭПА 89
- Горлов В.Н.** ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ЖИЛЫЕ РАЙОНЫ МОСКВЫ В 1970–1980-Е ГГ. КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОДНОСТОРОННЕГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА 95

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

- Айтмурзаев Н.Т.** СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН)..... 101
- Богатов В.В.** ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ..... 106
- Манжуков А.И.** ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТЕНОГРАФИЧЕСКИХ ОТЧЕТОВ ЗАСЕДАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ) 115
- Козлов А.П.** ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕГИОНЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА..... 129

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Михеева Н.А., Богданов Д.Д.** VI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ» 141
- Ключевский Д.С.** К ПРОБЛЕМЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ МАССОВЫХ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ И ИТОГОВ ВЫБОРОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА США В 2016 Г.) 144

CONTENTS

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

N. Solomonov. THE TABLE REGISTRY OF THE COUNTY DISTRICT POLICE OFFICER AS A SOURCE OF STUDYING THE GENERAL POLICE ACTIVITIES IN MOSCOW PROVINCE AT LATE XIX – EARLY XXTH CENTURIES (ON THE MATERIALS OF KOLOMNA COUNTY)	6
Y. Ratchin. DOMESTIC COOPERATION AND COOPERATIVE MOVEMENT THROUGH THE HISTORIOGRAPHIC AND THEORETICAL PROBLEMS	15
A. Chernyshev. KHRUSHEV'S THAW. MODERN HISTORIOGRAPHY (2000–2016)	24

General History

R. Nurislamov. ANGLO-GERMAN COLONIAL CONFLICTS IN 1933–1937	32
M. Kabasakalova, N. Danyuk. THE QUESTION OF THE US GLOBAL DOMINATION STRATEGY ON THE EXAMPLE OF DEVELOPMENT OF SOFT-POWER METHODS OF POLITICAL STRUGGLE	40

Native History

I. Doluev. D.A. NAUMOV'S MANAGEMENT POLICY ON THE POST OF THE CHAIRMAN OF THE MOSCOW REGIONAL ZEMSTVO	50
E. Sobko. RUSSIAN-FRENCH RELATIONS DURING THE WAR OF THE AUSTRIAN SUCCESSION	56
K. Kurkov. A.D. PROTOPOPOV: THE FATE OF THE NOBLEMAN-ENTREPRENEUR IN RUSSIA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY	67
O. Volobuev. REVOLUTIONARY YEAR OF 1905 IN THE CRIMEA	76
I. Tanasov. SAMARA MUTUAL LOAN ASSOCIATION IN THE YEARS OF THE NEW ECONOMICAL POLICY	89
V. Gorlov. EXPERIMENTAL RESIDENTIAL AREAS IN THE MOSCOW OF 70–80S AS A WAY TO OVERCOME ONE-SIDED INDUSTRIAL HOUSE-BUILDING	95

SECTION II POLITOLOGY

N. Aitmurzaev. MASS MEDIA IN MODERN POLITICS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KYRGYZSTAN)	101
V. Bogatov. FORMATION OF SOCIAL ASSISTANCE INSTITUTIONS IN RUSSIA	106
A. Manzhukov. FOREIGN POLICY ISSUES IN THE PARLIAMENTARY ACTIVITIES OF THE RUSSIAN CONTEMPORARY PARTIES (BASED ON MATERIALS OF VERBATIM REPORTS)	115
A. Kozlov. POLITICAL PROBLEMS OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE NORTH CAUCASUS	129

SCIENTIFIC LIFE

N. Mikheeva, D. Bogdanov. VI INTERNATIONAL CONFERENCE "POLITICAL PROCESSES IN THE POST-SOVIET SPACE"	141
D. Kluchevsky. ON THE PROBLEM OF DISCREPANCY BETWEEN THE RESULTS OF THE POLLS AND THE ELECTION RESULTS (ON THE EXAMPLE OF 2016 ELECTION CAMPAIGN)	144

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 94(47).083

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-6-14

НАСТОЛЬНЫЙ РЕЕСТР УЕЗДНОГО ИСПРАВНИКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛОМЕНСКОГО УЕЗДА)

Соломонов Н.С.

*Государственный социально-гуманитарный университет
140411, Зеленая ул., 30, Коломна, Московская обл., Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются источниковедческие аспекты полицейского делопроизводства в России на рубеже XIX–XX вв. Опираясь на архивные документы, впервые вводимые в научный оборот, автор проанализировал настольные реестры Коломенского уездного исправника за 1891–1894 и 1906 гг. Имеющиеся в реестрах дела классифицированы и сгруппированы в соответствии со спецификой их содержания и временем внесения в реестр. Сделан вывод о высокой информативности настольных реестров и перспективности их использования в изучении функционирования общей полиции как в период политической стабильности конца XIX в., так и во времена революционных потрясений 1905–1907 гг.

Ключевые слова: общая полиция, полицейское делопроизводство, настольный реестр, коломенский уездный исправник.

THE TABLE REGISTRY OF THE COUNTY DISTRICT POLICE OFFICER AS A SOURCE OF STUDYING THE GENERAL POLICE ACTIVITIES IN MOSCOW PROVINCE AT LATE XIX – EARLY XXTH CENTURIES (ON THE MATERIALS OF KOLOMNA COUNTY)

© Соломонов Н.С., 2017.

N. Solomonov

State Social-Humanitarian University

30, Zelenaya str., Kolomna, 140411, Moscow region, the Russian Federation

Abstract. The article considers the source aspects of the police office-work in Russia at the turn of the XIX-XX centuries. Basing on the archive documents, first put into the scientific circulation, the author analysed the table registries of Kolomna county district police office for the period of 1891-1894s and 1906. The cases available in the registries are classified and grouped according to the specifics of their contents and time of entering into the registry. The conclusion is made about table registries being highly informative. The perspectives of their use in studying of the general police functioning are stated, both in the period of political stability of late 19th century and at the time of revolutionary shocks of 1905-1907s.

Key words: general police, police office-work, table registry, Kolomna county district police officer.

Эпоха «великих реформ» имела огромное значение для Российской империи. И, наряду с другими сферами социально-экономической и государственной жизни, общее реформаторство не могло не коснуться и правоохранительной системы. В 1862 г. были введены «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губернии», изменившие организацию общей полиции. Земская и городская полиция были объединены в уездную полицию (за исключением губернских городов, где структура полиции была выстроена особо). Теперь территория уезда находилась в ведении уездного полицейского управления, а его начальником являлся уездный исправник.

Обязанности начальника уездной полиции были весьма обширны: обращать внимание на исправность путей сообщения, соблюдение правил предосторожности от пожаров и сохранение чистоты в селениях, надзирать за трактирными заведениями и т.д. Помимо этого, полиция исполняла предписания губернского начальства и требования других ведомств. Без преувеличения можно сказать, что нет за-

коноположения или устава, в которых бы не прописывалось «содействие» местной полиции [1, §§ 158–185].

Фактически изучение истории губернской полиции Российской империи начинается на рубеже XX–XXI вв. [2; 4; 6; 7]. При рассмотрении сюжетов о функционировании полиции на уровне уездов авторы диссертаций и монографий традиционно опираются на обширный комплекс источников. В первую очередь это документы фондов уездных исправников – циркуляры Департамента полиции и губернатора, отчёты, рапорты и донесения губернатору о происшествиях, приказы и распоряжения по уезду, формулярные списки и т.д. Однако настольные реестры обычно лишь упоминаются в числе прочих документов, и источниковедческому анализу они еще не подвергались. В предлагаемой статье предпринята попытка на основании изучения реестров Коломенского уездного полицейского управления, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Москвы (ф. 492), ликвидировать указанный пробел.

Предварительно укажем, что реестр – это делопроизводственный список, ро-

спись, где указывалось, когда и какое дело поступило, какое имело движение, когда было сделано распоряжение об исполнении. Реестр включал следующие элементы, необходимые для контроля за ходом исполнения дела:

1. дата поступления дела (число, месяц, год);
2. порядковый номер дела в реестре;
3. содержание бумаг, то есть по какому поводу заведено дело;
4. производство по делу;
5. окончание исполнения.

В фонде 492 хранятся два настольных реестра коломенского полицейского исправника: 1) за 1891-1894 гг. (с 1 июля 1891 г. по 31 декабря 1894 г.) и 2) за 1906 г. (имеется, к сожалению, только вторая часть – с 23 ноября по 31 декабря). Реестры отличаются по насыщенности дел: 58 – учтенных в реестре 1891–1894 гг. и 171 – за 5 недель 1906 г.

Для выяснения сфер деятельности исправника целесообразно разделить имеющиеся в реестрах дела на 7 групп, согласно специфике решаемых полицией вопросов. А в связи с непропорциональным количеством дел в каждой группе, рассмотрим их по убывающему принципу в каждом из исследуемых реестров.

Начнем с хронологически более раннего реестра 1891–1894 гг. К *первой группе* относятся дела о сборе сведений о политической благонадежности и нравственных качествах тех или иных персон. Помимо запросов о политической благонадежности конкретного лица, исправнику присылались и циркулярные распоряжения (дело № 17 от 29 декабря 1891 г. о порядке сбора такого рода информации)¹.

¹Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 5.

Круг лиц, на которых запрашивались сведения, был огромен: повивальные бабки, устраивающиеся в больницы², крестьяне, распространявшие якобы зловредные слухи³, купцы, предоставляемые к званию потомственного почётного гражданина⁴, студенты и т.д. Например, в деле № 8 от 5 октября 1891 г. речь идет об исполнении предписания Московского губернатора о доставке «сведения о нравственных качествах, образе жизни, поведения и политической благонадежности кандидатов на пост председателя земского собрания и членов земской управы» (чины полиции выяснили и донесли губернатору, что все кандидаты благонадежны)⁵. Часто запрашивались сведения на самих чинов полицейского управления. Так, дело № 2 от 6 марта 1893 г. содержало требование губернатора сообщить о нравственных и служебных качествах столоначальника полицейского управления г. Коломны Мельгунова (выяснено, что он благонадежен, но с февраля в его поведении заметны ненормальные явления, поэтому за Мельгуновым устанавливался надзор со стороны городского врача)⁶.

Вторая группа – дела о лицах, состоящих под надзором полиции. В основном такие дела представлены циркулярами, в меньшей степени связаны с конкретными поднадзорными. Как известно, поднадзорное лицо не имело право менять место жительства, состоять на государственной и общественной службе, заниматься педаго-

²ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 4.

³ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 10.

⁴ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 30.

⁵ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 3.

⁶ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 19.

гической деятельностью. Поэтому в «Положении» о полицейском надзоре от 3 июня 1893 г. разъяснялось, что все наблюдения сосредотачивались у начальника губернского жандармского управления, а действия чинов полиции должны выражаться в: 1) неослабленном наблюдении; 2) немедленном извещении начальника жандармского управления о времени пребывания и выбывания каждого лица, за кем учреждён надзор; 3) производстве с осторожностью и без огласки секретного наблюдения за поведением, образом жизни и т.п.; 4) периодическом сообщении добытых сведений. В соответствии с «Положением» каждый пристав должен был составить список находящихся под наблюдением в его стане¹. Со своей стороны, исправник обязывался отправлять губернатору рапорт за определённый период времени (в нашем случае – за полугодие) с ведомостями о поднадзорных лицах². В реестре имеются дела по полицейскому надзору за конкретными личностями, иногда весьма далекими от политики. Примером тому является дело № 4 от 1 марта 1894 г. Из его содержания следует, что до сведения губернатора дошёл слух об учительнице Воскресной сельской школы Елизавете Ильиной, которая «позволяет дерзко обходиться с учениками, а тех из них, кто не приносит ей подарки, бьёт линейкой по голове и ставит на колени на самый разрез парты»³. По результатам разбирательства за учительницей был установлен полицейский надзор. Как видим, уездная полиция, помимо своих прямых административно-уго-

ловных обязанностей, так или иначе участвовала в решении политических вопросов и оказывала помощь Московскому губернскому жандармскому управлению.

В третью группу включены дела, связанные с «Его императорским Величеством». Сюжеты дел этой группы следующие: а) охрана железнодорожных путей и б) оскорбление имени императора. Требования обеспечить безопасность императора и членов его семьи содержатся в соответствующих предписаниях и распоряжениях. Так, «в виду ожидаемого прибытия в Москву» Александра III губернатор предписал: 1) установить неослабное и тщательное наблюдение за передвижением и образом действия поднадзорных и подозрительных лиц и в случае чего сразу же докладывать начальству; 2) установить такое же наблюдение за фабричным населением (дело № 5 от 14 апреля 1893 г.)⁴. 8 мая 1894 г. от губернатора была получена шифрованная телеграмма о следовании поезда императрицы из Москвы в Рязань во вторник 10 мая. В соответствии с этим уездному исправнику вменялось в обязанность: 1) поставить охрану на всем пути следования по уезду, а именно от границы уезда на 82 версте до ст. Воскресенск – Пески – 97 верста – мост на 106 версте (р. Москва) – Новая Коломна – с. Бобренево; 2) на каждом отрезке, от одной станции до другой, выставить охрану; 3) телеграфировать губернатору по факту прохождения поезда через каждую станцию⁵. Что касается оскорбления императорской особы, то дела такого рода были нередки, и здесь общая полиция плотно

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 23.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 7, 19.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 31.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 20.

⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 22.

сотрудничала с корпусом жандармов. Дела заводились по малейшим проступкам, и стоило кому-либо в частном разговоре грубо отозваться об императоре, как запускаясь карательный механизм, а виновный подлежал наказанию – заключение под стражу, ссылка, взятие под особый надзор. Например, дело № 4 от 11 мая 1892 г. содержит донесение пристава 2-го стана о крестьянине с. Озёры Доронине, который 13 апреля в споре о деньгах с другим крестьянином непристойно выразился об императоре. Расследование этого факта обросло множеством рапортов, переписок, сведений и т.п. В результате, крестьянин был взят под особый надзор полиции (снят 3 октября)¹.

Отличительной особенностью дел данной группы являлась быстрота делопроизводства. Если производство дел всех других групп могло растягиваться на срок от 2 до 10 дней, то здесь движение документов и исполнение предписаний происходило за 1-2 дня (в силу первоочередности). Однако следует иметь в виду, что эти дела были непостоянны и связаны исключительно с посещением Московской губернии членами царственного Дома.

К *четвёртой группе* относятся дела об исполнении служебных обязанностей чинами полиции, а именно о совершенных полицейскими Московской губернии нарушениях и проступках. Рассылаемая губернатором на места подобного рода информация имела, по всей видимости, цель предупредить возможные негативные поступки чинов полиции и указать на неотвратимость наказаний за такие. Примером здесь служит дело от 26 августа 1893 г. о приставе 1-го стана

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 8.

Рузского уезда Якимове, который, находясь в отпуске, «позволил себе забыть, что нося полицейскую форму, он всегда обязан был охранять достоинство своего звания и никак не быть нарушителем оно, но, к сожалению, он этого не сделал и вынудил местного пристава 4-го стана Московского уезда Микультина составить акт о произведённом Якимовым беспорядке». Правда, и Микультин оказался небезупречен: составленный протокол был передан им «судебной власти без предварительного доклада своему уездному исправнику», что губернатор оценил как «отсутствие служебного такта». После разбирательства обоим приставам был объявлен «выговор с предупреждением на будущее»². Большинство дел этой группы связаны с жалобами (зачастую анонимными) на произвол полиции. Типичным является дело № 1 от 13 января 1892 г. об анонимном заявлении на неправильные действия и взяточничество пристава 2-го стана Коломенского уезда Лактаева (после сбора сведений это обвинение не подтвердилось)³. Анализ имеющихся в реестре результатов разбирательств показывает, что многие обвинения оказывались ложными и полицейские действовали в рамках закона. Но говорить о беспощадности всех поступавших жалоб нельзя, так как известны случаи выгораживания чинами полиции друг друга, и восстановить истину сейчас, спустя столетие, не представляется возможным.

В *пятую группу* вошли дела, связанные с происшествиями на фабриках и заводах. Среди них выделяются дела о беспорядках на производствах

² ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 25.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 7.

и антиправительственной агитации среди рабочих. Причем идет речь об информировании уездного исправника о событиях, происходивших на территории как Московской, так и прилегающих губерний. К примеру, дело от 3 июня 1893 г. содержит предписание губернатора ввиду беспорядков на фабрике в Егорьевске (Рязанской губ.) «вести тщательное наблюдение за передвижениями рабочих и незамедлительное телеграфирование о всяких волнениях»¹. Однако власти беспокоило не только возможное недовольство рабочих: в реестре имеется дело от 4 июля 1891 г. о распространении на заводе Струве влияния адептов секты молокан².

Шестая группа состоит из дел, относящихся к деятельности военного министерства. Как правило, дела этой группы посвящены призыву новобранцев и расквартированию войск. Здесь типичным является дело № 5 от 22 сентября 1891 г., где губернатор предписывает доносить ему «о происшествиях, упущениях и злоупотреблениях, которые случались во время призыва новобранцев»³. Что касается расквартирования войск, то сведения из дел настольного реестра позволяют определить соответствующие возможности Коломенского уезда. Для размещения армейских частей в Коломне имелись следующие здания: Красные казармы на 400 чел, Запрудная казарма – 200 чел, городской дом в Запрудах – 60 чел., конюшня при казарме в Запрудах – на 50 лошадей, городской манеж – на 100 лошадей. Кроме того, в домах частных лиц можно было разместить

по 50–100 чел. (для чего требовался ремонт, но город «мог истратить на эти нужды не более 300 р.»)⁴. На территории уезда войска могли быть расквартированы «в селениях Сандыри и Протопопово – до 150 людей и до 150 лошадей в каждом селении».

Седьмую группу образуют дела, разнообразные по содержанию. Перечислим некоторые из них: о восприятии оркестрам исполнять «марсельезу» во время публичных гуляний; о запрете проживания без установленного вида на жительство и просроченных паспортов; о конфликте крестьян с Аксиньино по поводу удаления некоторых односельчан за богохульные речи; об открытии уездного комитета общественного здоровья; о принятии мер к охранению народного спокойствия во время холеры и т.д.⁵

Рассмотрим реестр 1906 г. Как сказано выше, количество дел второй части реестра (171) втрое превосходит показатель реестра 1891–1894 гг. Это связано с политической ситуацией в стране, когда общая полиция всё чаще использовалась в качестве помощника политической полиции, да и неустойчивость внутреннего состояния империи обязывала губернские власти и чины полиции быть начеку.

В отличие от конца XIX в., в реестре 1906 г. самую большую *первую группу* составляют дела, связанные с цензурой печатных изданий. Укажем, что начало XX в. – это время бурного развития общественной мысли, создания общественных организаций и газет разной политической ориентации. Со своей стороны, государство пыталось регу-

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 22.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 1.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 3.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 30.

⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 145. Л. 2, 3, 4, 10.

лирование деятельности средств массовой информации, используя «Временные правила о печати» (в нашем случае – от 24 ноября 1905 г.) [3; 5; 8]. За полтора месяца в Коломенском уезде под запрет попали газеты: «Студенческая жизнь», «Новая газета» (выпуск № 9), «Товарищ» (№ 126), «Газета Шебуева» (№ 7), «Народная беседа» (№ 1-2), «Современная мысль» (№ 59), «Биржевые ведомости», «Страна» (№ 237), «Голос ткача» (№ 2), «Еврейский народ» (№ 9), «Труженик» (№ 3), журнал «Под звуки Шопена» (№ 20), и др.¹

Во вторую группу входят дела об уголовных преступлениях и происшествиях. Анализируя приведенные в реестре виды преступных деяний, можно сделать вывод, что самым распространённым преступлением была кража. Приведем несколько примеров такого рода дел: № 1508 от 23 ноября (протокол урядника 9-го участка Пономарёва о краже денег 50 р. неизвестным в ночь на 21 ноября из церкви с взломом окна); № 1523 от 26 ноября (протокол по заявлению крестьянина Варлашина о краже у него паспорта и денег 18 р. в вагоне поезда из кармана брюк неизвестным мужчиной); № 1635 от 17 декабря (протокол урядника Пономарёва по заявлению помещицы Броневской о краже из имения 2-х лошадей) и др.² Помимо краж, упоминаются покушения на убийство, торговля без разрешения, незаконная проституция и т.д. К перечню дел с условным названием «происшествия» можно отнести сведения о скоропостижно умерших (как правило, крестьянах) от разных причин.

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 982. Л. 2, 5, 21, 28, 34, 45.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 982. Л. 1а, 6, 38.

Третья группа включает дела, связанные с организацией полицейского надзора. Как и в реестре 1891–1894 гг., под надзором находились лица, принадлежащие к различным социальным группам: члены земской управы, высланные из губернии крестьяне, студенты, врачи и др.³

Четвертая и пятая группы – это дела о политической благонадёжности и дела об исполнении полицейскими служебных обязанностей. В реестре 1906 г. дел о политической благонадёжности меньше, чем в реестре 1891–1894 гг. Однако, учитывая кратковременность учета реестровых дел (пять недель) и обстановку революционного 1906 г., можно предположить, что за полный год подобных дел имелось много больше (напомним – заключительное дело реестра указано под номером 1679).

В шестую группу входят дела, в полной мере отражающие специфику эпохи – выборы во II Государственную Думу. Это, в основном, объявления для публики и соответствующие циркуляры. Так, в деле № 1524 от 27 ноября полицейским чинам предписывалось распространить среди населения объявления в 175-ти экземплярах о порядке выборов⁴. А в деле № 1679 от 30 декабря содержалось распоряжение губернатора Коломенскому уездному исправнику о действиях полиции в условиях выборной кампании⁵.

И наконец, седьмая группа, включает дела с разнообразным содержанием: о задачах медицинской полиции (принятие мер предостережения против

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 982. Л. 10, 12.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 982. Л. 6.

⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 982. Л. 54.

болезни скота), о взысканиях, о запрете «жительствовавший в Московской губернии» и др.¹

Таким образом, настольный реестр является важным источником по изучению функционирования уездной полиции в позднеимперский период. Обращение к делам реестра даёт возможность определить не только основные направления её деятельности, но увидеть во всей конкретике повседневную работу общей полиции.

Сравнение реестров 1891–1894 и 1906 г. позволяет сделать вывод о неизменности в целом круга вопросов, относящихся к компетенции полиции. Это дела по: сбору сведений о политической благонадёжности и исполнении служебных обязанностей полицейскими

чинами, контролю за поднадзорными, предупреждению, учету и расследованию беспорядков, преступлений и происшествий, обеспечению безопасности императора, соблюдению «Временных правил о печати» и др. Вместе с тем обнаруживается смещение акцентов и появление новых направлений деятельности полиции в связи с переживаемыми страной и обществом событиями (в частности, революцией 1905–1907 гг.). В данном контексте обращение к содержанию настольных реестров открывает перспективу осмысления общероссийских процессов сквозь призму микроистории, т.е. изучения фактов деятельности полиции и взаимоотношения её с местным населением на территории своей служебной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. III: Органы местного управления. Ч. 1. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1883. 384 с.
2. Гурьев В.И. Московская полиция 1881–1917 гг. М.: Спутник+, 2013. 203 с.
3. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект-Пресс, 2001. 367 с.
4. Кладов В.Ю. Полиция Пензенской губернии в 1903–1917 гг.: дис.... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 215 с.
5. Минцлов С.Р. 14 месяцев «свободы печати». 17 октября 1905–1 января 1907 гг. Заметки библиографа // Былое. 1907. № 3 (15). С. 123–148.
6. Москвитин Ю.Н. Полиция Томской губернии в 1867–1917 гг. (устройство, численность и материальное обеспечение): дис.... канд. ист. наук. Томск, 2001. 193 с.
7. Назаренко А.М. Санкт-Петербургская столичная полиция (1906–1913 гг.): дис.... канд. ист. наук. СПб., 2000. 234 с.
8. Свобода печати при обновленном строе: сборник. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1912. 247 с.

REFERENCES

1. Gradovskii A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. T. III: Organy mestnogo upravleniya. Ch. 1. [The beginning of the Russian state law. Vol. III: local government. Part 1]. St. Petersburg, Tip. M. Stasyulevicha, 1883. 384 p.
2. Gur'ev V.I. Moskovskaya politsiya 1881–1917 gg [Moscow police in 1881–1917s]. M., Sputnik+, 2013. 203 p.
3. Zhirkov G.V. Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv [The history of censorship in Russia in XIX–XX centuries]. Moscow, Aspekt-Press, 2001. 367 p.
4. Kladov V.Yu. Politsiya Penzenskoi gubernii v 1903–1917 gg.: dis .... kand. ist. nauk [The police of Penza province in 1903–1917s.: thesis.... Cand. Hist. Sciences]. Penza, 2007. 215 p.

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 982. Л. 7, 12.

5. Mintslov S.R. 14 mesyatshev «svobody pečhati». 17 oktyabrya 1905-1 yanvarya 1907 gg. Zametki bibliografa [14 months of "freedom of the press." October 17, 1905-January 1, 1907. Notes of a bibliographer]. In: *Byloe*, 1907, no. 3 (15), pp. 123–148.
6. Moskvitin Yu.N. Politsiya Tomskoi gubernii v 1867–1917 gg. (ustroistvo, chislennost' i material'noe obespechenie): dis. ... kand. ist. nauk [The police of Tomsk province in the years of 1867–1917s (structure, strength and material security): thesis.... Cand. Hist. Sciences]. Tomsk, 2001. 193 p.
7. Nazarenko A.M. Sankt-Peterburgskaya stolichnaya politsiya (1906–1913s.): dis.... kand. ist. nauk [The St. Petersburg capital police (1906–1913): thesis.... Cand. Hist. Sciences]. St. Petersburg, 2000. 234 p.
8. Svoboda pečhati pri obnovlennom stroe: sbornik. [Freedom of the press, with the renewed system: the collection of works.]. St. Petersburg, Tipogr. tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1912. 247 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соломонов Никита Сергеевич – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Государственного социально-гуманитарного университета;
e-mail: solomonov.n@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita S. Solomonov – the postgraduate student of the department of the Domestic and Overall History, State Social-Humanitarian University;
e-mail: solomonov.n@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соломонов Н.С. Настольный реестр уездного исправника как источник изучения деятельности общей полиции Московской губернии в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Коломенского уезда) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-6-14

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

N. Solomonov. The table registry of the county district police officer as a source of studying the general police activities in Moscow province at late XIX – early XXth centuries (on the materials of Kolomna county). *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Political Sciences, 2017, no 3, pp. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-6-14

УДК 94(47)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-15-23

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ И КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РАКУРСЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Ратчин Я.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается роль и место кооперативного уклада в социально-экономической структуре России накануне Октябрьской революции. Кроме того, автор характеризует и развенчивает сложившийся в научной литературе по кооперативной проблематике стереотип тождества совершенно разнородных по своей природе исторических явлений: кооперации как формы обобществления хозяйств мелких товаропроизводителей, и кооперации как общественного движения. Автор приходит к выводу о неправомерности такого тождества.

Ключевые слова: конец XIX – начало XX вв., капитализм, марксисты, народники, кооперация, общественное движение за кооперацию, кооперативные предприятия.

DOMESTIC COOPERATION AND COOPERATIVE MOVEMENT THROUGH THE HISTORIOGRAPHIC AND THEORETICAL PROBLEMS

Y. Ratchin

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article examines in detail the role and place of the cooperative structure in the socio-economic structure of Russia on the eve of the October Revolution. In addition, the author characterizes and debunks the stereotype of the identity of the completely different historical phenomena existing in the sources on cooperative problems: cooperatives as forms of socialization of small-scale producers' economies, and cooperation as a social movement. The author comes to the conclusion that such identity is illegitimate.

Key words: late XIX - early XX centuries, capitalism, Marxists, Narodniks, cooperation, public movement for cooperation, cooperative enterprises.

Кооперативная проблематика занимает значительное место в отечественной историографии. Данному вопросу посвящена обширная научная и популярная литература [4], однако вряд ли справедливым было бы считать, что путь изучения этого сюжета прошлого нашей страны в основном пройден.

В оценке дореволюционной истории кооперации главным контекстом нерешенных проблем остается предмет острой полемики второй половины XIX

в. между марксистами и народниками о двух путях развития России и месте кооперации в каждом из этих альтернативных направлений: капиталистической революционной индустриализации и закономерном эволюционировании. Постепенная модернизация российского традиционного общества привела к актуализации вопроса: каким путем пойдет концентрация мелкой собственности? Через ее объединение, как полагали народники, либо через капиталистическую экспроприацию и создание крупных частных предприятий – единственно возможный путь, по мнению марксистов.

Многовариантность развития соответствовала самой ранней – доиндустриальной фазе модернизации, когда осуществлялся «переход от естественных производительных сил, когда преобладало индивидуальное аграрное и ремесленное производство, к общественным – таким, которые, во-первых, могли использоваться людьми только сообща, что предполагало кооперацию и разделение функций в процессе труда, во-вторых, представляли собой результат самого общественно-го развития (мануфактура). В социальном плане, в ходе первой модернизации, на смену отношениям личной зависимости пришли “свободные рыночные отношения”» [10, с. 7].

Ранняя стадия модернизации, органично включающая в свое содержание как элементы нового, так и эволюционирующие устои аграрного общества, определила двойственный характер формирующихся в это время институтов, в том числе кооперации, которая органично сочетала «в себе элементы традиционализма (собор-

ность, артельность, коллективизм) и элементы модернизации (ориентацию на рынок, широкое использование товарно-денежных отношений, индивидуальное членство и др.)» [9, с. 3].

Народнические воззрения стали главной «питательной средой» набравшего силу в пореформенной России кооперативного движения, развивавшегося вне прямой связи с явлениями, происходившими в мелкотоварном производстве. Имея в виду лишь эту сторону исторического процесса, не дифференцируя общественно-политическое движение сторонников кооперации с собственно кооперативным укладом, большинство современных исследователей, вслед народникам, однозначно положительно оценивают количественный и качественный рост кооперативных объединений в конце XIX – начале XX вв.

Принимая за действительное кооперирование результат осуществления замыслов кооператоров – энтузиастов, действующих либо самостоятельно, либо через земские учреждения, подавляющее большинство обществоведов полагает, что капиталистические условия России второй половины XIX в. способствовали проникновению этой хозяйственной организации в самую глубь крестьянской экономики, что, если следовать их логике, действительно способствовало формированию достаточно прочного кооперативного уклада. Не отрицая того факта, что образование кооперативных объединений в виде юридических лиц до революции 1905 г. носило характер насаждения «сверху», историки упускают из вида процессы, происходящие в мелкотоварном производстве и их влияние на динамику кооператив-

ного строительства, определяемого его собственными потребностями [1, с. 122].

Несмотря на «наличие предпосылок», практические усилия насаждения кооперативов в 60-е – первую половину 70-х гг. XIX в. не дали положительного результата. Практически все объединения, созданные в этот период, развалились.

Воспроизводя мнение современников этих событий, сегодняшние исследователи видят причины плачевных результатов «первого этапа» кооперативного строительства не в насильственном проникновении капитализма в экономику России, а в «отсутствии в различных слоях населения навыков общественности и кооперативности», без которых кооперативное движение не могло стать широким и прочным, в поиске «методов функционирования, присущих именно кооперативам, в отличие от частных предприятий». И уже совсем непонятно в отношении формы, рожденной самой практикой хозяйствования, звучит мысль о «медленном развитии кооперативности в среде членов кооператива, которые от кратковременного первичного участия в делах кооператива быстро переходили к апатии и безучастности» [8, с. 6–7].

Перечень конкретных недочетов и практических неточностей, произрастающих из неверной методологической постановки исследования дооктябрьского кооперативного строительства, а именно из недооценки его объективных предпосылок, достаточно обширный. На наш взгляд, основной из черт, негативно отразившихся на осмыслении исторического прошлого, является отсутствие дифференцированного подхода к разнородным реалиям, как

правило, характеризуемым единым понятием – кооперация. Этим термином, начиная с самых ранних трудов по кооперативной тематике, одинаково определяют и возникающие в среде мелких товаропроизводителей объединения, и общественное движение в поддержку артелей и товариществ, и организационные структуры, появившиеся в результате деятельности прогрессивной интеллигенции или государства, кооперативные культурно-просветительные учреждения и т.д.

В качестве примера приведем книгу В.В. Кабанова «Кооперация, революция, социализм», в которой понятие кооперации распространяется, помимо собственно хозяйственного уклада, на широкий спектр разнородных социальных сущностей: идеологию и ее носителей, организационные структуры кооперативных объединений, культурно-просветительские учреждения, а кроме того, политическую сферу, что придает последней характер политической партии [5, с. 11].

Сложившееся в современной историографии представление о кооперации в отношении других социально-экономических и политических образований выглядело бы, по меньшей мере, странно. Следуя логике автора – марксистов, строивших свои политические амбиции на развитии крупного фабричного производства, необходимо было бы объединить в одном ряду со собственно частнокапиталистическим укладом, а понятием «фабрика» объять съезды промышленников, политические партии крупного капитала и т.д.

Теоретическое соединение разнородных исторических реалий не случайно, оно имеет глубокие корни,

основанные на специфике отечественного кооперативного строительства, и восходит к самому первому историографическому опыту, отражающему непростую историческую реальность.

Реформа, отменившая крепостное право в России, открыла новые альтернативные, многонаправленные варианты дальнейшего развития. И в этом смысле кооперативные идеи могли обрести здесь свою благодатную почву. Наличие в широких масштабах мелкого производства, все более втягивающегося в товарные отношения, сулило большие перспективы кооперации. Ускоренная товаризация мелкого производства в пореформенный период неизбежно стимулировала тенденцию к его укрупнению, реализующуюся через частную инициативу в виде мануфактуры и кооперативные объединения товаропроизводителей.

Причем источники свидетельствуют о наличии кооперативных предприятий в сфере мелкого промышленного производства уже во второй половине XVIII в., когда о капиталистической трансформации хозяйства страны не приходится говорить [2, с. 126; 6, с. 10–55; 11, с. 67]. Исследуя кузнечный промысел второй половины XIX в., В.П. Воронцов замечал, что «рядом встречаются как артельные, так и частные кузницы: первые преобладают в тех деревнях, где промысел существует с давнего времени; вторые – там, где он возник недавно [2, с. 116].

Таким образом, искусственная привязка кооперации к конституциализации капитализма не находит подтверждения в реальном историческом процессе. Мало того, закономерная концентрация индивидуальных хозяйств мелких товаропроизводителей,

где капиталистическое и кооперативное направления ее развития составляли равноправные стороны единого процесса, была прервана форсированной капитализацией экономики, включающей в себя целый комплекс институциональных перемен, таких, как перераспределение национального достояния из традиционных форм и отраслей экономики на ускоренную индустриализацию; включение России, посредством преобразования финансовой системы, в мировой капиталистический рынок (реформа Витте) и др.

Из равноправной формы концентрации мелкого производства капитализм превратился в доминанту социально-экономического строя, определяющую общее направление развития хозяйства страны. По данным П.Г. Рындзюнского, не менее 56% кустарей в конце XIX в. превратились в наемных рабочих, эксплуатируемых крупным капиталом в самых примитивных варварских формах [12, с. 27].

Резкий рост фабричного производства, стимулируемый финансовыми вливаниями правительства, сокращал экономическое пространство кустарной промышленности. Так, например, к началу XX в. в Московской губернии почти полностью исчезло кустарное миткалевое ткачество, в то время как в конце 70-х гг. XIX в. 80% изготовленной ткани приходилось на крестьянские светелки и избы.

Наступление крупного машинного производства, не являвшегося результатом эволюции мелкой промышленности, опережало естественную тенденцию кустарного производства к концентрации, лишало ее экономической целесообразности. Вытесняемые фабрикой кустарные промыслы дегра-

дировали и не испытывали потребности в укрупнении.

Приспосабливаясь к изменившимся условиям, инициатива кустарей устремилась в отрасли ручного труда, не требующие концентрации, а следовательно, безопасные с точки зрения конкуренции с крупным производством. Например, упадок ткацкого производства во Владимирской губернии послужил причиной роста валяльного производства предметов крестьянского обихода.

Капитализация хозяйства страны, обусловившая консервацию рудиментарных форм экономических отношений, массовое обнищание мелких товаропроизводителей, как бы усекала объективную тенденцию появления кооперативных объединений. Наблюдался явный диссонанс роста кооперативного уклада и бурно развивающегося общественного, идеологического движения в ее поддержку. Недостаток естественной питательной почвы замещался в отечественном кооперативном строительстве излишней идеологизированностью и политизированностью.

Вследствие сложившейся исторической реальности и кооперативное движение в отечественной историографии, как правило, не дифференцируется с собственно кооперацией, составляющей существо самостоятельного экономического уклада, рожденного закономерным ходом эволюции мелкого производства, и, как любой другой уклад, имеющего определенные социальные и экономические рамки и исторические характеристики генезиса и функционирования.

Благодаря усилиям исследователей конкретно-историческое представление об отечественном кооперативном

движении имеет достаточно отчетливые характеристики, оно включает в себя: во-первых, кооперативную идеологию, являющую собой совокупность крестьянских представлений о «Правде, Добре, Справедливости» и социалистических взглядов, представители которых зачастую отвергали свою приверженность социализму, но вместе с тем рассматривали кооперацию как альтернативный капитализму путь развития, а сами кооперативные объединения – как средство борьбы с капиталистической эксплуатацией [3, с. 44–45]. Во-вторых, общественно-политическое движение в поддержку кооперации, состоящее из различных организаций, периодически возникающих и исчезающих, неформальные акции и инициативы сочувствующих делу кооперативного строительства. В-третьих, организационные структуры (областные, губернские и общероссийские Союзы, съезды и совещания) кооперативных объединений, создание которых было инициировано деятельностью сторонников кооперации и государства и, как правило, не являлось прямым следствием хозяйственной необходимости низовых артелей и товариществ. И, наконец, в-четвертых, объединения мелких собственников, созданных усилиями энтузиастов-кооператоров, земств или государства.

Имея в виду перечисленные проявления, российское кооперативное движение действительно получило большой размах к концу XIX столетия и представляло собой мощную общественно-политическую силу. Однако собственно к кооперации, как экономическому укладу, это общественное явление можно было отнести с большой долей условности.

Тот факт, что расцвет общественно-политического движения сторонников кооперации совпал по времени со становлением капитализма, дал основание многим историкам считать кооперацию продуктом буржуазных отношений, а некоторые из них предприняли попытку определить те черты капитализации, которые способствовали росту артелей и товариществ в России.

Черты традиционализма, имеющие характер основополагающих в кооперации, трансцендентны частнокапиталистическим основам хозяйствования и неизбежно антагонизируют с ними. Это борец в условиях господства капитализма ведет в отдельных случаях к совершенствованию артелей и товариществ, в других – к их ликвидации или трансформации в буржуазные предприятия.

Существенным препятствием объективной оценки уровня развития кооперации в дооктябрьский период стала неверная научная посылка, черпающая свои истоки в реально существующем замещении хозяйственных функций кооперативных объединений социально-политическими, происходившим во второй половине XIX в. Вследствие этого и в современной литературе кооперация рассматривается не как хозяйственный субъект, а как общественная организация, что в принципе соответствовало российской действительности кооперативного движения, но вступает в противоречие с определением институциональной сущности последних.

Оценка реальных успехов кооперации, исходя из размаха и мощи общественного движения, создает иллюзорную историческую картину ее

проникновения в самые толщи народной экономики, что не соответствовало действительности.

Изучение истории кооперации, особенно наиболее важного ее аспекта – социально-экономических предпосылок кооперирования населения России, характера, темпов и условий развития кооперативных форм организации общественного производства, должно дифференцироваться не только с общественным движением за кооперацию, но и по отдельным отраслям хозяйства, в каждой из которых все вышеуказанные черты приобретали своеобразные и неповторимые особенности. И уже совсем неверно переносить закономерности обобществления мелкотоварного уклада на пролетарскую, в основном, организацию – союзы потребителей, которые развивались исключительно в русле закономерностей, свойственных общественным движениям.

Вопреки устоявшейся в отечественной историографии однозначно положительной оценке деятельности кооперативных структур и организаций, они существовали как самодостаточные институты и брали на себя функции, не свойственные хозяйственным учреждениям, их повседневные труды находились за пределами нужд низовых кооперативов и в большей степени приобретали политическую окраску.

Особенности отечественного кооперативного строительства обусловили специфические черты кооперативной теории и идеологии. Кооперативные идеи рождались не на анализе и обобщении практики развития кооперации, а как бы предвосхищали, опережали и стимулировали ее. Недостаток естественной «пита-

тельной почвы» сказался на состоянии отечественной теории и идеологии кооперации. В своем большинстве сочинения дооктябрьских авторов грешат излишней политизированностью, привнесением идей, явно не отражающих российских экономических реалий¹.

Не имея возражения против утверждения об отсутствии целостного учения о кооперации в марксистской историографии², вряд ли было бы верным считать таковым сочинения дореволюционных теоретиков и практиков, зачастую составленные из эклектических или полностью заимствованных из западной литературы идей. Попытка современных историков каким-то образом систематизировать взгляды дореволюционных авторов, кроме определения отдельных рациональных элементов их воззрений, других результатов не имела [5, с. 49–58; 7, с. 101–118].

В результате того, что внешние по-

токи общественной активности и народной инициативы к кооперированию сливались, в дореволюционной и современной литературе по кооперативной проблематике сложился стереотип тождества совершенно разнородных по своей природе исторических явлений. Без всяких оговорок к кооперации были причислены учреждения, рожденные все тем же государственным капиталистическим курсом и лишь формально схожие с кооперативными предприятиями.

Без детального изучения предпосылок становления и функционирования кооперации, роли и места кооперативного уклада в социально-экономической структуре России накануне Октябрьской революции многие вопросы советского периода истории кооперации, остающиеся по сей день спорными, так и останутся нерешенными, а их обсуждение не выйдет за рамки идеологических шаблонов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко И.В., Кущетеров Р.М., Кочкарова З.Р. История и теория кооперации. Ставрополь: Ставропольский кооперативный ин-т, 1998. 312 с.
2. Воронцов В. П. Очерки кустарной промышленности России. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1886. 233 с.
3. Домников С.Д. Кооперативный идеал в России начала XX века // Кооперация. Страницы истории. Вып. 4 / Отв. ред. Н.К. Фигуровская. М.: ИЭ РАН, 1994. С. 39–68.
4. Ильин Ю.А. Отечественная кооперация: Библиографический указатель литературы за 1925–1992 гг. Иваново: ИвГУ, 1994. 471 с.
5. Кабанов В.В. Кооперация революция социализм. М.: Наука, 1996. 206 с.
6. Калачов Н. Артели в древнейшей и нынешней России. СПб., 1864. 93 с.
7. Ким Ч.Ч. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М.: ИРИ РАН, 1996. 252 с.
8. Козлова Е.Н. Кооперативный закон и его предистория // Кооперация. Страницы истории. Вып. 2 / Отв. ред. Н.К. Фигуровская. М.: ИЭ АН СССР, 1991. С. 4–9.

¹ В отличие от большинства трудов теоретиков кооперации, глубиной анализа выгодно отличаются произведения авторов народнического направления, прежде всего, В.П. Воронцова, Л.А. Тихомирова, Н.Ф. Даниельсона, выдающихся авторов книг по кооперативной тематике С.Н. Прокоповича, В.Ф. Тотомианца, сочинения известного экономиста, менявшего свою политическую ориентацию – М.И. Туган-Барановского.

² Особенно настойчиво и категорично эту мысль проводит В.В. Кабанов (см.: [5]).

9. Лубков В.В. Война. Революция. Кооперация. М.: Прометей, 1997. 261 с.
10. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука 2000. 246 с.
11. Отчеты по исследованию кустарной промышленности в России. Том III. СПб.: Мин-во земледелия и гос. имуществ, 1895. 228 с.
12. Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е годы XIX в.). М.: Наука, 1966. 260 с.

REFERENCES

1. Bondarenko I.V., Kushcheterov R.M., Kochkarova Z.R. Istoriya i teoriya kooperatsii [History and theory of cooperation]. Stavropol, Stavropol'skii kooperativnyi in-t, 1998. 312 p.
2. Vorontsov V.P. Ocherki kustarnoi promyshlennosti Rossii. [Essays on handicraft industry in Russia.]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma, 1886. 233 p.
3. Domnikov S.D. Kooperatsiya.Stranitsy istorii [Cooperation.Pages of history], ed. N.K. Figuurovsky, 4, Moscow, IE RAN, 1994, pp. 39–68.
4. Il'in Yu.A. Otechestvennaya kooperatsiya: Bibliograficheskii ukazatel' literatury za 1925–1992 gg [Domestic cooperation: Bibliography of literature for the period of 1925–1992 years]. Ivanovo, IvGU, 1994. 471 p.
5. Kabanov V.V. Kooperatsiya revolyutsiya sotsializm [Cooperation revolution socialism]. Moscow, Nauka, 1996. 206 p.
6. Kalachov N. Arteli v drevneishei i nyneshnei Rossii [Artel in the ancient and present-day Russia]. St. Petersburg, 1864. 93 p.
7. Kim Ch.Ch. Gosudarstvennaya vlast' i kooperativnoe dvizhenie v Rossii–SSSR (1905–1930). [State power and the cooperative movement in Russia-USSR (1905-1930)]. Moscow, IRI RAN, 1996. 252 p.
8. Kozlova E.N. Kooperativnyi zakon i ego predistoriya [The cooperative law and its prehistory] Kooperatsiya.Stranitsy istorii. [Cooperation.Pages of history], ed. N.K. Figuurovsky. Moscow, IE RAN, 1991, pp. 4–9.
9. Lubkov V.V. Voina. Revolyutsiya. Kooperatsiya [War. Revolution.Cooperation]. Moscow, Prometei, 1997. 261 p.
10. Opyt rossiiskikh modernizatsii XVIII–XX veka [The experience of Russian modernization in XVIII–XX centuries]. Moscow, Nauka, 2000. 246 p.
11. Otchety po issledovaniyu kustarnoi promyshlennosti v Rossii. Tom III. SPb.:Min-vo zemledeliya i gos [Reports on the study of handicraft industry in Russia, Vol. III. St. Petersburg: Ministry of Agriculture and State], assets, 1895. 228 p.
12. Ryndzyunskii P.G. Krest'yanskaya promyshlennost' v poreformennoi Rossii (60–80-e gody XX v.) [Peasant industry in the post-reform Russia (60-80s of the XIX century)]. Moscow, Nauka, 1966. 260 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ратчин Ярослав Андреевич – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: y.ratchin@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yaroslav A. Ratchin – competitor for an academic degree of the department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: y.ratchin@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ратчин Я.А. Отечественная кооперация и кооперативное движение в ракурсе историографической и теоретической проблематики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 15–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-15-23

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Y. Ratchin. Domestic cooperation and cooperative movement through the historiographic and theoretical problems. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2017, no 3, pp. 15–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-15-23

УДК: 930:94(470+571)''1953/1964''

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-24-31

ХРУЩЁВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ». СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (2000–2016 ГГ.)

Чернышёв А.С.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье проанализированы основные тенденции современной историографии периода советской истории 1953–1964 гг., традиционно именуемого «хрущёвским». Исследование выполнено на основе шести монографий академического уровня, опубликованных или переведённых на русский язык в период 2000–2010-х гг., соответственно по три, относящихся к российской и зарубежной историографии данного периода. Автор также взял на себя смелость дать оценку состоянию доступности первоисточников, без которых продолжать дальнейшие научные исследования по очевидным причинам представлялось бы невозможным.

Ключевые слова: Никита Сергеевич Хрущёв, оттепель, историография, десталинизация, ЦК КПСС, XX съезд КПСС.

KHRUSHCHEV'S THAW. MODERN HISTORIOGRAPHY (2000–2016)

A. Chernyshev

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the main trends of the contemporary historiography of the Soviet period of 1953-1964s, which is traditionally called as «Khrushchev's epoch». The study is performed on the basis of the six academic monographs, published or translated into Russian in 2000-2016s, respectively three books belong to the Russian historiography and the same quantity to the foreign research works about that period. The author also has taken the liberty to give an assessment of the availability of primary sources, without which it is obviously impossible to continue the research.

Key words: Nikita Khrushchev, thaw, historiography, de-Stalinization, the 20th Congress of the CPSU.

Интерес к периоду советской истории, традиционно называемому «оттепелью», не угасает без малого три десятилетия. Со времени горбачёвской «перестройки» регулярно выходят научные и публицистические статьи, в СМИ публикуются интервью с историками о данном периоде, снимаются документальные фильмы, выходят книги как о периоде в целом, так и об отдельных его героях в России и за рубежом. Однако избранный период, по сравнению с

перестроечными и 1990-ми гг., имеет целый ряд особенностей. Ушли из жизни многие персоны, чьи имена связаны с периодом, важные свидетели событий: В.Е. Семичастный, Н.Г. Егорычев, Н.Н. Месяцев, А.Н. Аджубей, Ф. Кастро. С естественным течением времени произошла смена поколений в российском обществе, многочисленные хрущёвские инициативы, реформы, процессы, протекавшие в советском обществе 1950–1960-е гг., воспринимаются в связи с этим как события сугубо исторические. Подобное достаточно спокойное, взвешенное отношение в оценках было продемонстрировано в 2014 г., когда отмечались 120-летие со дня рождения и 50-летие со дня снятия со всех партийно-государственных постов Н.С. Хрущёва. Но, вне всякого сомнения, важнейшей переменной в 2000–2010-х гг. стало многократное расширение источниковой базы по периоду и её доступность.

С конца 1990-х гг. и вплоть до наших дней осуществляется публикация документов высших органов партийной и государственной власти¹, относящихся

¹ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под. ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 1999. 512 с.; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 / Сост. Артизов А.Н., Сигачёв Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М.: МФД, 2000. 503 с.; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2003–2008; Никита Хрущёв. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы / Сост.: А.Н. Артизов, В.П. Наумов, М.Ю. Прокуменщиков, Ю.В. Сигачев, Н.Г. Томилина, И.Н. Шевчук. М.: МФД; Материк, 2007. 576 с.; Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва: В 2 т. / Гл. ред. Н.Г. Томилина. Сост.: А.Н. Артизов,

к нашему периоду. Продолжается работа по рассекречиванию документов и осуществлению доступа к ним в читальных залах государственных архивов², в том числе к аудиовизуальным документам. В связи с тем, что ни одну серьёзную исследовательскую работу нельзя осуществить без доступа к архивным документам, именно на базе их открытия в 1990-х гг. уже в 2000-х вышла целая серия обширных по перечню и глубине рассматриваемых вопросов, монографий. Примечательно, что рассмотренные ниже работы публиковались и нашли широкий отклик у научной и «гражданской» общественности как в России, так и за рубежом.

На основании изученных опубликованных работ А.В. Пыжикова [8], У. Таубмана [10], Ю.В. Аксютин [2], Р.Г. Пихоя [6; 7], М. Добсон [3], Н. Адлер [1] и Н.Б. Лебиной [4; 5], представляется возможным выявить пять основных тенденций в историографии 2000–2010-х гг. периода хрущёвской «оттепели».

Первой явной тенденцией, характерной и для историографии предыдущих периодов, является то, что автор позволит себе охарактеризовать термином «оттепельноцентричность». Если темам реабилитации жертв политических репрессий, секретному докладу Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС, проблемам психологической

Л.А. Величанская, И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков, С.Д. Таванец. М.: МФД, 2009.

² В частности, автор получил доступ к делам, с которых гриф секретности был снят в 2004–2007 гг. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 52. Оп. 1. Д. 170; Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 84. Оп. 1. Д. 143. Там же. Оп. 3. Д. 19.

адаптации реабилитированных жертв политического террора и тоталитарного режима 1930-х – начала 1950-х гг. работа профессора Центра изучения Холокоста и геноцида Университета Амстердама (NIOD Institute for War, Holocaust. And Genocide Studies) Нэнси Адлер посвящена полностью, то для остальных монографий эта тема является формально одной из многих, однако, занимающей существенное место. В свою очередь, исследование Нэнси Адлер (2012), посвящённое судьбам членов советской компартии в посталинском обществе, логически продолжает более широкий спектр вопросов, поднятых в работе Мириам Добсон (2009). В своём исследовании Добсон конструирует социальную историю Советского Союза от смерти Сталина до середины 1960-х гг., в которой переплетаются стихии массовых амнистий 1950-х гг., политической десталинизации, курса Н.С. Хрущёва на построение коммунистического общества в исторически осязаемые сроки и роста преступности. Итогом исследования Добсон является следующий вывод: психологическое состояние советского «оттепельного» общества было столь же непоследовательным и противоречивым, как и политический курс лидера партии, что ярко продемонстрировано на примерах отношения общества к бывшим старым заключённым и новым оступившимися. Нэнси Адлер, работавшая над своим исследованием параллельно с начала 1990-х гг., вычленяет из общей картины, позже нарисованной Мириам Добсон, конкретную общественно-социальную группу – членов ВКП(б)-КПСС и их детей. Несмотря на неоднородность судеб, суждений и мнений

бывших узников ГУЛАГа и их детей, принадлежащие им воспоминания, многие из которых были написаны «по горячим следам» в конце 1950–1960-х гг., позволяют говорить об искренней преданности существовавшему политическому строю и даже сопоставлять коммунистическую идеологию с религиозным учением [1, с. 33–39, 54–65].

Второй тенденцией просматривающейся в обозначенном периоде является, несомненно, большая критичность в оценках и общих теоретических выводах, что, вне всякого сомнения, стало прямым следствием открытия архивных документов, многие из которых не были доступны для исследования ещё в конце 1980-х гг. Можно говорить о сформировавшемся экспертном консенсусе в отношении политики десталинизации в целом и реабилитации жертв политических репрессий. В этом отношении внутренняя политика Н.С. Хрущёва проводилась непоследовательно [1, с. 236–238; 8, с. 416–433; 6, с. 340], к середине 1960-х гг. так полностью и не оформилась в единый комплекс взглядов и принятых на их основе мер, а самого Н.С. Хрущёва нельзя назвать единственным творцом «оттепели» – либерализации политического режима в СССР после смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. Отмечая положительные тенденции в отношении реабилитации репрессированных народов, в частности, А.В. Пыжиков заключает, что данный процесс не получил логического завершения [8, с. 271]. Реформы и предложения Л.П. Берии весны 1953 г. все авторы рассматривают максимально подробно, вплоть до внешнеполитических инициатив, что также стало возможным благодаря открытию и публикации

архивных документов¹. Любопытным представляется вывод А.В. Пыжикова о корнях большинства маленковских и хрущёвских «оттепельных» инициатив в периоде послевоенных сталинских «заморожков» [8, с. 21–31], в частности, в области внешней политики СССР.

Третья тенденция неразрывно связана с предыдущими. Нельзя не отметить широчайшего охвата источников и, в отличие от предыдущих периодов, нельзя вычленить их приоритетный круг. Если в *позднеперестроечных* работах исследователи были вынуждены опираться на официально опубликованные документы, прессу и интервью с непосредственными участниками событий, дожившими до начала 1990-х гг., то уже в работах 2000-х гг. использованы документы из федеральных и региональных архивов, советская и зарубежная пресса, мемуарная литература, интервью, явно прослеживается возрастающий интерес к эго-документам² [2, с. 19]. Так, например, источниковой базой Н. Адлер послужили личные интервью с бывшими узниками ГУ-

ЛАГа³, фонды бывшего Центрального партийного архива КПСС, а с 1999 г. Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также неправительственной организации (НКО) «Мемориал». Вышедшая тремя годами ранее монография старшего преподавателя Шеффилдского университета М. Добсон базируется на документах из Государственного архива России (ГА РФ), бывшего архива Секретариата ЦК КПСС, а ныне Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), РГАСПИ, Центрального архива общественных движений Москвы (ЦА-ОДМ), региональных архивов Московской (ЦГАМО), Владимирской (ГАВО), Челябинской (ГУ ОГАЧО) областей и г. Москвы (ЦАДКМ). Но применительно к вопросам исключительно политической истории серьёзнейший вклад внесли работы Главного государственного архивиста России (1991–1996) Р.Г. Пихоя [6; 7], имевшего доступ к документам Общего отдела ЦК КПСС, являвшегося общепартийной канцелярией КПСС, пропускавшую через себя всю входящую и исходящую документации (в том числе документы КГБ) и, в частности, VI сектора Особого отдела ЦК КПСС – Архива Политбюро и Президиума ЦК КПСС, ныне Архива Президента Российской Федерации (АП РФ). Подавляющее большинство исследователей и в 1990-е, и в 2000-е гг., и в наши дни доступа к этим документам не имеют⁴.

¹ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под. ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 1999. 512 с.; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 / Сост. Артизов А.Н., Сигачёв Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М.: МФД, 2000. 503 с. Хронологически уже после выхода большинства рассматриваемых работ были опубликованы дополнительные документы. См.: Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост. В.Н. Хаустов. М.: МФД, 2012. 752 с.

² Ю.В. Аксютин широко использует материалы анкетирования почти полутора тысяч человек, проведённого в 1994–1999 гг. студентами нынешнего Московского государственного областного университета (МГОУ) на предмет их отношения к событиям 1953–1964 гг.

³ С конца 1980-х по 2008 гг. Н. Адлер проинтервьюировала З.Л. Серебрякову, Н.А. Рыкову, З.Д. Марченко, М.М. Кораллова, Р.А. Медведева и др.

⁴ Существует несколько правовых актов, регулирующих процесс рассекречивания и передачу документов из АП РФ в федеральные

Как уже было отмечено выше, нулевые годы были ознаменованы резким расширением документальной базы и возможностей её использования, вплоть до опубликования существенных массивов документов в соответствующих сборниках – документов из АП РФ, РГАНИ, РГАСПИ, ГА РФ, архивов административных субъектов РФ и Украины¹. Однако в связи с тем, что опубликование документов зачастую проходило параллельно со стремительным процессом их рассекретивания, исследователи зачастую не имели возможности работать с ними непосредственно в архивах [2, с. 11], и, таким образом, практически все рассматриваемые работы, кроме работ Р.Г. Пихоя и А.В. Пыжикова, на них не опираются. Применительно к исследуемому периоду, таким образом, мы наблюдаем определённый парадокс: перечень доступных источников (в том числе аудиовизуальных), постоянно расширяется, и происходит это намного быстрее, чем продвигается работа исследователей. Работы академического уровня, на данный момент, в своей массе опираются на круг данных, сформированных в конце 1980-х – начале 2000-х гг.

Четвёртую тенденцию можно охарактеризовать как асимметричность в исследовании периода 1953–1964 гг.

архивы, большая их часть переходит в фонды РГАНИ. Таким образом документы бывшего Политбюро ЦК КПСС оседают в архиве бывшего Секретариата ЦК КПСС.

¹ Напр.: Политическое руководство Украины. 1938–1939 / Сост. В.Ю. Васильев, Р.Ю. Подкур, Х. Куромия, Ю.И. Шаповал, А. Вайнер. М.: РОССПЭН, 2006. 544 с.; Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2009. – 774 с.

Период от получения Н.С. Хрущёвым всей полноты политической власти и до его свержения с кремлёвского олимпа занимает семь лет (1957–1964), однако, ему во всех работах уделено внимания меньше, чем бурному периоду 1953–1957 гг., хронологически занимающему почти в два раза меньше времени. Ярким примером служит работа Р.Г. Пихоя, посвящённая политической истории 1945–1985 гг. Период хрущёвской «оттепели» в ней занимает 264 страницы [6, с. 218–482], из которых периоду с июля 1957 по октябрь 1964 гг. посвящено 120 страниц, или 45% текста по историческому периоду.

В настоящее время можно сказать о том, что традиционно большое внимание в изучении внутренней политики Н.С. Хрущёва с 1956–1957 гг. уделяется сельскому хозяйству и жилищному строительству. О квадратно-гнездовом методе посевов и гидропонике можно прочесть и в работе У. Таубмана, и в монографии Ю.В. Аксютин, и у А.В. Пыжикова. Можно говорить и о том, что в историографии наблюдается определённый консенсус: продовольственный кризис 1962–1964 гг. явился следствием сельскохозяйственной политики Н.С. Хрущёва и фактора, названного на Октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. волюнтаризмом. Едины авторы и во мнении, что борьба с культом личности Сталина использовалась Первым секретарём ЦК КПСС в качестве рычага в борьбе за власть. Достаточно подробно на основе документов органов партийного и государственного управления и мемуаров рассмотрены вопросы политических поражений Г.М. Маленкова и В.М. Молотова. Авторы, чьи работы, посвящённые в основном или целиком политической

истории (А.В. Пыжиков, Ю.В. Аксютин, Р.Г. Пихоя, У. Таубман) едины во мнении, что безусловной базой поддержки Н.С. Хрущёва служил Центральный Комитет партии, а борьба за власть, развернувшаяся между ним, Г.М. Маленковым и В.М. Молотовым (весной – летом 1953 г. и с Л.П. Берией) имела характер противостояния партийной власти и государственной. Коммунистическая партия во главе с Первым секретарём Н.С. Хрущёвым одержала победу над органами государственной власти (в первую очередь – Советом Министров, в 1953–1955 гг. возглавляемым Г.М. Маленковым), имевшими большой удельный политический вес при жизни И.В. Сталина.

Применительно ко внутриполитическому положению в СССР 1950–х – начала 1960-х гг. присутствует недостаточное внимание к темам шелепинского супер – ведомства Комитета партийного и государственного контроля¹ и его роли в смещении Хрущёва со всех постов; реформе по разделению КПСС по производственному признаку; потенциальной конституционной реформе² с введением выборов на конкурентной основе. Ни в одной работе не встречается проблематика теневой экономики, представляющей интерес во множестве аспектов, не уделено должного внимания денежной реформе 1961 г., её роли в жизни общества, показательному судебному процессу Рокотова – Файбишенко и, в связи уже с ним, правовому прецеденту «закон обратную силу имеет».

¹ Серьёзное внимание этому уделяет Р.Г. Пихоя [6, с. 453–462], однако тема практически проигнорирована У. Таубманом и Ю.В. Аксютиним.

² Подробнее о Конституционном проекте 1962–1964 гг. [8, с. 455–472].

Традиционно большое внимание и отечественными, и зарубежными авторами уделяется внешней политике СССР 1950-х – середины 1960-х гг. В данном вопросе центральное место занимают нормализация отношений с Югославией, в том числе и потому, что данный вопрос был использован Хрущёвым как дополнительный аргумент в борьбе с Молотовым, события в Венгрии 1953–1956 гг., Карибский кризис и отношения с Китаем. Однако обращают на себя внимание две особенности. Во-первых, применительно к отношениям Советского Союза и стран Азии, Африки и Латинской Америки внимание исследователей преимущественно приковано к Египту и Кубе и, во-вторых, опора на достаточно скудный объём использованных источников. Если учесть, что большая часть работ публиковалась в первой половине 2000-х гг. и базируется на материалах, доступных в конце 1990-х гг., подобное объясняется их очевидной недоступностью³. Недостаточность документальной основы восполнена исследователями мемуарной литературой и, в данном случае, нельзя не отметить работу Уильяма Таубмана, в процессе изучения внешнеполитического курса Н.С. Хрущёва использовавшего значительный пласт англоязычных воспоминаний, в России не изданных. Помимо этого,

³ Во многом проблема недоступности документов по вопросам внешней политики сохраняется и по сей день. Во время работы в федеральных архивах в 2016 г. автор обнаружил десятки засекреченных дел. Напр.: РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д.Д. 39–41; 43; 48 (Фонд А.И. Микояна). Эти дела, по всей видимости, хранят материалы по советско-китайским переговорам начала 1960-х гг. А также: РГАНИ. Ф. 552. Оп. 1. Д.Д. 477; 497–498; 558 (вероятно, имеет отношение к ГДР); 571–573; 591 (Фонд Н.С. Хрущёва).

профессор Амхерстского колледжа У. Таубман использовал документы Центрального разведывательного управления и Государственного департамента США, которые в российских работах не встречаются ни разу. Однозначной оценки внешнеполитического курса Никиты Хрущёва Таубман не даёт, но отмечает, что в его основе лежал явный «ядерный блеф» [10, с. 365, 381], что ярко прослеживается в случаях с Берлинскими кризисами конца 1950-х – начала 1960-х гг. и Карибским кризисом 1962 г. Исследование Таубмана является во многом типичным для западной историографии «оттепели», в которой очевидны перекосы в сторону десталинизации и внешней политики. В работе Таубмана из 11 глав, посвящённых 1953–1964 гг., 5 глав полностью посвящены внешней политике, в оставшихся внешнеполитические вопросы затронуты косвенно. Россий-

ские исследователи также однозначной оценки внешнеполитического курса Н.С. Хрущёва не дают и общетеоретических выводов не делают.

Пятая тенденция наметилась относительно недавно. Это популярная в западной историографии уже несколько десятилетий и относительно молодая линия в отечественной – тема повседневной жизни. Применительно к «оттепельному» периоду проблематика новых тенденций в советском постсталинском обществе представлена в первую очередь работами профессора Н.Б. Лебиной¹ [4; 5]. Несмотря на максимально широкий охват проблем, от бытовой техники до самиздата и зарождения диссидентских настроений, по очевидным причинам всеобщности поставленного вопроса и фактора субъективности в оценках, тема повседневности ждёт дальнейших исследований, возможно, в контексте региональных особенностей².

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер Н. Сохраняя верность партии. Коммунисты возвращаются из ГУЛАГа. М.: РОССПЭН, 2013. 262 с.
2. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 622 с.
3. Добсон М. Холодное лето Хрущева. Возвращение из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М.: РОССПЭН, 2014. 295 с.
4. Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 208 с.
5. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Победа, 2015. 484 с.
6. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М.: АСТ, 2007. 715 с.
7. Пихоя Р.Г. Советский союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.
8. Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 511 с.
9. Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с.
10. Таубман У. Хрущев. М.: Молодая гвардия, 2005. 850 с.

¹ Роль многочисленных хрущевских инициатив в жизни обычных советских людей также оценивается в [9, с. 76–140].

² Упомянутые работы Н.Б. Лебиной написаны на материалах Ленинграда и Ленинградской области, а исследование Д. Рейли – Москвы и Саратова.

REFERENCES

1. Adler N. Sokhranyaya vernost' partii. Kommunisty vozvrashchayutsya iz GULAGa [Retaining loyalty to the party. The Communists are returning from the GULAG]. Moscow, ROSSPEN, 2013. 262 p.
2. Aksyutin Yu.V. Khrushchevskaya «ottepel'» i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg [Khrushchev's "thaw" and public sentiments in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN, 2004. 622 p.
3. Dobson M. Kholodnoe leto Khrushcheva. Vozvrashchenie iz GULAGa, prestupnost' i trudnaya sud'ba reform posle Stalina [Khrushchev's cold summer. Retuning from GULAG. Criminality and difficult fate of reforms in post-Stalin's period]. Moscow, ROSSPEN, 2014. 295 p.
4. Lebina N.B. Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura. SSSR.Ottepel'. [A man and a woman: body, fashion, culture. Thaw in the USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 208 p.
5. Lebina N.B. Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy. Destruktsiya bol'shogo stilya: Leningrad, 1950–1960-e gody [Everyday life in the epoch of the cosmos and corn. Destruction of the grand style: Leningrad, 1950–1960s]. St. Petersburg, Pobeda, 2015. 484 p.
6. Pikhoya R.G. Moskva. Krem'.Vlast'. Sorok let posle voiny, 1945 [Moscow. The Kremlin. Power. Forty years after the war, 1945]. Moscow, AST, 2007. 715 p.
7. Pikhoya R.G. Sovetskii soyuz: istoriya vlasti, 1945–1991 [The Soviet Union: history of power 1945–1991]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf, 2000. 684 p.
8. Pyzhikov A.V. Khrushchevskaya «ottepel'» [Khrushchev's "thaw"]. Moscow, OLMA-PRESS, 2002. 511 p.
9. Reili D. Sovetskie beibi-bumery. Poslevoennoe pokolenie rasskazyvaet o sebe i o svoei strane [Soviet baby-boomers. The postwar generation talks about themselves and their country]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 544 p.
10. Taubman U. Khrushchev [Khrushchev].M., Molodaya gvardiya, 2005.850 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернышёв Артём Сергеевич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: profsovietology@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem S. Chernyshev – the post-graduate student of the department of New and Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: profsovietology@yahoo.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чернышёв А.С. Хрущёвская «оттепель». Современная историография (2000–2016 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 24–31.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-24-31

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Chernyshev. Khrushchev's thaw. Modern historiography (2000–2016). *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 24–31.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-24-31

Всеобщая история

УДК 327:94 (4)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-32-39

АНГЛО–ГЕРМАНСКИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В 1933–1937 ГГ.

Нурисламов Р.Р.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается роль колониального вопроса в англо-германских отношениях в 1933–1937 гг. Если в идеологических установках 1920-х гг. и выступлениях первых лет после прихода к власти нацисты подчеркивали возможность отказа от колоний ради сближения с Англией, то примерно с 1935 г. их тактика меняется и все чаще начинают выдвигаться колониальные требования. Автором сделан вывод, что колониальные требования Германии носили характер давления на Англию и в тот момент не подразумевали реальной борьбы за колонии.

Ключевые слова: англо-германские отношения, Британская империя, колониальная политика, колониальные требования, причины Второй мировой войны

ANGLO–GERMAN COLONIAL CONFLICTS IN 1933–1937

R. Nurislamov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. This article deals with the colonial issue role in Anglo-German relations in 1933–1937. In their ideological attitudes of 1920s and speeches of the early years after coming to power, the Nazis emphasized the possibility of giving up colonies for the sake of rapprochement with the United Kingdom, whereas approximately after 1935 they changed their tactics and began to assert colonial claims. The article proves that their colonial claims of 1935–1937 were simply to put pressure on the United Kingdom and not to regain any real colonies.

Key words: Anglo-German relations, the British Empire, colonial policy, colonial demands, origins of the Second World War.

Итогом кризиса международных отношений 1930-х гг. стала Вторая мировая война – самый масштабный и кровопролитный конфликт в истории человечества. Историки на протяжении более 70 лет пытаются разобраться в причинах этого события. Можно согласиться с мнением британского историка Ф. Макдо-

© Нурисламов Р.Р., 2017.

но, который возглавил интернациональную группу исследователей для работы над коллективной монографией о причинах Второй мировой войны. В предисловии к этому труду он писал, что «более точно было бы определить Вторую мировую войну как серию крупных и более мелких конфликтов, которые осуществлялись в глобальном масштабе. Каждый из них имел собственные отличительные причины и особенности» [11, р. 1–2].

Одним из таких конфликтов был конфликт между нацистской Германией и Англией. В соответствии с англо-польским соглашением о взаимопомощи, Англия 3 сентября 1939 г., через два дня после вторжения нацистов в Польшу, объявила войну Германии.

Некоторые ученые, пытаясь понять причины англо-германского конфликта, приходят к выводу, что «завоевание колоний и создание германской колониальной империи было одной из главных целей нацизма» [3, с. 101; 5, с. 181]. При этом они видят определенную преемственность колониального экспансионизма, который, с их точки зрения, «с момента образования империи до поражения во Второй мировой войне был определяющим вектором внутренней и внешней политики правительственных кабинетов кайзеровской Германии, Веймарской республики и нацистского режима» [5, с. 213]. Таким образом, нацистский колониальный экспансионизм неизбежно должен был столкнуться с интересами Англии, крупнейшей колониальной державы того времени.

Попробуем проанализировать отношения нацистской Германии и Англии в связи с колониальным вопросом и определить роль этих противоречий в период 1933–1937 гг.

По итогам Парижской мирной конференции 1919 г. Германия потеряла все свои колонии, большая часть из которых стала подмандатной Англии или ее доминионам.

Уже через некоторое время после образования Веймарской республики почти все германские политические партии в своих программах заявляли о необходимости признать права Германии на экономическую и политическую деятельность в ее бывших колониях [1, с. 66]. Иной позиции придерживалась образованная в 1920 г. НСДАП. В своих программных трудах и выступлениях 1920-х гг. А. Гитлер настойчиво проводил мысль об ошибочности и недальновидности политики германского руководства начала XX в., результатом которой стала Первая мировая война, в которой Германии пришлось вести войну с Англией. Признавая бессмысленность былых колониальных устремлений, в новых исторических условиях вместо борьбы за колонии, находящихся за пределами Европейского континента, Гитлер предлагал направить все силы на подготовку похода на Восток. Для этой задачи нацистам необходимы были надежные союзники, важнейшим из которых Гитлер видел Англию. «Только вместе с Англией, – писал он, – прикрывающей нас с тыла, мы могли бы начать новый германский поход... Никакие жертвы не могли бы показаться слишком большими для того чтобы добиться благосклонности Англии. Мы должны были бы пренебречь колониями и позициями великой морской державы, чтобы избавить британскую индустрию от конкуренции с нами» [9, S. 43]. Кроме всего прочего, Гитлер с пиететом относился к Британской империи, и пред-

почитал «видеть Индию только под господством Англии, а не под властью какой-либо иной державы» [12, S. 36].

Тезис о прекращении колониальной конкуренции с Англией сохранился и после назначения Гитлера канцлером 30 января 1933 г. 5 мая 1933 г. в газете «Дейли Телеграф», было опубликовано интервью Гитлера, которое у него взял журналист Фостер Фрэйзер. В этом интервью Гитлер утверждал, что «немцы отказались от мысли о заокеанской экспансии, они не хотят соревноваться в вопросах вооружения с Англией. Немецкая судьба будет зависеть не от морских берегов и доминионов, а от немецкой восточной границы»¹.

В первое время после назначения Гитлера канцлером нацисты не могли контролировать всю политическую жизнь страны, и оставалось немало людей, даже приближенных к НСДАП, взгляды которых имели расхождения с гитлеровской стратегией внешней политики. Одним из таких людей был Альфред Гугенберг, председатель Немецкой национальной народной партии. Он финансировал НСДАП и способствовал приходу Гитлера к власти, взамен получив посты министра экономики и министра сельского хозяйства и продовольствия в первом кабинете Гитлера. Участвуя в июне 1933 г. на международной экономической конференции, которая проходила в Лондоне, Гугенберг доказывал, что одной из мер для приобретения Германией международной платежеспособности является возможность вновь получить колонии в Африке, для того чтобы «провести на этом совершенно новом континенте

большие работы и строительство, которые иначе не возникли бы»².

Нацистское руководство было вынуждено отречься от высказываний своего представителя, сославшись на то, что министр экономики говорил не от лица государства, а сформулировал свою личную точку зрения. Гугенберг был лишен 29 июня 1933 г. министерских постов и потерял всякое политическое влияние в Германии.

Колониальная пропаганда ограничивалась не только на внешнеполитической арене, но и внутри Германии. 4 сентября 1933 г. в послании министерства пропаганды в региональные представительства высказывалось требование «избегать прямой колониальной пропаганды и оставить это в лучшем случае для Имперского колониального союза, но также с учетом будущих ограничений» [6, S. 1000].

Но уже через некоторое время положение меняется и среди нацистского руководства все чаще начинают раздаваться призывы к колониальной ревизии. Это становилось очевидным, в том числе и для иностранных представительств в Германии. Е.А. Гнедин, первый секретарь посольства СССР в Берлине, в своем сообщении от 13 декабря 1935 г. заведующему 2-м западным отделом Д.Г. Штерну с тревогой отмечал оживление интереса к колониальной проблеме в Германии: «Соответствующие организации устраивают различные съезды и совещания, в частности в первой половине декабря в Гамбурге состоялся ряд совещаний по колониальным проблемам. Пресса посвящает довольно много статей германским ко-

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 82. Оп. 18. П. 62. Д. 6. Л. 54.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1161. Л. 46.

лониальным притязаниям, публикует речи Эппа и др. После того, как Гитлер в беседе с директором «Юнайтед пресс» прямо заявил о том, что Германия сохраняет в силе свои колониальные претензии, этот вопрос ставится с гораздо большей определенностью в речах фашистских деятелей»¹.

Следуя примеру Гитлера, в своих публичных выступлениях колониальные требования обозначили также Г. Геринг, Й. Геббельс [7, р. 344–345] и И. фон Риббентроп². Речь министра авиации Третьего рейха Г. Геринга от 28 октября 1936 г. содержала не только ряд колониальных претензий, но и выпады конкретно в адрес Англии. После сравнения плотности германского и английского населения он выразил упрек, что «Англия обладает третью мира в качестве колоний, в то время как у нас нет ничего». Также из его уст в адрес англичан прозвучали фразы: «Вы украли у нас колонии!» и «Германия по-прежнему не имеет места под солнцем». Интересно, что последнее высказывание отсутствовало в печатной версии этой речи Геринга³.

Тем не менее агенство «Рейтер» распространило точное содержание речи Геринга, и немцы были немало удивлены, что посол Англии в Берлине Э. Фиппс во время своего визита на Вильгельмштрассе в беседе с министром иностранных дел К. фон Нейратом не только не высказал никаких возражений против этих суждений, но и обладал неверной информацией о самом их содержании⁴.

¹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 19. П. 58. Д. 5. Л. 36.

² Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее PA AA), RZ 107, R 27157, Ribbentrop. Wille zum Welthandel. fol.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1161. Л. 54.

⁴ PA AA, RZ 107, R 27090, Aktennotiz. Berlin,

Как можно оценить это изменение нацистской внешнеполитической стратегии по отношению к колониальному вопросу? Наиболее вероятными являются два объяснения. Одно из них - изменившаяся политическая конъюнктура, перевооружение Германии и сближение с Японией и Италией позволили Третьему Рейху обратиться к прежней кайзеровской политике борьбы за колонии. С другой стороны, можно рассматривать рост колониальных требований как средство давления на Англию, с целью добиться ее одобрения ревизии Версаля и дальнейшего похода Германии на Восток. Мы склонны полагать, что второй вариант более близок к истине.

Несмотря на заявления нацистских лидеров, никаких реальных шагов по возвращению колоний предпринято не было. Заметную активность в этом вопросе проявляли только различные колониальные организации («Государственный союз немцев-колониалистов», «Германское колониальное общество», «Германский союз колониальных воинов» и др.), основанные преимущественно до прихода нацистов к власти. Следует учитывать, что их деятельность была ограничена пропагандистскими и воспитательными задачами. Наблюдая перевооружение и усиление Германии на внешнеполитической арене, руководители этих организаций пытались способствовать усилению колониальной деятельности Германии, постоянно направляя докладные записки нацистскому руководству. Правительство воспринимало деятельность колониальных организаций весьма прохладно. Государство отказалось выступать в качестве организатора праздника, посвященного

den 4. Nov. 1936. fol. 28678-28679.

50-летию германской колониальной империи, как на том настаивали представители «Германского колониального общества». Также во время празднования юбилея руководителям молодежных организаций запретили проводить открытые уличные собрания, были исключены некоторые провокационные лозунги, а руководителю общества Г. Шнее было запрещено выступать на радио с колониальными требованиями [1, с. 67].

С усилением собственных колониальных требований к Англии, власти попытались взять все колониальное движение Германии под свой собственный контроль, чтобы регулировать его деятельность и избежать провокаций со стороны колониальных организаций. С этой целью в июне 1936 г. был реорганизован Имперский колониальный союз. Прежний союз был создан 10 июня 1933 г. как добровольное объединение сохранявших свою самостоятельность колониальных обществ, которые после вышеуказанной реорганизации распускались, и новый союз теперь должен был управляться напрямую из центра. Риббентроп в своей докладной записке Гитлеру обращал внимание на возможность непродуманных действий руководителей колониальных организаций, которые вошли в состав руководства нового Имперского колониального союза. В частности он отмечал, что позиция главы союза генерала Ф. фон Эппа, «неприемлема по внешнеполитическим причинам, так как возврат колоний исключительно вопрос внешней политики и колониальное движение в Германии в первую очередь должно быть очень осторожно используемым инструментом для этой внешнеполитической цели»¹.

¹ PA AA, RZ 107, R 27164a, Notiz für den

Нацисты понимали, что излишняя активность колониальных обществ может перейти в практическую сферу и тогда прямого конфликта с англичанами не избежать. Но Германия не отказывалась от идеи сближения с Англией. Глава политического отдела МИД нацистской Германии Р. фон Вайцзеккер так высказался об отношениях Германии с Англией в конце 1937 г.: «Ни в коем случае нельзя рвать связи между Берлином и Лондоном. Мы должны быть настроены на то, что еще долгие годы наши отношения с Лондоном останутся на мертвой точке. Но время будет работать в пользу улучшения англо-германских отношений»².

Другим указанием на то, что усиление германских колониальных требований являлось средством давления на Англию для одобрения германского похода на Восток, является ход развития германо-японских отношений.

Германия по Версальскому договору теряла подконтрольные ей расположенные в западной части бассейна Тихого океана острова Микронезии – Маршалловы, Марианские и Каролинские. Мандат на управление этими территориями переходил к Японии. В первые годы после прихода к власти нацисты всячески намекали японцам на необходимость возврата данных территорий. Так, на вечере в японском посольстве 24 марта 1933 г. нацистские деятели Й. Геббельс, А. Розенберг и В. Функ высказали претензии японским представителям в Берлине в плане возвращения Германии бывших

Führer betr. Kolonialproblem. Wildungen, 28.8.36. fol. 417192.

² PA AA, RZ 107, R 27090, Vortragnotiz über die außenpolitische Haltung Deutschland. den 20.37. fol. 28868.

колониальных владений в Тихом океане [8, с. 94]. Но в Германии все более осознавали важность Японии не только как союзника в деле ревизии Версальской системы, но и как союзника на Дальнем Востоке для нападения на Советский Союз. Даже ярый сторонник активной колониальной политики Г. Шнее в своей докладной записке Гитлеру от 20 марта 1935 г. отмечал, что «в связи с предстоящим заключением с Японией Антикоминтерновского пакта не следует требовать от нее ни возвращения островов, ни какой-либо компенсации за них» [1, с. 67].

Одновременно и сама Япония была готова пожертвовать подмандатными территориями, которые могли стать камнем преткновения в отношениях двух стран. В начале февраля 1938 г. было достигнуто соглашение, которое подразумевало выплату финансовой компенсации Японией Германии за обладание тихоокеанскими островами [2, с. 29].

Подобные проекты имелись и в Англии. Среди представителей английской политической элиты существовало немало людей, которые оценивали экономическое и колониальное умиротворение Германии как альтернативу возможной войне. Еще 15 декабря 1933 г. бывший премьер-министр Англии Д. Ллойд-Джордж в беседе с полномочным послом СССР в Великобритании И.М. Майским высказывал мысль о том, что у британцев «с Германией в настоящее время никаких особенных спорных вопросов нет. Было бы неплохо вернуть Германии Камерун и Восточную Африку, – и мы, и французы очень плохо справляемся с этими колониями. Было бы у Германии занятие, – была бы она спокойнее»¹.

¹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 18. П. 55. Д. 4. Л. 16.

Хотя в 1930-е гг. Ллойд-Джордж не занимал сколько-нибудь значимых постов, он был своего рода гуру для более молодых политиков. И они действительно «прислушивались» к нему. Так, будущий премьер-министр Великобритании, человек, с которым в будущем в первую очередь будет впоследствии ассоциироваться «политика умиротворения», Н. Чемберлен, тогда еще в статусе канцлера казначейства, 2 апреля 1937 г. изложил свою внешнеполитическую программу. Одним из аспектов будущего умиротворения должна была стать финансовая помощь Германии и предоставление рынков в колониях для германского экспорта. Танганьика, по мнению Чемберлена, была необходима Великобритании ввиду ее важного стратегического положения, но он считал, что британцы могли бы рассматривать передачу Германии Того и Камеруна в рамках общего колониального урегулирования. Эта программа была через некоторое время одобрена кабинетом и послужила основой для будущих дипломатических акций [4, с. 148].

Даже Черчилль 21 декабря 1937 г. во время дебатов в палате общин поддерживал определенную степень колониального умиротворения Германии, в случае если это могло бы удержать мир от войны [10, с. 48].

Подводя итог, мы можем сделать вывод, что сформулированный в 1920-е гг. в нацистской идеологии тезис о прекращении борьбы с Англией за колонии, через некоторое время после прихода Гитлера к власти трансформировался в возобновление колониальных требований. Но стремление сдерживать активность колониальных организаций и разрешение германо-японских проти-

воречий свидетельствует о том, что колониальные требования нацистов преследовали своей целью не получение немедленного доступа к колониям, но скорее являлись средством давления на англичан, чтобы получить санкцию на реализацию похода на Восток. Вместе с тем в Англии готовы были пойти на определенные уступки в колониальном вопросе по отношению к Германии, что говорит о том, что англо-германские колониальные противоречия не могли стать решающей причиной англо-германского столкновения во Второй мировой войне.

Интересно, что немцы оказыва-

ли давление на англичан не только собственными колониальными требованиями, но и указывали на угрозу Британской империи со стороны СССР. Так, в статье «Москва у врат Британской империи» в мюнхенской газеты «Фелькишер Беобахтер» от 18 апреля 1936 г. высказывалась мысль, что «вся политика Москвы направлена на отрыв от Англии магометанских народов. Турция помогает СССР. Москва пробирается к Индии»¹. Об антианглийской просоветской агитации в колониях идет также речь в выпуске «Гамбургер Фремденблатт» от 24 апреля того же года².

ЛИТЕРАТУРА

1. Бем К.Ю. Микронезия в планах нацистской Германии // *Азия и Африка сегодня*. 2003. № 6. С. 66–68.
2. Бем К.Ю. Политика Германии в отношении ее бывших колониальных владений в бассейне Тихого океана (1918–1941 гг.) // *Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран: сборник научных трудов*. Вып. 7. М.: МГОУ, 2009. С. 17–32.
3. Дашичев В. И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: в 4-х т. Т. 1: Подготовка ко Второй мировой войне, 1933–1939. М.: Наука, 2005. 523 с.
4. Иванов А.Г. Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. М.: Московский гос. машиностроительный ун-т, 2014. 371 с.
5. Фокин С.В. Геополитическое измерение колониальной политики Германии. М.: Российская академия государственной службы (РАГС), 2005. 218 с.
6. Akten der Reichskanzlei: Regierung Hitler 1933–1938. Teil 1: 1933/34. Bd. 2: 12. September 1933 bis 27. August 1934. Boppard am Rhein: Boldt, 1983. 725 S.
7. British documents on foreign affairs. Series F. Part II. Vol. 44. Germany, 1933. [Frederick, Md.]: Univ. Publ. of America, 1993. 428 p.
8. Fox J.P. Germany and the Far-Eastern crisis, 1931–1938. Oxford: Clarendon Pr., 1982. 445 p.
9. Müller R.-D. Der Feind steht im Osten: Hitlers geheime Pläne für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahr 1939. Berlin: Ch. Links Verlag, 2012. 296 S.
10. Stedman A.D. Alternatives to appeasement: Neville Chamberlain and Hitler's Germany. London [u.a.]: Tauris Acad. Studies, 2011. 308 p.
11. The origins of the Second World War: an international perspective / ed. by Frank McDonough. London [u.a.]: Continuum, 2011. 535 p.
12. Voigt J.H. Hitler und Indien // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1971. Nr.1. S. 33–63.

REFERENCES

1. Bem K.Yu. Mikroneziya v planakh natsistskoi Germanii [Micronesia in the plans of Nazi Germany]. In: *Aziya i Afrika segodnya*, 2003, no. 6, pp. 66–68.

¹ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 20. П. 67. Д. 16. Л. 225.

² Там же. Л. 133.

2. Bem K.Yu. Politika Germanii v otnoshenii ee byvshikh kolonial'nykh vladenii v basseine Tikhogo okeana (1918–1941 gg.) [The policy of Germany in respect of her former colonial possessions in the Pacific (1918–1941)]. In: *Problemy novoi i noveishei istorii zarubezhnykh stran* [Problems of modern and contemporary history of foreign countries], Vol. 7. Moscow, MGOU, 2009, pp. 17–32.
3. Dashichev V.I. Strategiya Gitlera – put' k katastrofe, 1933–1945: v 4-kh t. T. 1: Podgotovka ko Vtoroi mirovoi voine, 1933–1939 [The strategy of Hitler – the path to catastrophe, 1933–1945: in 4 vol. Vol. 1: Preparations for the Second world war, 1933–1939]. Moscow, Nauka, 2005. 523 p.
4. Ivanov A.G. Velikobritaniya i Tretii reikh nakanune Vtoroi mirovoi voiny. [Britain and the Third Reich before world war II.]. M., Moskovskii gos. mashinostroitel'nyi un-t, 2014. 371 p.
5. Fokin S.V. Geopoliticheskoe izmerenie kolonial'noi politiki Germanii [The geopolitical dimension of the colonial policy of Germany]. Moscow, Rossiiskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby (RAGS), 2005. 218 p.
6. Aktender Reichskanzlei: Regierung Hitler 1933–1938. Teil 1: 1933/34. Bd. 2: 12.September 1933 bis 27.August 1934. Boppard am Rhein: Boldt, 1983. 725 S.
7. British documents on foreign affairs. Series F. Part II. Vol. 44. Germany, 1933 [Frederick, Md.]: Univ. Publ. of America, 1993. 428 p.
8. Fox J.P. Germany and the Far-Eastern crisis, 1931–1938. Oxford: Clarendon Pr., 1982. 445 p.
9. Müller R.-D. Der Feind steht im Osten: Hitlers geheime Pläne für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahr 1939. Berlin: Ch. Links Verlag, 2012. 296 S.
10. Stedman A.D. Alternatives to appeasement: Neville Chamberlain and Hitler's Germany. London [u.a.]: Tauris Acad. Studies, 2011. 308 p.
11. The origins of the Second World War: an international perspective, ed. by Frank McDonough. London [u.a.]: Continuum, 2011. 535 p.
12. Voigt J.H. Hitler und Indien // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1971. Nr.1. S. 33–63.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нурисламов Руслан Рифович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ruslan.nurislamov89@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan R. Nurislamov – Postgraduate Student of the Department of Modern, Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: ruslan.nurislamov89@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нурисламов Р.Р. Англо-германские колониальные противоречия в 1933–1937 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 32–39.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-32-39

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

R. Nurislamov. Anglo-German colonial conflicts in 1933–1937. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 32–39.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-32-39

УДК 94(7)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-40-49

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ ГЛОБАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ США НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ НЕСИЛОВЫХ МЕТОДОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Кабасакалова М.Г., Данюк Н.С.

Российский университет дружбы народов

117997, г. Москва, ул. Люсиновская, д. 51, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается вопрос проведения США внешнеполитического курса, направленного на достижение доминирующей роли в мире, а также исторического аспекта реализации данной стратегии посредством элементов «расширения» или «экспорта демократии» и технологий внешнего вмешательства с целью свержения политических режимов. Авторами показано, что необходимость мирового лидерства обосновывается в США с позиции как идеологии, так и обеспечения национальной и глобальной безопасности. Кроме того, идея глобального доминирования США напрямую увязана с формированием стабильного мирового порядка. Исторический контекст развития внешней политики США и международных условий XX в., в которых Вашингтон смог выйти на позиции мирового лидера, привел к разработке в США комплексных стратегий, нацеленных на ослабление своих геополитических противников. Этот аспект, а именно развитие гибких, невоенных, подходов к ведению борьбы, также рассмотрен в статье.

Ключевые слова: США, глобальное доминирование, мягкая сила, «экспорт демократии», «цветные» революции.

THE QUESTION OF THE US GLOBAL DOMINATION STRATEGY ON THE EXAMPLE OF DEVELOPMENT OF SOFT-POWER METHODS OF POLITICAL STRUGGLE

M. Kabasakalova, N. Danyuk

Peoples' Friendship University of Russia

117997, Moscow, Lyusinovskaya street, 51, Russian Federation

Abstract. The article discusses the US foreign policy course aimed at achieving the dominant role in the world, as well as the historical aspect of implementing this strategy by means of the elements of "expansion" or "export of democracy" and external intervention technologies of the overthrowing political regimes. The authors show that the requirement for the US' world leadership is explained both from the standpoint of ideology and the maintenance of national and global security. Moreover, the idea of the US global domination is connected with the formation of a stable world order. The historical context of development of the US foreign policy and the international conditions of the XXth century, when Washington could become a world leader, caused the working-out of the comprehensive strategies aimed at weakening the USA's geopolitical opponents.

Key words: the USA, global domination, soft power, "export of democracy", "color" revolutions.

Актуальность темы данной научной статьи обоснована следующими геополитическими обстоятельствами. Во-первых, внешнюю политику США отличает преемственность: курсу на глобальное доминирование, который реализуется с середины XX в., официальный Вашингтон (с определенными поправками) следует и сегодня. Во-вторых, нередким стало применение «несилового инструментария», так называемых «цветных революций», корни которых уходят в период «холодной войны». Этим определена как цель работы – рассмотреть стратегию США по имплементации асимметричных методов борьбы сквозь призму достижения и сохранения мирового лидерства, так и задачи – изучить факторы, способствовавшие самоопределению США как глобального центра силы, в том числе посредством практических действий (несиловых методов борьбы).

Методология работы носит междисциплинарный характер, что обосновано необходимостью сочетания исторического и политологического подходов. Авторами применялся, в частности, сравнительно-исторический метод, позволивший рассмотреть историческое развитие позиций США по отношению к своей роли в мире, а также находящийся на стыке исторической и политической наук метод сравнительного анализа, который нашел отражение в сравнении подходов представителей различных геополитических групп США к мировому статусу страны, в рассмотрении изменений относительно «несиловой тактики».

Внешнеполитическая стратегия США традиционно была направлена на достижение превосходства и гло-

бального доминирования посредством экономических, культурных и военно-политических инструментов. Впоследствии США стали использовать более гибкие политические технологии, многие из которых активно применяются и сегодня. Дестабилизация политических режимов на деле не всегда отвечает долгосрочным интересам США, однако в целях достижения тех или иных дивидендов, а также недопущения усиления геополитических противников и конкурентов, данные технологии активно применяются.

Исторически внешняя политика США основывалась на двух составляющих: объективной (условно – географической, отраженной в тезисе «мы сильные, мы можем» [10]), и субъективной (условно – религиозно-идеологической, отраженной тезисом «мы избранные, мы должны» [19]). Совокупность указанных факторов впоследствии легла в основу «политики силы», которую – в ее «жесткой» и «мягкой» формах стал развивать официальный Вашингтон.

Стоит также указать, что как отечественные, так и зарубежные специалисты объективно называют США империей. Например, по словам известного историка-американиста В.В. Согрина, внешняя политика США носит характер «демократического имперского мессианизма» [9, с. 21]. Американский социолог, профессор М. Манн называет США «первой глобальной империей», которая основывается на традиционной убежденности в «имперской миссии», мощнейших вооруженных силах, обеспечивающих доступ к мировым энергоресурсам и достижениях глобальной демократии, в том числе посредством смены режимов во враж-

дебных странах [6, с. 17, 39–40]. Интересно также точка зрения российского политолога С. Каспэ, который не замыкает рамки империи на территории США, но рассматривает сами США в качестве конструкта более широкого понятия – «империи Запада», во многом основывая ее на принципе универсальности ценностей, разделяемых США и Западной Европой [5].

Курс на глобальное военно-политическое доминирование был проложен доминированием экономическим, когда со второй половины XX в. США в целом удалось построить американо- и доллароцентричный финансово-экономический мир и получить мощный рычаг давления практически на все страны мира.

С крушением биполярной системы и позже – в начале XXI в. – вопрос о необходимости глобального лидерства США был одним из ключевых в рамках обсуждения будущей внешнеполитической стратегии Америки. При этом сам факт ключевой роли США в мире не ставился под сомнение, различия проявлялись лишь в подходах к обоснованию их лидерства. Так, представители «политического реализма» (Зб. Бжезинский [1], М. Олбрайт [22], Д. Рамсфельд, Р. Каган [18], К. Райс) полагали, что если США не станут глобальным гегемоном, то это место будет занято другим государством. Соответственно, главной задачей США должен стать курс на сохранение своего доминирования во всех сферах, в том числе посредством применения военной силы. В противном случае США могут попасть под влияние иной мировой державы и потерять контроль над склонной к анархии системой международных отношений.

Таким образом, военная мощь вкупе с идеей превосходства породила в США о миф о дозволенности безнаказанного применения силы в рамках односторонней политики, что находило подтверждение во внешней политике США в XXI в.

Сторонники второго подхода к роли США в мире (Р. Хаас, А. Коэн, М. Элиот и др.), основываясь на парадигме политического либерализма, обосновывали доминирование США морально-ценностными оценками американского лидерства. Так, США, как избранной державе, отводилась ключевая роль глобального борца с «глобальным злом». Цель и в то же время залог американского доминирования они видели в расширении элементов рыночной экономики и демократии в мире, в том числе посредством вмешательства в международные процессы, включая политику свержения неугодных режимов [14]. При этом представители «политического либерализма» считали ошибочной политику односторонних военных действий без опоры на союзников для решения международных проблем. Таким образом, необходимость глобального лидерства обосновывалась «моральным долгом» и правом США быть примером борца с несправедливостью для других государств, а ключевые методы доминирования заключались в «утверждении в мире американских принципов управления – демократии, свободного рынка, уважения к свободе» [12, с. 47].

Таким образом, можно условно выделить три обоснования курса официального Вашингтона на достижение и сохранение мирового лидерства: во-первых, «моральный долг» США быть

примером борца с несправедливостью для остального мира; во-вторых, в рамках схемы «международные отношения = борьба глобальных держав» США должны проводить курс на глобальное лидерство, иначе таким лидером станет другая мировая держава; наконец, в-третьих, возможность США быть мировым лидером в силу наличия мощнейших вооруженных сил, обеспечивающих американское присутствие в ключевых регионах мира.

Американское лидерство в мире рассматривается в самих США с еще одной точки зрения – с позиций национальной безопасности: проамериканский мировой порядок должен обеспечивать состояние безопасности Америке и ее гражданам, чего можно добиться в том числе посредством расширения американских ценностных и культурных границ, что также нашло отражение в официальных документах США [17]. В этом контексте стоит указать и еще один фактор – лидерство США в значительной степени основывается на международном сотрудничестве, формирующем систему коллективной безопасности. При этом распространение демократических ценностей (американского образца – с позиций США) соответствует реализации «теории международных режимов» в том смысле, что формирует условно единообразное политическое пространство и препятствует нарушению этого пространства его участниками [7, с. 32–41]. Эти идеи легли в основу проводимой при Дж. Буше-мл. и продолженной, хоть и с некоторыми изменениями, при администрации Б. Обамы политики «экспорта демократии».

«Экспорт демократии» рассматривался в США как один из ключевых элементов борьбы против терроризма: демократизация общества в стране с диктаторским режимом способствует формированию социальной гармонии, равенства, недопущения ущемления прав человека, соответственно, приводит к отказу от терроризма как метода борьбы с «тираническим» режимом. Однако на практике соблюдение «американских ценностей» становилось навязываемым условием политики третьих стран, при несоблюдении которого суверенитет этих стран может быть нарушен.

В 2005 г. в США был принят «Акт о продвижении демократии» [23], который фактически стал манифестом необходимой смены режимов и установления демократической системы управления посредством сил, «находящихся внутри недемократических стран», иными словами – посредством так называемых «цветных революций» – технологий по осуществлению государственных переворотов. «Цветная» волна, захлестнувшая многие страны от СНГ до Ближнего Востока, стала объектом внимания многих исследователей, изучающих применяемые в рамках таких революций методы и пути противостояния им [13; 16].

Понятие «цветные революции» является современным лишь отчасти; корни такой политики по демонтажу политических режимов неугодных государств уходят в эпоху «холодной войны».

Появление у США и СССР ядерного оружия способствовало разработке новых методов «негорячей войны», а именно стратегии асимметричных действий, которая позволяла бы более

гибко подходить к ведению борьбы в условиях, когда открытое применение силы могло спровоцировать начало ядерной войны. В этих условиях США начали проводить новую долгосрочную стратегию, состоящую в скрытой подрывной деятельности, полувоенных (тайных) операциях (в том числе, диверсионно-подрывных действиях с привлечением различных криминализованных группировок, а также гражданских протестных масс).

В период администрации Г. Трумэна был заложен стратегический подход, направленный на дестабилизацию внутреннего положения в социалистических странах. Так, в меморандуме от 1948 г. американский дипломат Дж. Кеннан предложил приступить к реализации во враждебных государствах тайных операций через подпольные группы сопротивления, поддержку антикоммунистических элементов [15].

В том же 1948 г. Советом национальной безопасности США были приняты директивы № 10/2 и № 20/1, в которых говорилось о планах по подготовке и проведению широкого спектра подрывных мероприятий за рубежом. Согласно первой директиве под «тайными операциями» понимались «все виды деятельности (в т.ч. пропаганда, экономическая война, саботаж, подрывная работа против иностранных государств. – прим. – авт.), которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных иностранных государств или групп, а также в поддержку дружественных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник – правительство США, а в случае разоблачения

правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее» [21].

В 1950 г. была утверждена директива СНБ – NSC-68, ставшая долговременной основой для тайных операций против СССР и стран социалистического блока. Главная задача США, говорилось в ней, – «вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении СССР. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах [СССР]» [20].

Основной целью указанных директив являлся распад СССР и разрушение всего социалистического блока. При этом, в частности, в отношении Восточной Европы: «особо подчеркивалось, что США должны воздействовать не только на массы, но и на правительства, вынуждать их корректировать свою политику. Это предполагало дифференцированный подход к отдельным странам, поиски слабых звеньев в цепи советского лагеря, что и становилось актуальной задачей для ЦРУ» [4, с. 41].

Однако попытки США спровоцировать дестабилизацию в Восточной Европе посредством внешнего вмешательства объективно приводили к возможности нарушения хрупкого баланса сил в Европе, а поддержка официальным Вашингтоном контрреволюционных устремлений в социалистических странах приводила к ухудшению двухсторонних отношений, росту милитаризации и напряженности на евро-

пейском континенте и в других зонах влияния двух сверхдержав.

Вместе с тем, несмотря на жесткую закулисную международную борьбу и противодействие Москвы тотальному вмешательству США во внутренние дела СССР и его союзников, двум сверхдержавам удавалось балансировать на грани войны, с попеременным успехом находить взаимоприемлемый *modus vivendi* по ключевым вопросам, например таким, как поддержание стратегической стабильности в рамках активизированного в 1970-е гг. процесса «разрядки международной напряженности». В немалой степени этому способствовало осознание странами Запада готовности СССР «применить силу для отстаивания своих интересов».

СССР имел мощный «военный кулак» в Европе и сопоставимый с США ракетно-ядерный потенциал, что выступало серьезным сдерживающим фактором в военно-политических планах Вашингтона. Угроза прямого столкновения СССР и США также нивелировалась за счет вытеснения с глобального уровня на региональные подуровни международных отношений: «Страны мировой периферии «оттягивали» на себя нестабильность. Конфликты малой интенсивности, возникавшие там постоянно, позволяли «разряжать» потенциал глобальной напряженности, которая в ином случае стала бы накапливаться в мировой системе в результате советско-американских противоречий» [3, с. 328].

К середине 1970-х гг. США несколько изменили тактику, начав ориентироваться на внутренние группы сопротивления и разработав планы по вовлечению их в сетцентричную

структуру. Последнюю можно охарактеризовать как политическую сеть, основанную на стабильной взаимосвязи разных по природе, но преследующих общую цель акторов, отношения между которыми выстраиваются по иерархической линии, в рамках которой на «внутренние» элементы сети оказывается воздействие и организуется поддержка извне [8, с. 15, 23].

Так, по словам главы КГБ Ю. Андропова, «[по плану ЦРУ] на первоначальном этапе предусматривается установление контактов с разного рода недовольными лицами в Советском Союзе и создание из них нелегальных групп. На последующем этапе намечается консолидировать такие группы и превратить их в «организацию сопротивления», то есть в действующую оппозицию» [2, с. 157].

Переход к сетцентричному способу подрывных действий был обозначен изменением организационной тактики построения борьбы с СССР, а также необходимостью более тонкой работы, рассчитанной на «внутренний мятеж», на группы, координируемые западными разведками, в которых крайне сложно выявить единый орган управления всем процессом.

В марте 1982 г. была принята Директива СНБ США № 32 (NSDD-32), ключевая цель которой, как и ранее, состояла в том, чтобы «сокрушить советское преобладание в Восточной Европе», а акцент традиционно делался на «укреплении внутренних сил, борющихся за свободу в этом регионе» [15, с. 264]. В этот период США усиливают и расширяют спектр подрывных мероприятий против СССР, наращивают поддержку антисоветским националистическим силам, оказывают помощь антиправи-

тельственным кругам Восточной Европы для свержения «коммунистических режимов». Для оказания материальной поддержки подпольным группам и усиления контроля над ними, под эгидой ЦРУ в 1983 г. в дополнение к Агентству США по международному развитию (USAID) создается Фонд в поддержку демократии (NED), финансируемый конгрессом, который включил в себя некоторые функции, используемые для смены политических режимов. Фонд был создан как параллельная ЦРУ организация, через которую можно было вести подрывные проекты под прикрытием «продвижения демократии» [11, с. 36].

К концу 1980-х гг. происходит окончательный слом потенциала прежних коммунистических режимов в ключевых восточноевропейских державах, ранее противостоящих западным планам «либерализации» и «демократи-

зации». США удалось создать внутри самого Советского Союза прочные позиции, что в результате привело к решению одной из ключевых задач внешней политики США – разрушению социалистического блока.

Применяемые США методы по смене легитимных политических режимов (тайных операций) постепенно трансформировали понятие классической войны, в результате чего в настоящее время появились новые термины – «гибридная война», «сетевая война», «когнитивная война». При этом происходящие на мировой арене политические события могут в значительной мере рассматриваться в качестве продолжения применения накопленного США потенциала по реализации «гибридной» стратегии противоборства и особенно при организации государственных переворотов («цветных революций»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский Зб. Выбор: глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Международ. отношения, 2010. 264 с.
2. Бобков Ф.Д. Как готовили предателей: начальник политической контрразведки свидетельствует. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. 240 с.
3. Богатуров А.Д. Системная история международных отношений: в 2-х т. Том 3: События 1945-2003 гг. М.: Культурная революция, 2007. 717 с.
4. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР: сборник документов / Сост. А.А. Зданович, В.К. Былинин и др. М.: Объединенная редакция МВД России; Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2009. 520 с.
5. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012. 159 с.
6. Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М.: ВШЭ, 2014. 205 с.
7. Петровский В.Е. От империи – к открытому миру: о внешней политике России переходного периода. М.: РОССПЭН, 2007. 208 с.
8. Савин Л.В., Шварц О.К., Федорченко С.Н. Сетевые методы в государственном управлении. М.: ООО «Сам полиграфист», 2015. 146 с.
9. Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015. 592 с.
10. Тёрнер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
11. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период (сборник статей международного авторского коллектива) / Под общ. ред. В. Крашенинниковой. М.: Кучково поле, 2014. 480 с.

12. Уткин А. Американская империя. М.: Эксмо, 2003. 736 с.
13. Филимонов Г.Ю., Данюк Н.С., Юраков М.В. Переворот. СПб.: Питер, 2016. 480 с.
14. Хаас Р. Смена режима и пределы ее эффективности // Россия в глобальной политике. 2005. № 4. С. 43–56.
15. Хлобустов О.М. КГБ СССР, 1954–1991. Тайны гибели Великой державы. М.: Издательский Центр «Аква-Терм», 2012. 820 с.
16. Что надо знать о «цветных революциях»: учебное пособие для студентов вузов / Под общ. ред. А.Б. Ананченко. М.: МПГУ, 2016. 136 с.
17. A National Security Strategy (May, 2010). D.C.: The White House. 60 p.
18. Kagan R. Dangerous Nation: America's Place in the World from Its Earliest Days to the Dawn of the Twentieth Century. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2006. 526 p.
19. Luce H.R. The American Century // Diplomatic History. 1999. Vol. 23, no. 2. Pp. 159-171.
20. NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950). A Report to the President Pursuant to the President's Directive of January 31, 1950 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists [сайт]. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm> (дата обращения: 06.03.2017).
21. Policy Planning Staff Memorandum (Washington, May 4, 1948) [Электронный ресурс] // Brooklyn College [сайт]. URL: <http://academic.brooklyn.cuny.edu/history/johnson/65ciafounding3.htm> (дата обращения: 16.03.2017).
22. Secretary of State Madeleine K. Albright Interview on NBC-TV «The Today Show» with Matt Lauer (February 19, 1998) [электронный ресурс] // U.S. Department of State [сайт]. URL: <http://secretary.state.gov/www/statements/1998/980219a.html> (дата обращения: 05.04.2017).
23. The Advance Democracy Act of 2005: H.R. 1133 (109-th Congress. 1st Session) [Электронный ресурс] // Govtrack [сайт]. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/109/hr1133/text> (дата обращения: 05.03.2017).

REFERENCES

1. Bzhezinskii Zb. Vybor: global'noe gospodstvo ili global'noe liderstvo [Brzezinski Zb. The choice: global domination or global leadership]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2010. 264 p.
2. Bobkov F.D. Kak gotovili predatele: nachal'nik politicheskoi kontrrazvedki svidetel'stvuet [How the traitors were prepared: the chief of political counterespionage shows]. Moscow, Eksmo, Algoritm, 2011. 240 p.
3. Bogaturov A.D. Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: v 2-kh t. Tom 3: Sobytiya 1945–2003 gg [Systemic history of international relations: in 2 vol., Vol. 3: Events 1945–2003 gg]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2007. 717 p.
4. Vengerskie sobyitiya 1956 goda glazami KGB i MVD SSSR: sbornik dokumentov. Sost. A.A. Zdanovich, V.K. Bylinin i dr. [The Hungarian events of 1956 through the eyes of the KGB and MVD of the USSR: collection of documents. Comp. A. A. Zdanovich, V.K. Bylinin, etc]. Moscow, Ob"edinennaya redaktsiya MVD Rossii; Obshchestvo izucheniya istorii otechestvennykh spetssluzhb, 2009. 520 p.
5. Kaspe S.I. Politicheskaya teologiya i nation-building: obshchie polozheniya, rossiiskii sluchai [Political theology and nation-building: General provisions, Russian case]. Moscow, ROSSPEN, 2012. 159 p.
6. Mann M. Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Kholom [The power in the XXI century: conversations with John A. Hall]. Moscow, VSHE, 2014. 205 p.

7. Petrovskii V.E. *От империи к открытому миру: о внешней политике России переходного периода*. [From Empire to the open world: Russian foreign policy in transition]. Moscow, ROSSPEN, 2007. 208 p.
8. Savin L.V., Shvarts O.K., Fedorchenko S.N. *Setetsentricheskie metody v gosudarstvennom upravlenii* [Network-centric methods in public administration]. Moscow, ООО «Sam poligrafist», 2015. 146 p.
9. Sogrin V.V. *SSHA v XX-XXI vekakh. Liberalizm. Demokratiya. Imperiya* [USA in XX-XXI centuries. Liberalism. Democracy. Empire]. Moscow, Ves' mir, 2015. 592 p.
10. Turner F.Dzh. *Frontir v amerikanskoj istorii* [The frontier in American history]. Moscow, Ves' mir, 2009. 304 p.
11. *Ubiistvo demokrati: operatsii TSRU i Pentagona v postsovetskii period (sbornik statei mezhdunarodnogo avtorskogo kollektiva) / Pod obshch. red. V. Krasheninnikovoi* [Killing democracy: operations of the CIA and the Pentagon in the post-Soviet period (collection of articles by international authors), ed. by V. Krasheninnikova]. Moscow, Kuchkovo pole, 2014. 480 p.
12. Utkin A. *Amerikanskaya imperiya* [The American Empire]. Moscow, Eksmo, 2003. 736 p.
13. Filimonov G.Yu., Danyuk N.S., Yurakov M.V. *Perevorot [Coup]*. SPb., Piter, 2016. 480 p.
14. Khaas R. *Smena rezhima i predely ee effektivnosti* [Regime change and the limits of its effectiveness]. In: *Rossiya v global'noi politike*, 2005, no. 4, pp. 43–56.
15. Khlobustov O.M. *KGB SSSR, 1954–1991. Tainy gibeli Velikoi derzhavy* [KGB, 1954-1991. The mystery of the downfall of the great powers]. Moscow, Izdatel'skii Tsentr «Akva-Term», 2012. 820 p.
16. *Chto nado znat' o «tsvetnykh revolyutsiyakh»: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / Pod obshch. red. A.B. Ananchenko* [What you need to know about the "color revolutions": textbook for students, ed. by B.A. Ananchenko]. Moscow, MPGU, 2016. 136 p.
17. *A National Security Strategy (May, 2010)*. D.C.: The White House. 60 p.
18. Kagan R. *Dangerous Nation: America's Place in the World from Its Earliest Days to the Dawn of the Twentieth Century*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2006. 526 p.
19. Luce H.R. *The American Century // Diplomatic History*. 1999. Vol. 23, no. 2. Pp. 159-171.
20. *NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950)*. A Report to the President Pursuant to the President's Directive of January 31, 1950 // *Federation of American scientists* [сайт]. Available at: <https://fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm> (accessed: 06.03.2017).
21. *Policy Planning Staff Memorandum (Washington, May 4, 1948)*, Brooklyn College [сайт]. Available at: <http://academic.brooklyn.cuny.edu/history/johnson/65ciafounding3.htm> (accessed: 16.03.2017).
22. *Secretary of State Madeleine K. Albright Interview on NBC-TV «The Today Show» with Matt Lauer (February 19, 1998) // U.S. Department of State* [сайт]. Available at: <http://secretary.state.gov/www/statements/1998/980219a.html> (accessed: 05.04.2017).
23. *The Advance Democracy Act of 2005: H.R. 1133 (109-th Congress. 1st Session)*, Govtrack [сайт]. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/109/hr1133/text> (accessed: 05.03.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кабасакалова Мария Георгиевна – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов;
e-mail: maria.ka9005@gmail.com

Данюк Никита Сергеевич – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов, Российский университет дружбы народов; e-mail: danyuk@isip.su

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria G. Kabasakalova – Ph.D. Candidate of the Theory and History of International Relations Chair at RUDN University; e-mail: maria.ka9005@gmail.com

Nikita S. Danyuk – post-graduate student the Chair of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Deputy Director of the Institute for Strategic Studies and Predictions at Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: danyuk@isip.su

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кабасакалова М.Г., Данюк Н.С. К вопросу о стратегии глобального доминирования США на примере развития несиловых методов политической борьбы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 40–49.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-40-49

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

M. Kabasakalova, N. Danyuk. The question of the US global domination strategy on the example of development of soft-power methods of political struggle. *Bulletin of Moscow Region State University.* Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 40–49.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-40-49

Отечественная история

УДК 93: 005 (470.311) «19»

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-50-55

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА Д.А. НАУМОВА НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ

Долуев И.Ю.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье изложен и проанализирован опыт управления крупнейшим исполнительным земским органом – Московской губернской земской управы от начала появления в 1865 г. до 1893 г. Данный период в московском земстве связан с именем Дмитрия Алексеевича Наумова – первого председателя губернской управы, занимавшего этот пост на протяжении почти 30 лет. Большую роль в управлении различными институтами играет кадровая политика, которую, по мнению автора статьи, Д.А. Наумов проводил грамотно и эффективно, что сказалось на результатах работы Московского земства. Не обошел автор и недостатков в управлении этих новых для своего времени местных органов.

Ключевые слова: земство, реформа, кадровая политика, губернская управа, административные меры, управление.

D.A. NAUMOV'S MANAGEMENT POLICY ON THE POST OF THE CHAIRMAN OF THE MOSCOW REGIONAL ZEMSTVO

I. Doluev

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article describes and analyzes the experience of the executive management of the largest district in Moscow gubernia Zemstvo from the beginning of its appearance in 1865 up to 1893, the period in the Moscow Zemstvo associated with the name of Dmitry A. Naumov, the first Chairman of the provincial Council, who held the post for nearly 30 years. Important role in the management of various institutions played personnel policy. The author of the article considers D. A. Naumov carried out that policy wisely and effectively, which affected the results of the Moscow Zemstvo's activities. The author also mentioned about the drawbacks in the managing these new local authorities for that time.

Key words: Zemstvo, reform, manpower policy, provincial Council, administrative measures, management.

© Долуев И.Ю., 2017.

Местное самоуправление как часть системы управления в государстве является тем важным звеном в обществе, которое позволяет населению самому принимать решения по ряду различных общественных нужд. Но такая система, возлагающая на местных обывателей все задачи управления без соответствующих прав, не заслуживает названия «самоуправления». «Оно получает свое значение только с той поры, когда местные жители получают действительное влияние на ход дел и хотя бы круг, в котором это влияние обнаруживается, и оставался тесным и ограниченным, но общественная самостоятельность скорее выигрывает от такого стеснения, чем от чрезмерного расширения своей инициативы и усложнения предметов и ведомств» [1, с. 10], – так считал современник Великих реформ Александра II, князь А.И. Васильчиков. Действительно, только со вступления в действие «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. в России действительно можно говорить о начале самоуправления.

Характерным учреждением для системы местного управления в России было земство. «Отсутствие личного элемента и преобладание земского составляет главное явление русской общественной жизни, имевшее роковое влияние на все ее развитие» [1, с. 31].

Выборы в органы местного самоуправления осуществлялись по особым правилам. В соответствии с Положением состав земских гласных первоначально формировался на уездном уровне. Избиратели подразделялись на три курии: уездных землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских обществ.

Кратко характеризуя изменения в самоуправлении, необходимо указать, что «реформой местного самоуправления были созданы два земских выборных органа – управы и собрания» [3, с. 37]. Эти органы имели два уровня – уездный и губернский. Земские собрания играли роль законодательных органов, выборные люди – гласные участвовали в обсуждении, принимали решения, выбирали комиссии по различным вопросам. Земские управы были исполнительными органами, члены которых принимали участие в обсуждении, но основной функцией управ была реализация решений собрания.

Земскую деятельность Д.А. Наумов начал с участия в качестве губернского гласного от города Москвы в первом Московском губернском земском собрании. Как видно из воспоминаний членов Московской губернской управы: «большинству членов собрания Дмитрий Алексеевич был уже хорошо известен, что видно из того, что он был намечен в число лиц, предложенных по запискам на должность секретаря собрания» [2, с. 17]. По количеству голосов Д.А. Наумов избран на должность секретаря собрания 66 голосами против 5. Все журналы собрания велись Дмитрием Алексеевичем с тщательностью и старанием, «составленные Д.А. Наумовым журналы собрания считаются до сих пор образцами журналов, о чем неоднократно заявлялось еще в последние годы» [2, с. 17].

Уже «6 октября 1865 г., в четвертом заседании первого очередного Московского губернского земского собрания Дмитрий Алексеевич был избран большинством 58 голосов против 17-ти на должность председателя Московской

губернской земской управы» [5, с. 10]. С этого времени Д.А. Наумов полностью связывает свою жизнь с делами земства.

На том же собрании были избраны члены управы. В состав Московской губернской земской управы вошли: граф А.В. Бобринский, П.А. Васильчиков, Г.Н. Львов, И.И. Мусин-Пушкин, А.А. Ильин и Н.М. Щепкин. Однако Щепкин в этом же году выбыл из состава управы. В тот же день была сделана памятная фотография первого состава Московской губернской земской управы.

Д.А. Наумов, став председателем Московской губернской земской управы, получал не только время, но и возможность реализовать накопленные знания и опыт в области юридических наук, образования, сельского хозяйства, а также других сфер деятельности.

О том, как Д.А. Наумов понимал первоначальные задачи управы, он изложил в отчете о действиях управы в 1866 г.: «На первых порах особые заботы земских учреждений должны быть обращены на приведение в известность тех денежных средств, которыми земство может располагать, на изыскание источников, из которых земство может извлекать доходы и на возможно разумное, расчетливое и производительное употребление земских денег. Исходя из этой основной мысли и строго следуя поручению губернского земского собрания, губернская управа постоянно старалась об изыскании возможно правильного и равномерного разложения налогов, без обременения одних источников перед другими и о возможном сокращении расходов земства» [5, с. 10].

В соответствии с Положением о введении губернских и уездных земских учреждений 1864 г. управе представлялась возможность нанимать по

договору различных специалистов для исполнения возложенных законодательством функций. От выбора специалиста зависело многое.

Базовой сферой, обеспечивающей успешное управление, Д.А. Наумов считал статистические исследования, получившие в то время большое распространение в западном мире. Как писал в своей статье отечественный статистик с мировым именем А.А. Чупров, цитируя Наполеона Бонапарта: «статистика – это бюджет вещей», таким образом, статистические исследования были признаны важными не только для административного управления, но и для применения на уровне отдельного института.

В очередную сессию Московского губернского земского собрания 1876 г. губернская управа докладывала собранию, что «для производства собственно статистических работ в январе 1876 г. Московской губернской управой был приглашен кандидат прав В.И. Орлов, бывший преподавателем статистики в Александровском военном училище» [5, с. 215]. Само исследование было признано необходимым в первый раз произвести только по Московскому уезду для того, чтобы «на сравнительно небольшом районе выработать те способы и приемы собирания сведений на местах, которые были выработаны Орловым и в первый раз применялись на практике» [5, с. 215].

Работа Московской управы по развитию земской статистики пришла к важному результату в 1878 г. На губерньском собрании этого года в декабрьскую сессию прозвучало предложение Московской губернской управы, касающиеся земской статистики:

– предложить уездным управам за-

вести однообразную форму отчетов для статистических материалов;

– основать при губернской управе постоянное статистическое отделение;

– ежегодно ассигновать на содержание статистического отделения 5500 руб.

В том же собрании 1878 г. гласный А.А. Оленин предложил собранию «выразить благодарность председателю управы Д.А. Наумову за успешный ход статистических работ и за успешный выбор людей, занимающихся этим делом» [4, с. 72]. Предложения управы и предложение Оленина были приняты единогласно собранием.

Положение 1864 г. одной из первых задач земства ставило строительство и содержание дорог. Получив необходимые статистические данные, управа под руководством Д.А. Наумова приступила к работе.

Дорожное дело находилось в ведении специальной комиссии, созданной по предложению Д.А. Наумова. Заведовал дорожным делом член управы Н.Ф. Рихтер. Несмотря на то, что основную часть работы выполняла комиссия и заведующий дорожным делом Н.Ф. Рихтер, Д.А. Наумов часто брал на себя ответственные решения и предложения. Результат этих решений имел большое значение для строительства целой сети дорог в Московской губернии.

Дополнительными функциями земства значились в 7 пункте 2 статьи 1 главы Положения 1864 г.: «Участие, преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах, законом определенных, в попечении о народном образовании, о народном здравии и о тюрьмах»¹. Народное образование станет одним из са-

¹ Положение о губернских и уездных земских учреждениях. СПб., 1864. Л.1.

мых оберегаемых московским земством направлений деятельности.

Д.А. Наумов имел не только опыт в сфере образования, но и испытывал тягу и любовь к этому делу. Это видно из тех предложений по развитию образования в Московской губернии, которые были глубоко продуманными и имели большое практическое значение. Ряд предложений Дмитрия Алексеевича, принятых на собрании, еще раз доказывает его неформальное отношение к народному образованию.

По предложению Д.А. Наумова в Московской губернии земством одной из первых была открыта собственная школа для учителей в селе Поливаново Подольского уезда. В первую очередь вновь открытой школе был необходим опытный и достойный руководитель. Дмитрий Алексеевич приступил к поиску нужного человека на пост директора Поливановской земской учительской школы. «После совещания с лицами, близко стоящими к учебному делу, выбор Д.А. Наумова пал на П.М. Цейдлера, кроме педагогической опытности, отличавшегося высокими душевными качествами» [2, с. 43]. Петру Михайловичу и его коллегам удалось передать тёплое отношение и преданность делу своим ученикам. Выпускники – будущие учителя показывали на экзаменах высокий уровень знаний.

Горячо любимым Д.А. Наумовым и в то же время беспредельно ответственным было попечение о народном здравии. К 1875 г. земством вырабатывается подробный план по устройству санитарно-медицинской части в Московской губернии. Предложение Д.А. Наумова в сессию собрания 1873 г. было выполнено. В это время Московской земской губернской управой были

приглашены «для заведывания санитарно-медицинским делом Е.А. Осипов, для организации санитарного исследования фабрик и заводов, пользовавшийся уже в то время известностью Ф.Ф. Эрисман» [5, с. 32]. Ф.Ф. Эрисман – выдающаяся фигура в медицине. Именно он вместе со своей командой обследуют более 1000 фабрик и заводов, произведут исследования воды и распространят базовые знания по гигиене, которые станут предупреждением многих заболеваний.

Умение Д.А. Наумова подбирать хорошие кадры было отмечено его современниками. Д.Н. Шипов так охарактеризовал прежний состав управы: «Большая часть земских работников, которых я застал на службе Московского земства, а особенно те из них, на которых лежали наиболее ответственные обязанности, по своему образу мыслей и настроению принадлежали к русской интеллигенции, в среде которой с семидесятых годов проявилось и преобладало идейное народническое настроение» [6, с. 25]. Особое уважение и восхищение Д.Н. Шипов проявлял к Д.А. Наумову и членам управы, им приглашенным. Среди них особенно отмечены Д.Н. Шиповым были: основатели земской статистики В.И. Орлов и Н.А. Каблуков, санитарный врач губернии профессор Ф.Ф. Эрисман, земский

врач, основоположник санитарной статистики Е.А. Осипов, заведующий ветеринарным отделом В.Ф. Нагорский, губернский агроном В.Г. Бажаев и др. Особенным качеством, которым обладали вышеуказанные люди, по мнению Д.Н. Шипова, было народолюбие.

Отдельные страницы в воспоминаниях Д.Н. Шипова посвящены взглядам и деятельности Д.А. Наумова. Д.Н. Шипов с большим уважением относился к работе Д.А. Наумова, он также указал на главный принцип организации взаимодействия губернского и уездных земств, существовавший до 1893 г. Смысл этого принципа уже упоминался, он заключался в уважительном отношении к самостоятельности уездных земств.

Управленческая политика Д.А. Наумова предстала перед нами как опыт личного оперативного руководства и подбора высококвалифицированных кадров. Результаты работы Московского земства положительно отмечены современниками, основную массу которых представляли коллеги и российская интеллигенция. Положительный вывод не означает, что не было проблем, он лишь говорит об успехах, которые несомненно мы должны знать, пользоваться опытом предыдущих поколений, не жалеть сил и использовать возможности для всеобщего блага, как делал это Дмитрий Алексеевич Наумов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений [Т. 1]. СПб.: Тип. Г. Мюллера, 1869. 352 с.
2. Д.А. Наумов. Биографический очерк. М.: Издательство Московского губернского земства, 1899. 75 с.
3. Долуев И.Ю. Этапы развития местного самоуправления в России. Проблема инновации реформы 2003 года // Актуальные вопросы гуманитарных наук: материалы VII научно-практической конференции МНО. М.: Спутник+, 2013. С. 36–40.
4. Журналы Московского губернского земского собрания: декабрь 1877 г. М.: Типо-Литография С.В. Гурьянова, 1878. 199 с.

5. Сборник постановлений Московского губернского земского собрания с 1865 по 1897 гг., посвященный памяти Дмитрия Алексеевича Наумова: в 5-ти т. [Т. 1]. М.: Изд-во Московского губернского земства, 1899. 127 с.
6. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. 593 с.

REFERENCES

1. Vasil'chikov A.I. O samoupravlenii: sravnitel'nyi obzor russkikh i inostrannykh zemskikh i obshchestvennykh uchrezhdenii [T. 1]. [On self-government: comparative review of Russian and foreign rural and public agencies [Vol. 1]. St. Petersburg, Tip. G. Myullera, 1869. 352 p.
2. D.A. Naumov. Biograficheskii ocherk [D.A. Naumov. Biographical sketch]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gubernskogo zemstva, 1899. 75 p.
3. Doluev I.Yu. Etapy razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossii. Problema innovatsii reformy 2003 goda [The stages of local self-government development in Russia. The problem of innovation the 2003 reform]. Aktual'nye voprosy gumanitarnykh nauk: materialy VII nauchno-prakticheskoi konferentsii MNO [Current issues of the Humanities: materials of VII scientific and practical conference INR]. Moscow, Sputnik+, 2013, pp. 36–40.
4. Zhurnaly Moskovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya: dekabr' 1877 g. [The magazines of the Moscow gubernia Zemstvo assemblies: Dec 1877.]. Moscow, Tipo-Litografiya S.V. Gur'yanova, 1878. 199 p.
5. Sbornik postanovlenii Moskovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya s 1865 po 1897 gg., posvyashchenniy pamyati Dmitriya Alekseevicha Naumova: v 5-ti t. [T.1] [The collection of decrees of the Moscow provincial Zemstvo assembly from 1865 to 1897, dedicated to the memory of Dmitry A. Naumov: in 5 vol. [vol. 1]]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gubernskogo zemstva, 1899. 127 p.
6. Shipov D.N. Vospominaniya i dumy o perezhitom [Memories and thoughts about the experiences]. Moscow, Izd-vo M. i S. Sabashnikovykh, 1918. 593 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Долуев Иван Юрьевич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: ivan_doluev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan Yu. Doluev – the post-graduate student of the department of Newest History of Russia, Moscow State Regional University; e-mail: ivan_doluev@mail.ru

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Долуев И.Ю. Управленческая политика Д.А. Наумова на посту председателя Московской губернской земской управы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 50–55.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-50-55

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

I. Doluev. D.A. Naumov's management policy on the post of the chairman of the Moscow Regional Zemstvo. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 50–55.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-50-55

УДК 94(4) «1740/1748»

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-56-66

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ВОЙНЫ ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Собко Е.М.

Московский государственный институт культуры

141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д.7, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизученной в отечественной и зарубежной историографии теме: изучению русско-французским отношениям в период войны за австрийское наследство. Данная проблема рассматривается автором с точки зрения анализа внешнеполитической стратегии петербургской и версальской дипломатии, а также проблемы вхождения России в состав «великих держав». Анализируется политика «восточного барьера», проводимая Францией, делается вывод о том, что стремление России войти в состав «великих держав» не поддерживалось Францией, а ее попытки сближения с Россией были продиктованы сугубо прагматическими целями, вытекавшими из военно-политических требований момента.

Ключевые слова: русско-французские отношения, война за австрийское наследство, международные отношения в XVIII в., международные отношения в Европе XVIII в.

RUSSIAN-FRENCH RELATIONS DURING THE WAR OF THE AUSTRIAN SUCCESSION

E. Sobko

Moscow State Institute of Culture

7, Bibliotechnaya Street, Khimki, Moscow Region, 141406, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a poorly studied subject in the domestic and foreign historiography – the investigation of the Russian-French relations during the War of the Austrian Succession. This problem is considered by the author in respect to the analysis of the foreign policy strategy of the St. Petersburg and Versailles diplomacy, as well as in respect to the problem of including Russia into the "great powers" structure. The policy of "east barrier" pursued by France is analyzed. The author comes to the conclusion that the aspiration of Russia to be a part of "great powers" wasn't supported by France and its attempts of rapprochement with Russia were dictated by especially pragmatical purposes coming from military-political requirements of the moment.

Key words: Russian-French relations, the War of the Austrian Succession, international relations in the 18th century, European international relations in the 18th century.

Как известно, в 1741–1748 гг. XVIII в. произошел крупнейший европейский военный конфликт, получивший в XIX в. название «война за австрийское наследство». Две группы противоречий привели к началу войны. Первая была свя-

зана с борьбой Англии и Франции за колонии в Америке и Индии. Вторых, столкнулись Франция, Пруссия и Испания – с одной стороны – и Австрия – с другой. Соперничество Франции, Пруссии и Испании с Австрией выразилось в борьбе за Германию и прилегающие к ней области. Война означала обострение вопроса о том, кто играет главенствующую роль в германских землях – Пруссия или Австрия. Кроме того, война свидетельствовала об усилении борьбы Франции и Австрии за гегемонию в Европе. Что касается Российской империи, то она тоже оказалась вовлечена в этот общеевропейский конфликт, главным образом из-за стремления войти в состав «великих держав». Для России это был первый опыт такого рода, ведь до этого она не участвовала в коалиционных войнах. Поэтому крайне важным для страны было взаимодействие с крупнейшими европейскими державами, участие в «общеевропейском концерте». Обратимся к рассмотрению того, как складывались и развивались отношения России с Францией – страной, которая играла одну из ведущих ролей на европейском континенте.

Франция – одна из четырех «великих держав», отношения с которой были основополагающими для Российской империи в середине XVIII в. Россия стремилась войти в число этой «большой четверки» (Пруссия в середине XVIII в. еще только завоевывала свои позиции в «общеевропейском концерте», однако она уже действовала на равных с другими европейскими государствами). Отношения России со всеми этими странами складывались очень по-разному в течение XVIII в. вообще и в изучаемый период – в част-

ности. Война за австрийское наследство выявила и обострила все проблемы межгосударственных отношений в Европе. Несмотря на наличие ряда работ, в которых рассматриваются вопросы истории русско-французских отношений в XVIII в., проблемы русско-французских отношений в годы войны за австрийское наследство не стали предметом специального изучения в историографии [23]. Задача настоящей статьи: изучить русско-французские отношения в период войны за австрийское наследство с точки зрения анализа внешнеполитической стратегии петербургской и версальской дипломатии, а также проблемы вхождения России в состав великих держав. Сразу подчеркнем, что именно последний вопрос был важной составляющей французской внешнеполитической стратегии в отношении России, причем далеко не в пользу последней. П.П. Черкасов, анализируя внешнеполитические задачи Франции рассматриваемого периода, пишет о том, что внешнеполитическими целями Франции были «ликвидация России как великой державы и оттеснение ее на задворки Европы» [23, с. 61]. В чем же была причина такого отношения к набирающей силы Российской империи? Для ответа на этот вопрос рассмотрим вкратце цели и задачи французской дипломатии, а также историю русско-французских отношений в годы, предшествующие военному конфликту в Европе.

Первое – и главное – это различие геополитических интересов России и Франции. Главными внешнеполитическими целями России с самого начала XVIII в. было стремление найти выход к морям – Черному и Балтийскому, а

также желание утвердить свое влияние в Европе. И по всем этим направлениям Россия наталкивалась на противодействие Франции. В борьбе за выход к морям противниками России на Севере была Швеция, а на Юге – Турция. И как раз эти государства были давними, можно сказать, «историческими» союзниками Франции. Здесь следует остановиться на вопросе о политике так называемого «восточного барьера», которая проводилась Францией. Истоки ее лежали в противостоянии Франции и Австрии, и «изначально «восточный барьер» имел не антироссийскую, а антигабсбургскую направленность. <...> Речь шла о том, чтобы окружить Габсбургскую империю не только с запада, но и с востока. Впрочем, «восточный барьер» никогда не существовал как официально оформленная коалиция с взаимными обязательствами сторон. Он строился на двусторонних отношениях, прежде всего на соглашениях Франции со Швецией, Польшей и Турцией» [23, с. 15]. Нетрудно заметить, что все эти три государства являлись врагами России.

Швеция – первое звено «восточного барьера», традиционно поддерживалась Францией против Австрии еще со времен Тридцатилетней войны. Французско-турецкое сотрудничество, также имевшее глубокие исторические корни, не утратило своего значения и в XVIII в. Сложнее обстояло дело с Польшей, являвшейся объектом пристального внимания сопредельных с ней стран, однако союз с Речью Посполитой также сохранял свое значение для французской дипломатии XVIII в. Таким образом, внешнеполитическая стратегия Франции с самого начала XVIII в. была направлена на

установление союзнических отношений со странами, враждебными России. К самой России Версальский двор относился с известной долей высокомерия и враждебности, которые, однако, сменились озабоченностью ростом военной и политической мощи России после победы в Северной войне. Гром пушек под Полтавой ознаменовал собой не только перелом в ходе войны со шведами, но и изменение общеполитической ситуации в Европе. Россия заявила о себе как государство, стремившееся занять полноправное место в общеевропейском «концерте» великих держав. Г.А. Некрасов в этой связи отмечает: «Победа России в Северной войне обусловила существенную перестройку в расстановке сил на международной арене. В формировавшейся в Европе новой системе отношений Россия претендовала на важное место: ее присоединение к той или иной группировке создавало серьезный перевес сил, требовавший восстановления «европейского равновесия» и соответствующей трансформации системы «союзов» [15]. Как известно, одной из ключевых проблем международных отношений в Европе XVIII в. было соперничество Франции и Англии. В результате сложных дипломатических перипетий 23 августа (5 сентября) 1725 г. в Ганновере был заключен союз между Францией, Англией и Пруссией, направленный против Австрии и Испании. Австрия и Испания несколькими месяцами раньше также объединились, заключив в апреле 1725 г. Венский оборонительный союз. Между странами, входившими в эти противоборствующие блоки, сложились враждебные отношения, каждая держава стремилась привлечь на свою

сторону новых союзников. Россия должна была сделать свой выбор. Несмотря на определенные разногласия, Россия сближается с Австрией. Значение и последствия русско-австрийского договора по-разному оцениваются историками [18; 12; 4; 1; 2; 11; 10; 9; 8]. Однако бесспорно, что на многие годы он стал стержнем внешней политики России. Таким образом, мы видим, что и Франция, и Россия вступают в соглашения со странами, враждебными для каждой из этих сторон.

В царствование Анны Иоанновны, в начале 30-х гг. XVIII в. обострился «польский вопрос». Многие страны, и Россия и Франция в том числе, стремились утвердить свое влияние в Польше ввиду внутренней слабости последней. И здесь, в войне за польское наследство (1733–1735), ситуация сложилась таким образом, что Россия и Франция оказались по разные стороны баррикад. Итогом войны за польское наследство явилось то, что на престоле утвердился саксонский курфюрст под именем Августа III, ставленник России. Таким образом, победа осталась не за французским, а за российским кандидатом на польский престол.

Вскоре после окончания войны за польское наследство Россия оказалась втянутой в войну с Турцией (1736–1739), и не без помощи французской дипломатии, стремившейся ослабить позиции России. Франция, взявшая на себя роль посредника в достижении мира с Турцией, добилась дипломатической победы: 1 сентября 1739 г. был подписан сепаратный мир между Австрией и Турцией в Белграде. России пришлось присоединиться к Белградскому миру и отказаться от части своих завоеваний в Приазовье и от права

держатъ флот на Азовском и Черном морях. Таким образом, мы видим, что на протяжении 30-х гг. XVIII в. имела место конфронтация России и Франции в ходе двух крупнейших военных конфликтов, причем дипломатия Версаля и Петербурга действовали с переменным успехом. С такими итогами подошли Россия и Франция к началу 40-х годов XVIII в.

Рассмотрим взаимоотношения России и Франции в начавшемся общеевропейском конфликте – «Войне за австрийское наследство». В России после кратковременного правления Анны Леопольдовны, настроенной «анти-французски», 25 ноября 1741 г. на престол взошла Елизавета Петровна. Чтобы уяснить себе позицию России в начавшемся общеевропейском конфликте, нужно иметь в виду, что она во многом зависела от российской внутривнутриполитической обстановки. Различные придворные группировки «лоббировали» интересы разных европейских стран. В самом начале царствования Елизаветы большое влияние на императрицу оказывала именно «французская партия», главную роль в которой играл французский посол в Петербурге Ж.И. Шетарди [17]. С началом войны за австрийское наследство основной целью его деятельности стали попытки втянуть Россию в конфликт на стороне Пруссии, способствовать ухудшению русско-австрийских отношений, а также пойти на территориальные уступки Швеции. В принципе в этих трех вопросах и заключалась внешнеполитическая стратегия Франции в отношении России в период войны за австрийское наследство. Рассмотрим, насколько удалось дипломатии Версаля осуществить свои планы.

Ж.И. Шетарди, исключительно на личном обаянии, сумел завоевать расположение Елизаветы Петровны, и поэтому влияние французского и шведского дипломатов возобладало при дворе. Однако Шетарди был больше светским человеком, чем умелым дипломатом. К тому же его склонность к авантюрам и легковесность в принятии решений привели к тому, что «французская партия» и ее глава все больше теряли свои позиции при российском дворе. Этому способствовал А.П. Бестужев-Рюмин, искусственный дипломат и мастер интриги, недовольный влиянием, которое оказывал Шетарди на императрицу. В Версале также нарастало недовольство деятельностью Шетарди: Россия не проявляла никаких признаков отойти от Австрии и тем более пойти на территориальные уступки Швеции. В результате дипломат был отозван и в августе 1742 г. покинул Россию. Французским посланником в России стал д'Аллион. Однако в декабре 1743 г. Шетарди был вновь отправлен в Россию в качестве чрезвычайного посланника с целью заключения русско-французского союза, направленного против Австрии. И на этот раз Шетарди потерпел неудачу, стараниями А.П. Бестужева-Рюмина он был выслан из страны.

Рассмотрим основные цели и задачи, которыми определялось участие России и Франции в войне за австрийское наследство. Как указывалось выше, вовлеченность России в войну за австрийское наследство была во многом обусловлена ее стремлением войти в состав великих держав. Франция, давняя соперница Австрии, расценила смерть Карла VI Габсбурга (1740) как удобный момент для рас-

ширения французского преимущества в германских княжествах. На первом этапе военного конфликта, часто именуемого в историографии Первой Силезской войной (1741–1742), в России, как указывалось выше, имела место внутренняя нестабильность, мешавшая выработать определенную внешнеполитическую стратегию. Кроме того, в 1741–1743 гг. шла война со Швецией, стремившейся при поддержке французской дипломатии к ревизии Ништадтского мира. Война со Швецией была инспирирована Францией также для того, чтобы отвлечь Россию от разгоравшейся войны за австрийское наследство, не допустить ее участия в военных событиях на стороне Австрии [23, с. 72]. Таким образом, мы видим, что позиция России в начавшемся военном конфликте была важна для Франции, как, впрочем, и для всех остальных «великих держав». Россия сразу продемонстрировала свое военное превосходство над Швецией. Французско-шведским планам не суждено было сбыться: как известно, война была успешной для России. Таким образом, важнейшая часть планов французской дипломатии, связанных с уменьшением роли России в европейских делах и укреплению собственных позиций в Северной Европе, не была реализована. Однако нельзя сказать, что версальская дипломатия полностью потерпела поражение: вовлеченность России в конфликт со Швецией помогла Фридриху II избавиться от его главного беспокойства – страха, что Россия пошлет войска на помощь Австрии. В июне 1741 г. британский посол в России сообщал, что российский двор не может прийти ни к какому определенному решению по «герман-

скому вопросу» из-за вовлеченности в шведский конфликт. В России больше склоняются к тому, чтобы самим получить военную поддержку, чем к тому, чтобы оказать ее Габсбургскому Дому [19, с. 131]. Русско-шведская война явилась, таким образом, очень важным фактором, который повлиял на события в германском мире, став крайне неблагоприятным событием для Венского двора. Впоследствии Фридрих II признавал, что одним из факторов, обеспечивших успех Пруссии в Силезии, было нападение Швеции на Россию [7, с. 11]. Итак, развязывание русско-шведской войны не принесло Франции успеха в антироссийской составляющей ее внешней политики, но сыграло важную роль в плане ее борьбы с Австрией в ходе войны за австрийское наследство.

Как указывалось выше, другим важнейшим вопросом внешнеполитической стратегии Франции в отношении России были попытки версальской дипломатии ухудшить русско-австрийские отношения, расстроить союз 1726 г., привлечь Россию к участию в войне на стороне Пруссии. На начальном этапе войны события, казалось, этому способствовали [6]. В 1743 г. Россия заключает союз с Пруссией (предыдущий трактат был подписан в 1740 г.), становясь, таким образом, союзницей двух враждующих государств – Австрии и Пруссии. Что касается Австрии, то, несмотря на многочисленные просьбы Марии Терезии об оказании военной помощи, Россия ограничилась лишь дипломатической поддержкой Австрийской монархии. Между тем ход событий войны за австрийское наследство привел к заключению 11 июня 1742 г. Бреславского мирного договора

между Пруссией и Австрией, знаменовавшего окончание Первой Силезской войны. Мир был заключен между Австрией и Пруссией, что означало выход Пруссии из войны, но не ее завершение. Бреславский договор изменил расклад сил на международной арене. Для Франции это означало потерю важнейшего союзника в борьбе против Австрии. После этого, приблизительно с осени того же года, можно говорить о перевесе сил в пользу Австрии и ее сторонников. 1743 г. прошел под знаком их успехов. В такой ситуации Франция ищет для себя новых союзников и пытается предпринять шаги по нормализации отношений с Россией и ее отходу от союза с Австрией. Этому способствует «лопухинское дело» (1743), приведшее к резкому ухудшению русско-австрийских отношений. Французскому правительству удалось раздуть сфабрикованное «дело» австрийского посла в России А.О. Ботта д'Адорно. Этому сюжету со времен С.М. Соловьева в отечественной историографии уделялось много внимания [5, с. 19; 14, с. 5–7; 16; 20; 21; 22, с. 67–240]. Большинство исследователей склоняются к тому, что «заговор» при русском дворе, получивший название «лопухинское дело» был инспирирован французскими и прусскими дипломатами, стремившимися к усилению своего влияния, ухудшению русско-австрийских отношений и удалению от дипломатических дел А.П. Бестужева-Рюмина. Русско-австрийские отношения испортились ненадолго, а Бестужеву-Рюмину удалось, как всегда, «выйти сухим из воды» (что тем более удивительно, поскольку к «делу» была причастна жена его родного брата М.П. Бестужева-Рюмина, жестоко постра-

давшая от всех этих событий). Таким образом, можно говорить о том, что в данном вопросе версальской дипломатии не удалось достичь желаемых результатов: не произошло ни сближения с Россией, ни разрушения русско-австрийского союза, ни удаления от дел Бестужева-Рюмина.

Вернемся к событиям войны за австрийское наследство. В августе 1744 г. Фридрих II, нарушив Бреславский мир, вторгся в Богемию, а затем и Саксонию. Начинается так называемая «Вторая Силезская война». Нападение Пруссии на Саксонию способствовало тому, что Россия, наконец, сделала свой выбор в проведении своего внешнеполитического курса в ходе войны. Саксонский курфюрст был, как известно, и польским королем, поэтому данные события затрагивали польский вопрос, отнюдь небезразличный для России. Осенью 1745 г. Петербургский кабинет принял решение об оказании Саксонии военной помощи [8, с. 96–97]. Таким образом, Россия становилась противником Пруссии и союзником Австрии. Но самое главное для нашей темы – она стала открытым врагом Франции. Таким образом, все планы французской дипломатии были разрушены: Россия не выступила на стороне Пруссии, а в 1746 г. заключила договор с Австрией. Кроме того, во Франции усилились опасения, что Россия может вступить в войну, причем не на стороне противников Австрии, чего, собственно, больше всего и опасалась версальская дипломатия. Понятно, что с этого момента можно говорить только о конфронтации в русско-французских отношениях. Между тем Фридрих II вновь предаёт Францию, заключив сепаратный мир

с Австрией. Дрезденский договор был подписан в декабре 1745 г. Получив Силезию, Пруссия, теперь уже окончательно, выходит из войны.

Однако война за австрийское наследство, представлявшая собой на самом деле целый комплекс войн, на этом не закончилась. Еще в 1743 г. для вытеснения Франции из германских земель была сформирована так называемая Прагматическая армия, состоявшая из британских, австрийских и ганноверских войск. Свое название армия получила в знак того, что главной ее целью была защита Прагматической санкции – закона о престолонаследии, принятого императором Карлом VI, устанавливавшего нераздельность наследственных земель Габсбургов. «Вторая Силезская война» была завершена, однако продолжалась война с Францией, которая успешно действовала в Нидерландах против Прагматической армии. Эти события относятся к завершающему этапу войны за австрийское наследство (1746–1748 гг.). Выше уже указывалось, что на этом этапе Россия сближается с Австрией, заключив с ней в 1746 г. союзный договор. Кроме того, к заключительному периоду войны относится подписание Россией субсидных конвенций с Англией и Голландией. В ноябре 1747 г. между Россией и морскими державами была подписана конвенция, согласно которой российское правительство обязывалось за 300 тысяч фунтов стерлингов в год посылать 30-тысячное войско на помощь Британии и Голландии.

Подписание ноябрьской субсидной конвенции привело к тому, что Россия послала на Рейн военный корпус, который должен был действовать против Франции. В феврале 1748 г. трид-

цатитысячный российский корпус под командованием князя В.А. Репнина двинулся через Польшу и Богемию к Нидерландам. Исследователь вопроса американский историк Браунинг Рид характеризует его как прекрасное, дисциплинированное войско, вызывавшее страх у французов. Последние пытались маскировать этот страх, утверждая, что нет необходимости опасаться армии, которая движется так медленно и вообще отдыхает каждые три дня [24, с. 165]. Так или иначе, российский корпус не дошёл до театра военных действий, так как Франция поспешила подписать в апреле 1748 г. прелиминарный мир с Англией и Голландией, по условиям которого предусматривался отзыв из Фландрии французских войск, действовавших против англичан, в ответ на недопущение туда русского корпуса. «Франция смогла, в свою очередь, отомстить, не допустив Россию к подписанию Ахенского мира, объясняя это наёмным статусом ее войск» [3, с. 164]. В целом, на наш взгляд, проблемы участия России в войне за австрийское наследство на последнем ее этапе требуют отдельного специального изучения, и не только в плане анализа отношений Российской империи с Францией. Здесь целый комплекс вопросов, связанных и с обсуждением проблемы участия России в мирном конгрессе в Ахене, и о роли и значении действий русского военного корпуса. Что касается непосредственно российско-французских отношений, то

мы видели, что в этот период они вступили в стадию открытой конфронтации, которая привела к фактическому разрыву дипломатических отношений России и Франции после окончания войны за австрийское наследство.

Итак, мы видели, что в ходе войны за австрийское наследство имело место взаимодействие дипломатии России и Франции, причем последняя действовала гораздо более активно, оказывая и давление на Россию в плане ее отхода от Австрии и неучастия в военном конфликте и предпринимая попытки сближения с Российской империей, даже с предполагаемой возможностью заключения союза с ней. Однако сближения этих двух стран не произошло – отчасти в силу исторически сложившейся системы отношений между ними, отчасти благодаря различию их геополитических интересов. Все этому способствовали и сами события войны за австрийское наследство, которые привели к еще большему сближению России с Австрией и отходу ее от Пруссии. Укрепление отношений России и Великобритании выразилось в том, что Российская империя оказалась в лагере открытых врагов Франции на последнем этапе войны. Стремление Российской империи войти в состав великих держав не поддерживалось Францией, а ее попытки сближения с Россией были продиктованы сугубо прагматическими целями, вытекавшими из военно-политических требований момента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. 237 с.
2. Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб.: Лениздат, 1994. 406 с.
3. Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. От Ахенского мира до Семилетней войны. М.: Т-во научных изданий КМК, 2012. 340 с.

4. Вернадский Г.В. Русская история: учебник. М.: Аграф, 1997. 542 с.
5. Иванов А. Заговор послов // Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 14–20 авг.
6. Ивонин Ю.Е. Отношение прусской дипломатии к России в начале войны за австрийское наследство // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 1. С. 68–74.
7. Из записок Фридриха Великого о России в первой половине XVIII-го века // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 1. С. 5–21.
8. История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона) / Отв. ред. Г.А. Санин. М.: Международные отношения, 1998. 304 с.
9. История дипломатии [Т. 1] / Под ред. В.А. Зорина. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1959. 896 с.
10. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 328 с.
11. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1: От Нарвы до Парижа, 1700–1814 гг. М.: Голос, 1992. 302 с.
12. Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. 4: Курс русской истории, 1725–1762. М.: Мысль, 1989. 400 с.
13. Киндинов М.А. Русско-французские отношения середины XVIII века в освещении отечественных исследователей (1990–2012 гг.) // Клио. 2015. № 7 (103). С. 12–16.
14. Лобанов-Ростовский А.Б. Наталья Федоровна Лопухина, 1699–1763: эпизод из ее жизни // Русский вестник. 1860. Кн. 9. С. 5–7.
15. Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике, 1725–1739 гг. М.: Наука. 1976. 320 с.
16. Павленко Н.И. Страсти у трона: история дворцовых переворотов. М: журн. «Родина», 1996. 317 с.
17. Пекарский П. П. Маркиз де ля Шетарди в России, 1740–1742. СПб.: Тип. И. Огризко, 1862. 638 с.
18. Платонов С.Ф. Учебник русской истории. СПб.: Наука, 1994. 428 с.
19. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 91: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе за 1741 год. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. 531 с.
20. Соловьев С.М. Соч. в восемнадцати книгах. Кн. XI: История России с древнейших времен [т. 21–22]. М.: Мысль, 1993. 620 с.
21. Тургенев А.И. Русский двор сто лет назад, 1725–1783. СПб.: Искусство, 2005. 308 с.
22. Хмыров М.Д. Граф Лесток // Хмыров М.Д. Исторические статьи. М: изд. В.П. Печаткина, 1873. С. 67–240.
23. Черкасов П.П. Елизавета Петровна и Людовик XV: русско-французские отношения, 1741–1762. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2010. 376 с.
24. Browning R. The War of the Austrian Succession. New York: St. Martin's Press, 1994. 480 p.

REFERENCES

1. Anisimov E.V. Rossiya v seredine XVIII veka: Bor'ba za nasledie Petra [Russia in the middle of the XVIII century: the struggle over the legacy of Peter]. Moscow, Mysl', 1986. 237 p.
2. Anisimov E.V. Rossiya bez Petra: 1725–1740 [Russia without Peter: 1725–1740]. St. Petersburg, Lenizdat, 1994. 406 p.
3. Anisimov M.Yu. Rossiiskaya diplomatiya v Evrope v seredine XVIII veka. Ot Akhenskogo mira do Semiletnei voyny [Russian diplomacy in Europe in the mid-eighteenth century. From the Aachen peace before the Seven years]. Moscow, T-vo nauchnykh izdaniy KMK, 2012. 340 p.

4. Vernadskii G.V. Russkaya istoriya: uchebnik [Russian history: a textbook]. Moscow, Agraf, 1997. 542 p.
5. Ivanov A. Zagovor poslov (Conspiracy of ambassadors). In: *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1999, 14–20 August.
6. Ivonin YU.E. Otnoshenie prusskoi diplomatii k Rossii v nachale voyny za avstriiskoe nasledstvo [The attitude of the Prussian diplomacy to Russia in the beginning of the war of the Austrian succession]. In: *Vestnik Udmurtskogo Universiteta*, 2011, no. 1, pp. 68–74.
7. Iz zapisok Fridrikha Velikogo o Rossii v pervoi polovine XVIII-go veka [From Frederick the Great's notes about Russia in the first half of the XVIIIth century]. In: *Russkii arkhiv*, 1877, kn. 1, no. 1, pp. 5–21.
8. Istoriya vneshnei politiki Rossii. XVIII vek (ot Severnoi voyny do voyn Rossii protiv Napoleona) / Otv. red. G.A. Sanin [The history of Russian foreign policy. The eighteenth century (from the Great Northern war to the Russian wars against Napoleon), ed. by G.A. Sanin]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. 304 p.
9. Istoriya diplomatii [T. 1]. Pod red. V.A. Zorina. Izd. 2-e [Diplomatic history [vol. 1]. Under the editorship of V.A. Zorin. Ed. 2nd]. Moscow, Gospolitizdat, 1959. 896 p.
10. Kamenskii A.B. Rossiiskaya imperiya v XVIII veke: traditsii i modernizatsiya [The Russian Empire in the eighteenth century: tradition and modernization]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 328 p.
11. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. T. 1: Ot Narvy do Parizha, 1700–1814 gg [The history of the Russian army. Vol. 1: From Narva to Paris, 1700–1814s]. Moscow, Golos, 1992. 302 p.
12. Klyuchevskii V.O. Soch. v 9 t. T. 4: Kurs russkoi istorii, 1725–1762 [Op.in 9 vol. Vol. 4: the Course of the Russian history, 1725–1762]. Moscow, Mysl', 1989. 400 p.
13. Kindinov M.A. Russko-frantsuzskie otnosheniya serediny XVIII veka v osveshchenii otechestvennykh issledovatelei (1990–2012 gg.) [Russian-French relations in the mid XVIII century in the coverage of domestic researchers (1990–2012)]. In: *Klio*, 2015, no. 7 (103), pp. 12–16.
14. Lobanov-Rostovskii A.B. Natal'ya Fedorovna Lopukhina, 1699–1763: epizod iz ee zhizni [Natalia Fyodorovna Lopukhina, 1699–1763: episode from her life]. In: *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1860, no. 9, pp. 5–7.
15. Nekrasov G.A. Rol' Rossii v evropeiskoi mezhdunarodnoi politike, 1725–1739 gg [Russia's role in the European international policy]. Moscow, Nauka, 1976. 320 p.
16. Pavlenko N.I. Strasti u trona: istoriya dvortsovykh perevorotov. [Passion at the throne: history of Palace coups.]. Moscow, zhurnal "Rodina", 1996. 317 p.
17. Pekarskii P. P. Markiz de Iya Shetardi v Rossii, 1740 [The Marquis de La Shetardi in Russia, 1740]. St. Petersburg, Tip. I. Ogrizko, 1862. 638 p.
18. Platonov S.F. Uchebnik russkoi istorii [Russian history textbook]. St. Petersburg, Nauka, 1994. 428 p.
19. Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. T. 91: Diplomaticheskaya perepiska angliiskikh poslov i poslannikov pri russkom dvore za 1741 god. [The collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 91: Diplomatic correspondence of the English ambassadors and envoys at the Russian court in 1741]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, 1894. 531 p.
20. Solov'ev S.M. Soch.v vosemnadtsati knigakh. Kn. XI: Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [t. 21–22] [Op. in eighteen books. Book XI: History of Russia from ancient times [21–22]]. Moscow, Mysl', 1993. 620 p.
21. Turgenev A.I. Russkii dvor sto let nazad, 1725–1783 [Russian court a hundred years ago, 1725–1783]. SPb., Iskusstvo, 2005. 308 p.

22. Khmyrov M.D. Graf Lestok [Count Lestok] Khmyrov M.D. Istoricheskie stat'i. [Hmyrov M. D. the Historical articles.]. Moscow, Izd-vo V.P. Pechatkina, 1873, pp. 67–240.
  23. Cherkasov P.P. Elizaveta Petrovna i Lyudovik XV: russko-frantsuzskie otnosheniya, 1741-1762 [Elizabeth and Louis XV: the Russian-French relations, 1741–1762]. Moscow, Tovarithchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2010. 376 p.
  24. Browning R. The War of the Austrian Succession [The War of the Austrian Succession]. New York, St. Martin's Press, 1994. 480 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Собко Елена Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры сценической речи Московского государственного института культуры;
e-mail: elena.tereza-sobko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena M. Sobko – candidate of historical sciences, professor at the department of Stage Speech, Moscow State Institute of Culture;
e-mail: elena.tereza-sobko@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Собко Е.М. Российско-французские отношения в период войны за австрийское наследство // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 56–66.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-56-66

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

E. Sobko. Russian-French relations during the war of the Austrian Succession. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 56–66.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-56-66

УДК 93

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-67-75

А.Д. ПРОТОПОПОВ: СУДЬБА ДВОРЯНИНА-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX В.

Курков К.Н.*Российский государственный социальный университет**129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4, стр.1, Российская Федерация*

Аннотация. Представленная статья посвящена предпринимательской деятельности А.Д. Протопопова – последнего министра внутренних дел императорской России, и раскрывает ранее неизвестные страницы биографии этого государственного деятеля, выступающего в достаточно неожиданной, ранее практически неисследованной социальной роли.

Ключевые слова: Протопопов, село Румянцево Жадовской волости Корсунского уезда Симбирской губернии, Румянцевско-Селиверстовская суконная фабрика, модернизация, дворяне-предприниматели, меценатство, благотворительность, памятники истории и культуры, культурный и благотворительный центр.

A.D. PROTOPOV: THE FATE OF THE NOBLEMAN-ENTREPRENEUR IN RUSSIA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

K. Kurkov*Russian State Social University**4, build.1, Wilhelm Pieck Street, Moscow, 129226, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the entrepreneurship of A. D. Protopopov, the last Minister of Internal Affairs in Imperial Russia. The unknown pages of the biography of the statesman acting in an unexpected, previously almost unexplored social role are revealed.

Key words: Protopopov, the village of Rumyantsevo of Zhadovski volost in Korsun district of Simbirsk province, the Rumyantsev-Seliverstov's cloth factory, modernization, noblemen-entrepreneurs, philanthropy, charity, historical and cultural monuments, cultural and charity center.

Исследование явления дворянского предпринимательства в России в течение многих лет доказывает, что прочного успеха достигали те дворяне-предприниматели, чье благосостояние основывалось не столько на принадлежавших им предприятиях, сколько на других источниках дохода.

Многие из них поэтому известны более или менее своей ролью в политической и культурной жизни страны, и совершенно не изучены как предприниматели, что симптоматично. Предпринимательская деятельность, независимо от степени личного участия каждого, не могла стать главной для них прежде всего по причинам социального характера.

К таким личностям, совершенно, кстати, нехарактерным для российского истеблишмента начала XX в., относятся и Александр Дмитриевич Протопопов (1866–1918).

Видный думский деятель, занявший затем, уже в самый канун крушения монархии, один из ключевых постов в государственном управлении, в связи с этой своей ипостасью он упоминается в таких малоисследованных до сих пор справочниках, как «Списки фабрик и заводов Европейской России» (1903 г.) и «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (1908 г., 1914 г.).

При внимательном исследовании «Списков» выяснилось, что при их составлении некоторое и, возможно, значительное число дворян, занимавшихся предпринимательством, скорее всего, по различным мотивам скрывало свой сословный статус, и попадало в эти «Списки» без указания звания. Так, будущий министр поименован всего лишь «штабс-ротмистром» [5, с. 74], хотя принадлежал к достаточно старому дворянскому роду.

Основным источником по истории предпринимательской деятельности А.Д. Протопопова стал его личный фонд в Государственном архиве Российской Федерации, документы которого наиболее пригодны для использования и охватывают более широкий круг персоналий, чем материалы какого-либо другого московского архива¹. Большая часть этих документов до сих пор практически не была введена в научный оборот.

Активное, профессиональное участие в предпринимательской деятель-

ности А.Д. Протопопова, будущего общественного деятеля, думского депутата, а затем – последнего царского министра внутренних дел (декабрь 1916 – февраль 1917 гг.), считающегося ставленником Г.Е. Распутина и чуть ли не сумасшедшим, является достаточно неожиданным. По давней традиции, на подобные посты назначались представители сановных «верхов», служилой и даже родовой знати, ставленники той или иной группировки бюрократического истеблишмента.

По утверждению некоторых авторов, Александр Дмитриевич Протопопов стал «навсегда печально-символической фигурой в финальных сценах существования монархии. Преданность его императору» будто бы «носила фатально-мистический характер, а ненависть к нему различных кругов общества была беспредельна» [1, с. 228].

Однако все эти особенности характера не помешали Александру Дмитриевичу более или менее успешно вести свои дела, и мы можем утверждать, что, не случись в его жизни прославившей его в истории министерской должности, биография Протопопова стала бы типичной биографией «просвещенного» либерала, подобно кн. С.Е. Львову, А.И. Гучкову, П.Н. Милюкову и др.

Родившись в семье состоятельного дворянина, «имевшего в Нижегородской губернии около трех тысяч десятин земли... Александр воспитывался в кадетском корпусе, затем – в Николаевском кавалерийском училище, и после окончания в 1885 г. был определен... в лейб-гвардии Конно-гвардейский полк. Через несколько лет поступил в Академию Генерального штаба,

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.582 (А.Д. Протопопов). Оп. 1. Д. 72.

где проучился только один год и по состоянию здоровья вышел в 1890 г. в отставку в чине штабс-ротмистра. В конце 90-х гг. XIX в. А.Д. Протопопов получил по завещанию своего дяди, сводного брата отца генерала Н.Д. Селиверстова, огромное состояние, включавшее почти семь тысяч десятин земли и суконную фабрику в Корсунском уезде Симбирской губернии и менее значительную собственность в Пензенской и Саратовской губерниях. Это был богатый, по-европейски образованный человек, великолепно знавший языки, хороший пианист, учившийся у французского композитора Ж. Массне.

Оставив военную службу и перейдя к гражданской жизни, А.Д. Протопопов «занился... благотворительностью и довольно быстро прославился щедрыми пожертвованиями» [1, с. 228].

В его архивном фонде, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации, имеется огромное дело (относящееся к 1907–1912 гг., когда он министром ещё не стал) – копии документов, касающихся производства и поставок Протопоповым защитного сукна, прежде всего казенному ведомству. 398 листов, густо исписанных будущим министром, свидетельствуют о его кипучей деятельности в этой области. Уже где-то в феврале 1908 г. им основано «Товарищество Румянцевско-Селиверстовской суконной мануфактуры». Он вникает в тонкости скотоводства, даже переписывается по этому поводу с Англией – родиной европейского сукноделия¹; в интересах дела выручает на продажу часть леса в родовом владении, берет кредиты в

Волжско-Камском банке, то есть ведет себя как нормальный капиталист-промышленник. К 1911 г. Протопопов числил в своем активе почти 1 млн. 400 тыс. руб. Справедливости ради надо отметить, что суконная фабрика была основана не им, а его сводным дядей по отцу, Н.Д. Селиверстовым, и унаследована Протопоповым вместе с несколькими тысячами десятин земли и другой собственностью. Протопопов был связан с известным К.М. Слиозбергом, но особенно тесно – с фирмой «З.Д. Шур и сыновья», так как имеются сведения о его особой заботе и живом участии в судьбе этой фирмы, оставшейся на время без управляющего по причине ограничений евреев в праве на жительство в столицах империи². (Позднее, в бытность свою министром, он с согласия императора издал циркуляр о разрешении евреям жительствовать без регистрации как в Москве, так и в других городах, не находившихся в зоне боевых действий).

Логическим завершением «Дела о работе текстильной фабрики в имени А.Д. Протопопова в Симбирской губ.» является копия его телеграммы в Совет Съездов представителей промышленности и торговли Юга России, в которой он ратует чуть ли не за всеобщее национальное равенство, что весьма негативно воспринималось в массе своей российским дворянством³.

В 1911 г. над ним едва не разразилась катастрофа, подробно описываемая в письмах жене, Ольге Павловне⁴. Пришлось задействовать суммы, при-

² ГА РФ. Там же. Л. 1

³ ГА РФ. Там же. Л. 398

⁴ Протопопова Ольга Павловна, урожд. Носович, была дочерью генерал-майора П.В. Носовича, директора 1-го кадетского корпуса.

¹ ГА РФ. Ф. 582. Оп. 1. Д. 72. Лл. 382, 374–375, 363–368, 340–343.

читающиеся Александру Дмитриевичу по договору с собственниками участков нефтеносных земель на Ухте – десять процентов с суммы переуступки ими своих прав третьим лицам. (Создается впечатление, что все изучаемые нами персонажи обязательно спекулировали правами на добычу нефти и руды!) В тяжелой ситуации неудачливый промышленник утешал себя тем, что «оно ведь и полезно для совершенствования человека: знать на своей спине то, что лишь мало, или вовсе незаметно, на спине чужой». В другом письме он жалуется Слиозбергу, что «дело хотя идет, но столько хлопот», что сделать его быстро невозможно; видимо, компаньон сомневается в серьезности положения, и Протопопов без конца уговаривает его, расписывая свои мытарства: «прошу тебя верить, что и мне здесь не малина, едва-едва леплюсь; сплю едва-едва, польза же от моего здесь житья – большая. Без этого не сделаешь, – хотя м. б. и увечным из этой переделки выйдешь!.. Ради Бога – не треплите ещё Вы меня из Москвы: и без того неумоги!»¹.

Протопопов явно интересовался тем, что о нем думают, но остается загадкой, как ему удалось получить текст переписки о нем третьих лиц, копии которой аккуратно подшиты в дело. Приведем некоторые высказывания о нем из писем неизвестных нам авторов, которые, по-видимому, хорошо знали его как предпринимателя, причем сами являлись, вероятно, выходцами из других социальных слоев.

«Мне неоднократно приходила мысль об Александре Дмитриевиче, т. е. я задумывался, отчего он, если можно так выразиться, – «отбавил», он не

¹ ГА РФ. Оп. 1. Д. 72. Лл. 300, 284, 277.

таков, как мы привыкли всегда судить сплеча, т. е. не совсем барин и не лентяй, а между прочим, факт, что он отбавил.

На это может быть несомненно верный вывод: он был барин, смотрел на дело сквозь пальцы, при этом его доброта довершила то, что довело дело до администрации.

Шерсть его, которую мы видели здесь, нам не понравилась, в ней много мертвого волоса и недомойки», так что её цена не покрывает стоимости её транспортировки.

Другое письмо принадлежит, возможно, кому-то из его компаньонов:

«Александр Дмитриевич пережил более тех людей, которые живут однообразно, идя шаг за шагом на своем поприще. Каждый пережиток оставляет следы хорошего и горького, это школа, которая учит на практике, и те люди, которые не пройдут этого Рубикона, я думаю, не поймут в должной степени.

Поэтому я полагал бы попросить Александра Дмитриевича принять на себя труд ближайшего заведывания общими делами администрации, я убедился, что он очень хорошо знает фабричную технику, знает шерсть, это очень важно, и при наших содействиях, надеюсь, дело пойдет с успехом... Всякий мог бы ответить, что как вручать это дело человеку, который, делая его, привел к печальному результату, на это можно возразить, что пройденная школа и условия настоящего положения исключает повторения прежнего»².

Вероятно, столь критическая оценка деловых качеств Протопопова объясняется событиями, описанными им самим в письме от 13 сентября 1908 г.:

² ГА РФ. Там же. Лл. 162 об., 163, 165, 166 об.

произведенные им сукна пришли в негодность благодаря небрежности чиновников, и фабрика, как он выразился в другом письме, пережила «встряску» и «лихорадку», которая, однако, вскоре начала проходить.

И ещё одно беспокоило Протопопова – получение государственных заказов. «Необходимо урегулировать вопрос о казенных взятках... – дело не терпящее отлагательств и могущее иметь при задержке платежей заинтересованным самые гнусные последствия». Взятка – ещё одно объективное, чисто российское «обстоятельство» жизни любого предпринимателя...

Александр Дмитриевич опирался не только на земельную собственность, родовые поместья – наследие предков (как мы уже говорили, он владел доставшимися ему от дяди крупными имениями в Поволжье), но и на «человеческий фактор» – преданность ближайших помощников.

Прямо-таки патриархальными были его взаимоотношения с некоторыми наемными служащими, потомственно, из поколения в поколение служившими его семье. Таким был некто Маркин, начавший службу мальчиком пятнадцати лет ещё у деда Протопопова: «в течение короткого времени... подгонял бухгалтерию настолько, что мы могли представить баланс к июню на день...» В какой-то момент Маркину пришлось передать руководство бухгалтерией лицу с более широким кругозором и высокой квалификацией. «Этот случай навел меня на мысль, что надо, во-первых, заботиться о судьбе тех служащих, кои служили долго и хорошо, и лишь увидев, что они не могут исполнять тре-

буемое, заменять их новыми», – писал Протопопов 25 августа 1908 г.¹

Дела Протопопова шли успешно. Румянцевско-Селиверстовская суконная фабрика, дававшая работу в 1900 – 1903 гг. 947 рабочим, производившим в год продукции на 854500 руб., к 1914 г. насчитывала 1500 рабочих, увеличив годовое производство до 1600000 руб. Фабрика располагала складами на Гостином дворе С.-Петербурга и на Нижегородской ярмарке с конторой на Ильинке, в Китай-городе – древнем торговом центре Москвы. Все это богатство обеспечивалось фабричными машинами с семью самыми современными двигателями общей мощностью 760 лошадиных сил [5, с. 74; 6, Гр.К. №1642; 4, с. 132].

Для нас случай с А.Д. Протопоповым – редкостный. Будущий министр, любимец «кружка императрицы», он предстает здесь в совершенно ином качестве. Не пользуясь высоким покровительством, он смело идет по тернистому пути российских предпринимателей, мужественно перенося все тяготы и лишения, поддерживая славу отечественного сукнодела.

При этом, хотя пережитые тревожения не прошли даром для здоровья будущего сановника, он не утратил ни самообладания, ни здравого смысла. Когда он стал видным думским деятелем, «до осени 1916 г. имя А.Д. Протопопова пользовалось не только известностью, но и уважением в либеральных думских и околдумских кругах. Весной он возглавил представительную парламентскую делегацию, которая посетила Англию, Францию, Италию. В европейских столицах светские манеры и широкий кругозор

¹ ГА РФ. Оп. 1. Д. 72. Лл. 102 об., 158, 159 об.

главы русских парламентариев произвели хорошее впечатление, о чем царю докладывали по дипломатическим каналам, а Английский король Георг, в письме своему кузену – императору Николаю выразил радость, что в России есть такие выдающиеся люди». Ранее председатель Думы М.В. Родзянко даже «рекомендовал самодержцу... назначить Протопопова Министром торговли и промышленности» [1, с. 229]. Один этот факт много говорит о предпринимательских и личных качествах Александра Дмитриевича.

Общественно-политическая активность была, по-видимому, семейной чертой Протопоповых; членом I Государственной думы был и старший брат будущего министра, земский деятель Д.Д. Протопопов, также избранный в «первый российский парламент» от Самарской губернии. Александр Дмитриевич незадолго до своего возвышения избирался предводителем симбирского дворянства, а ведущие предприниматели избрали его председателем Совета съезда представителей металлургической промышленности.

Вместе с тем Александр Дмитриевич по своему характеру тяготел к традиционалистскому, консервативному крылу русского земства. Товарищ обер-прокурора Святейшего синода кн. Н.Д. Жевахов вспоминал, что он был «типичный русский человек старого закала, один из тех людей, кто не войдет в комнату, не осенив себя крестным знаменем, не сядет за обеденный стол, не прочитав молитвы, не пройдет мимо церкви, не сняв шапки, не заснёт, если в спальне не будет гореть лампада... Это глубокое сознание зависимости от Бога даже в мелочах

повседневной жизни не было у него рисовкою, а вытекало из глубоких недр его религиозной настроенности. Из этого же настроения вытекала и та его безграничная смелость, которая позволила ему, бывшему лидеру левых партий Думы, бросить последним вызов и открыто вступить с Думой в смертный бой» [2, с. 178, 180].

Но никаких достоверных сведений о мнимой ненормальности Протопопова нет, и все инсинуации на эту тему следует отнести, конечно, к пропагандистским акциям враждебно настроенных вчерашних думских коллег министра. Не случайно Николай II, раздраженный намеками на то, что мог назначить ненормального человека на столь ответственный пост, заметил, что Протопопов в глазах либералов стал «сумасшедшим... вероятно, с того момента, когда я назначил его министром? Ведь в Государственную Думу выбирал его не я, а губерния» [7, с. 219].

Хотя А.Д. Протопопову, в силу его прежней близости к думским кругам, было хорошо известно о подготовке переворота многими общественными деятелями и членами Думы, он не только не принимал никаких мер, но и не поставил в известность царя [3, с. 208], несмотря на всю свою декларируемую преданность. Однако, несмотря на относительную пассивность министра, в силу предшествующей своей деятельности он, «... принадлежа в Думе к левым партиям... знал не только общую картину думского революционного заговора, все извилистые тропинки, какие вели к свержению Престола и Династии... Вот почему он был так опасен Думе; вот почему Дума ни разу не пустила А.Д. Протопопова

на думскую кафедру, опасаясь разоблачений, которые стали бы известны всей России», и, хотя «победила Дума... но эта победа, кончившаяся смертью А.Д. Протопопова, явилась и ее собственной смертью и гибелью всей России.» [2, с. 180].

Вероятно, именно поэтому думцы начали травить злосчастного бывшего своего коллегу практически сразу после занятия им своего поста. Глава МВД «был малодетельным, безынициативным и плохо подготовленным к своей ответственной роли... Против Протопопова был выдвинут ряд обвинений, но особенно оскорбительными были два. Первое – попытка вести сепаратные переговоры с Германией („измена“) – довольно быстро отпало в силу своей абсурдности. Зато второе – интенсивно муссировалось. Уже к ноябрю [1916 г. – прим. – К.К.] по всей России циркулировали сведения о том, что у министра внутренних дел „разжижение мозга“ на почве сифилиса и что он абсолютно психически ненормален» [1, с. 239]. При этом в основе таких «достоверных сведений» лежали самые злостные измышления, производившие на «общественное мнение» сильное впечатление лишь в силу многократной и постоянной повторяемости.

Сильно повредило Александру Дмитриевичу и заступничество Г.Е. Распутина, стремившегося с помощью императрицы «оставить при должности „этого, – как писала Александра Федоровна Николаю II, – милого, умного и преданного человека“... В таком развитии был кровно заинтересован Распутин, понимавший, что падение симпатизировавшего ему сановника приведет к выдвигению на этот пост его

недоброжелателя, или даже врага». Сохранение же министром внутренних дел своего поста очень способствовало утверждению мнения о всемогуществе Распутина, без поддержки которого Протопопов давно бы лишился своего портфеля, и «распутинская тема стала волей-неволей занимать даже людей которые раньше были далеки от политики» [1, с. 241, 243].

Нападки на Протопопова были проявлением открытого натиска на власть, причем на сторону противника встал и премьер А.Ф. Трепов, который, стараясь нажить себе политический капитал в обществе, также настаивал на отставке министра. «Думская фронда безусловно стремилась открыть себе путь к власти, подчинив тем или иным путем монарха своей воле» [1, с. 240]. Невзирая на явную нелепость и несостоятельность обвинения Александра Дмитриевича в «ненормальности на почве сифилиса», «эта тема очень занимала публику и до, и после падения монархии. Группа врачей даже обследовала летом 1917 г. арестованного сановника и в угоду общественному мнению очень хотела диагностировать сумасшествие (о чем свидетельствуют подчистки и дописки в медицинских заключениях, сделанных уже после обследования), но констатировала лишь признаки депрессивных состояний на почве врожденного расстройства вегетативной системы (обследование, ранее проведенное у французских врачей, не выявило вообще никаких отклонений)». В нарушение всяких приличий «данные из его истории болезни публиковались в прессе и обсуждались публично, что считалось нормальным в стране, „освобожденной от тирании“» [1, с. 239–240].

Разумеется, рассмотренный нами частный случай не представляет собой весь спектр такого многообразного явления, как дворянское предпринимательство. Но А.Д. Протопопов был достаточно типичным, одним из наиболее выразительных примеров того слоя, который представлял. Вместе с тем, войдя впоследствии в число носителей высшей власти в России, он невольно отдалился от всех, кто ранее считал его «своим», обрек себя в политическом и социальном плане на такое же одиночество и изоляцию, в каких оказались Николай II и его близкие, верные им министры, сановники, военачальники, что стало одной из причин падения монархии, одним из трагических символов которой суждено было стать и последнему царскому министру внутренних дел.

Характерно, что и большинство крупных предпринимателей, принадлежавших к дворянскому сословию, являлись известными политическими и общественными деятелями последних десятилетий империи. В заключение

можно сказать лишь, что, несомненно, и при наличии тяготения дворянства к источникам дохода в непроективной сфере, и определенной тенденции к паразитированию некоторой его части, и нередко достаточно слабой конкурентоспособности по сравнению с выходцами из непривилегированных слоев, – при рассмотрении каждой конкретной личности неизбежны уточнения, дополнения, порой и пересмотр многих устоявшихся стереотипов. Таким, на наш взгляд, блестящим примером является и деятельность Александра Дмитриевича Протопопова, неплохо проявившего свои деловые качества, реализовавшегося в качестве либерального «думского» деятеля, и – «провалившегося» на министерском посту по причинам, от него уже не зависевшим. Его биография лишней раз доказывает, что никакие личностные качества не способны переломить ход исторического процесса, если речь идет о неизбежности коренных перемен в жизни огромной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боханов А.Н. Сумерки монархии. М.: Воскресенье, 1993. 294 с.
2. Жевахов Н.Д. Воспоминания [Т. I]. М.: Родник, 1993. 312 с.
3. Заварзин П.П. Жандармы и революционеры: воспоминания. Париж: Изд. автора, 1930. 262 с.
4. Курков К.Н. Адаптация российского дворянства к условиям модернизационного процесса начала XX в. М.: Готика, 2005. 536 с.
5. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. 838 с.
6. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). Изд. 2-е. Пг.: Д.П. Кандауров и сын, 1914. 1612 с.
7. Щавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота [Т. I]. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. 414 с.

REFERENCES

1. Bokhanov A.N. Sumerki monarkhii [Twilight of the monarchy]. Moscow, Voskresen'ye, 1993. 294 p.
2. Zhevakhov N.D. Vospominaniya [T. I] [Memories [Vol. I]]. Moscow, Rodnik, 1993. 312 p.
3. Zavarzin P.P. Zhandarmy i revolyutsionery: vospominaniya [The gendarmes and the revolutionaries: memories]. Paris, Izd. avtora, 1930. 262 p.

4. Kurkov K.N. Adaptatsiya rossiiskogo dvoryanstva k usloviyam modernizatsionnogo protsessa nachala XX v. [Adaptation of the Russian nobility to the conditions of the modernization process of the early XX century]. Moscow, Gotika, 2005. 536 p.
5. Spisok fabrik i zavodov Evropeiskoi Rossii. [List of factories and plants in European Russia]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma, 1903. 838 p.
6. Fabrichno-zavodskie predpriyatiya Rossiiskoi imperii (isklyuchaya Finlyandiyu). Izd. 2-e. [Factory enterprises of the Russian Empire (excluding Finland), ed. 2]. PG., D.P. Kandaurov i syn, 1914. 1612 p.
7. Shchavel'skii G.I. Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoi armii i flota [T. I]. [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and fleet [Vol. I]]. New York, Izd. im. Chekhova, 1954. 414 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курков Константин Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом и кадровой политики факультета управления Российского государственного социального университета;
e-mail: kurkowkonstantin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin N. Kurkov – doctor of historical Sciences, associate Professor, Professor of Department of personnel management and personnel policy of the faculty of management, Russian State Social University;
e-mail: kurkowkonstantin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Курков К.Н. А.Д. Протопопов: судьба дворянина-предпринимателя в России начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 67–75.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-67-75

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

K. Kurkov. A.D. Protopopov: the fate of the nobleman-entrepreneur in Russia in the early twentieth century. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2017, no 3, pp. 67–75.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-67-75

УДК 94(470)»1905»

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-76-88

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1905 ГОД В КРЫМУ

Волобуев О.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринята попытка по-новому взглянуть на события и политическую обстановку 1905 года в одной из губерний России. Автор прослеживает линии революционного движения – городскую, крестьянскую, матросско-солдатскую – и приходит к выводу, что они не были тесно взаимосвязаны, как это изображалось в советской историографии. Автор на основе источников показывает, что политические партии и, тем более, большевики не руководили революционным движением, но возбуждали его устной агитацией и печатным словом. Революция носила стихийный и бунтарский характер, который определялся низким уровнем общественного сознания.

Ключевые слова: Экономические и политические стачки, митинги и демонстрации, восстания на военных судах и в солдатских гарнизонах, политические партии, профсоюзы.

REVOLUTIONARY YEAR OF 1905 IN THE CRIMEA

O. Volobuev*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article attempts to take a fresh look at the events and the political situation in 1905 in one of the provinces of Russia. The author traces the line of the revolutionary movement – urban, peasant, and sailor-soldiers – and comes to the conclusion that they were not so closely interconnected as it was depicted in Soviet historiography. The author on the basis of the sources shows that the political parties and, especially, the Bolsheviks were not at the head of the revolutionary movement, but sharpened it with verbal campaigning and printed word. The revolution had spontaneous and rebellious nature, which was determined by the low level of public consciousness.

Key words: economic and political strikes, rallies and demonstrations, uprisings on the warships and in the garrisons, political parties, trade unions.

В советской историографии революционных событий начала XX в. в Таврической губернии внимание историков было сосредоточено на нескольких сюжетах: восстаниях на броненосце «Потемкин» в июне и на крейсере «Очаков» в ноябре 1905 г.; рабочем и крестьянском движении; роли большевиков в организации революционных выступлений. Известно, что броненосец «Потемкин», особенно благодаря фильму Сергея Эйзенштейна, стал одним из сим-

волов и Первой российской революции, и революционного флота. Но данный яркий эпизод революции, восстания (или бунта) матросов органически не связан с историей Крыма, в отличие от ноябрьского 1905 г. восстания матросов и солдат в Севастополе. Если в первом случае символом стихии революции является броненосец, то во втором символом героя революции является лейтенант П.П. Шмидт. Эти два восстания в статье разведены как не имеющее и имеющее прямое отношение к истории революционного движения на Крымском полуострове. В статье рассматриваются события, происходившие преимущественно в Крыму, а события в материковых трех уездах лишь затрагиваются, когда надо воссоздать картину революционной обстановки в губернии.

Рабочему и крестьянскому движению в Таврической губернии в советской историографии посвящены исследования Г.Н. Губенко и В.С. Горякиной. Существенным недостатком их является преувеличение влияния большевиков на выступления крестьян, рабочие стачки, городские митинги и демонстрации [1; 2]. В еще большей степени этот родовый порок советской историографии сказался на попытках создания обобщающей картины революционных событий 1905–1907 гг. в Крыму [5, с. 169–194; 7, с. 14–16]. Хотя «Очерки Крымской областной партийной организации» отделяют три десятилетия от «Очерков по истории Крыма», но концептуально-идеологические подходы к освещению событий Первой российской революции в них совпадают. Трудность, но старательно преодолеваемая за счет замалчивания деятельности других партий, заключалась

в том, что революционное движение в Крыму проходило (и это вынуждены были признавать даже авторы сочинения по истории крымской организации КПСС) «при отсутствии самостоятельных большевистских организаций и оформленных групп, несмотря на преобладание оппортунистов в Крымском союзе РСДРП...» [7, с. 26].

Более реалистичную картину 1905 – 1907 гг. в Крыму можно найти в советской исторической науке периода ее становления и периода, в годы перестройки, ее заката. В 1920 г. Крымским Истпартом были подготовлены статьи, к созданию которых привлекались участники революции. Самым ценным изданием по своей информативности является сборник статей, вышедших к двадцатилетию Первой российской революции [12].

Сразу же после «Кровавого воскресения» революционные организации Таврической губернии начинают активную агитационную и пропагандистскую деятельность. В одном из изданий Крымского Истпарта (со ссылкой на полицейские донесения) фигурирует цифра в 50000 экземпляров прокламаций и гектографированных брошюр, распространенных революционными организациями только в первые три месяца 1905 г. Приведем для подтверждения «потока» нелегальной агитационной литературы выдержку из донесения симферопольской полиции: «4-го февраля в разных местах города было обнаружено 461 экз, прокламаций разного содержания, 411 экз. – под названием «Ко всем рабочим и работницам»» [12, с. 15, 17]. И таких дней было много.

В городах проводились сходки рабочих, где принимались решения о

проведении стачек солидарности с рабочими Петербурга. В течение всего февраля нарастает стачечная волна: бастуют работники аптек, табачных фабрик и прачечных в Симферополе, портовые и типографские рабочие в Севастополе, фабричные рабочие в Феодосии. Особо следует выделить распространение забастовочного движения на Ялту и Евпаторию, в последней с 12 по 16 мая прошла всеобщая стачка. Зимой-весной 1905 г. наибольшее число стачек наблюдается в феврале. На февраль до Всероссийской Октябрьской стачки приходится также политические забастовки. Их немного: 2 политические и 4 смешанные (больше с экономическим уклоном). В общей сложности политические требования выдвигало порядка 600 стачечников. В апреле-мае происходят исключительно экономические стачки. Следующий взлет забастовок приходится на осень 1905 г. Всего в 1905 г. участвовало в стачечном движении 17563 человека (в том числе неоднократно). Из них на последние два месяца приходится 8370, т. е. половина участников. А из общего количества 78 забастовок только 14 имели ту или иную политическую окраску [1, с. 74].

После первомайских стачек и выступлений местные власти перевели губернию на положение усиленной охраны. Соответственно запрещались несанкционированные собрания и шествия. Но введение запретов и ограничений не могло приостановить бурление общественной жизни.

Забастовочное движение, представленное главным образом экономическими стачками, не имело тесной связи с политическими партиями, каковые в Таврической губернии были хотя и ак-

тивны, но малочисленны. Так, к концу 1905 г. местные организации РСДРП (все меньшевистской ориентации) насчитывали 700 человек. Эсеров было чуть побольше: свыше 1000 человек. В начале 1905 г. во всех значительных городах оформились группы анархистов. Имелись также представители национальных революционных партий – еврейских (Бунд, Поалей-Цион), армянских (Дашнакцутюн) [4, с. 10].

Возникла также небольшая крымскотатарская группа социалистов-федералистов в Симферополе. Революция положила начало политическому пробуждению крымскотатарской общности, хотя практически в революционном движении крымские татары почти не участвовали. Наиболее активная их часть составила весной 1905 г. петицию из 17 пунктов. В них ставились вопросы расширения прав и свобод мусульманского населения, участия в выборах депутатов будущей Думы, преподавания татарского языка, издания на нем периодической печати, преподавания в школе мусульманского вероучения, получения права занятия ремеслом и торговлей на всей территории империи. Но главным требованием было решение аграрного вопроса. По всем этим вопросам крымская делегация встречалась в Петербурге с высшими государственными деятелями империи – С.Ю. Витте и А.Г. Булыгиным [14, с. 99].

14–25 июня 1905 г. в России ознаменовано восстанием на броненосце «Потемкин». Оно не было прямо связано с революционным движением в самой Таврической губернии. Из всех крымских городов восставший броненосец заходил только в феодосийский порт. 22 июня в 7 часов утра «Потемкин»

после неудачной попытки поднять восстание в Одессе в сопровождении одного миноносца появился на рейде Феодосии. На броненосце развивался красный флаг. Отчаливший от судна катер с пятью матросскими посланцами пришвартовался на пристани. Собралась толпа, по свидетельству очевидцев, в 300–400 человек. Моряки раздавали листовки и требовали встречи с представителями города. На броненосец отправились городской голова Л.А. Дуранте и известный общественный деятель С.С. Крым. На встрече моряки потребовали обеспечения броненосца провиантом и углем. Начальник гарнизона дал согласие только на отпуск воды, продовольствия и медикаментов. Городские власти по этому вопросу обратились к губернатору, тот, в свою очередь – к министру внутренних дел. От товарища министра был получен следующий телеграфный ответ: «Снабжение «Потемкина» провиантом, углем и водою в высшей форме нежелательно с общегосударственной точки зрения. Но если, безусловно, не имеете средств к ограждению обывателей и избавлению города от разрушения, то поступайте сообразно обстоятельствам...» [12, с. 9]. Городской думой было выделено для мятежного броненосца 100 кулей муки, 30 пудов мяса, печеный хлеб, водка, вино и пиво – всего на сумму 1800 руб.

Однако не был решен вопрос о топливе. У думы такового не было. Тогда моряки решили отбуксировать находившуюся в порту баржу с углем. Но катер, посланный на буксировку, подвергся обстрелу по приказу начальника гарнизона. Моряки понесли потери, после чего катер вынужден был уйти под прикрытие броненосца, который

навел орудия на город. Началась паника. Городская управа обратилась к жителям с призывом покинуть дома в 24 часа. Людей грузили в товарные вагоны и отправляли в Керчь и Джанкой. Но Феодосия обстрелу так и не подверглась. 23 июня «Потемкин» с траверзы города ушел в открытое море.

Вторая революционная волна захлестнула Таврическую губернию в октябре–декабре 1905 г. Всероссийская политическая стачка началась в Крыму с забастовки железнодорожников и телеграфистов 10–11 октября в Феодосии, Джанкое, Симферополе. В Симферополе в стачке приняли участие рабочие табачных фабрик и типографий, приказчики и разные мастеровые. Но главные события развернулись уже после оглашения царского Манифеста от 17 октября.

В Симферополе Манифест был получен утром 18 октября. Волнения начались с появления демонстрантов с красным флагом у здания тюрьмы. Демонстранты стали требовать освобождения политзаключенных. Заключенные в этой обстановке устроили бунт и, взломав тюремные двери, присоединились к демонстрантам. Эскадрон крымской дивизии начал разгонять демонстрантов и вылавливать из толпы сбежавших «арестантов». Демонстранты вернулись в центр города и расположились в городском сквере, где ожидался намеченный ранее политический митинг демократической общественности.

По дороге революционная демонстрация столкнулась с демонстрацией «патриотической», «черносотенной». После короткого столкновения они разошлись и двинулись в разные стороны. Пострадал только пробитый

пулей провокатора царский портрет. Однако через какое-то время «патриотические» манифестанты с дубинками и другим «инструментарием миролюбия» окружили сквер, где проходил «революционный» митинг. Перевес и активность, да еще и полиция, были на стороне осаждавших. Самооборона попыталась освободить выходы из сквера, но была разгромлена [6, с. 300–306]. И, как писал один из современников, вскоре ««взрыв народного гнева» перенесся на еврейские спины, головы и магазины» [12, с. 30–31].

Еще более ужасными были события в Феодосии. Уже 18 октября вблизи железнодорожного вокзала собрался митинг. На следующий день в центре города, у концертного зала и памятника Александру III митинг, осеняемый красными и черными знаменами, продолжился. Параллельно среди портовых грузчиков шла организация «патриотической манифестации». Когда «черносотенцы» оказались на площади, где собрались «враги царя», в стычке выстрелом из револьвера был убит один из их руководителей, после чего началась расправа с «красными» демонстрантами. Кто мог, укрывались в концертном зале, но трехэтажное здание было осаждено и подожжено. Спасаясь, люди прыгали из окон и с крыши. Их добивали на земле. После «кровавого пожара» начался еврейский погром. В Керчи, пережившей еврейский погром в конце июля – начале августа 1905 г., на этот раз погрома не было. В середине декабря в Феодосию из Севастополя прибыли воинские соединения. 22 декабря город был объявлен на военном положении.

Наиболее масштабно события разворачивались в Севастополе.

Вечером 18 октября демонстранты, собравшиеся у тюрьмы, стали требовать освобождения политических заключенных. Существуют две версии развития событий. По одной из них тюремные ворота открылись, и стоявшие за ними солдаты расстреляли толпу. По другой толпа ворвалась в тюрьму, из толпы раздался провокационный выстрел и солдаты вынуждены были открыть огонь на поражение. Начались протестные забастовки и митинги. 20 октября наступил траурный день похорон погибших у стен тюрьмы. На похороны собралось от 10 до 20 тыс. человек. В могилы были опущены 8 гробов, и известный своими общественными выступлениями лейтенант П.П. Шмидт произнес свою знаменитую речь с рефреном «Клянемся», который вслед за ним повторяли пришедшие на похороны. В ней были и такие слова: «Клянемся, что мы никогда не уступим ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав!».

Отношения матросов с офицерами были напряженными. Так, в ноябре матросы крейсера «Очаков», в основном новобранцы, отказались приветствовать командира корабля, тот, в свою очередь, перестал здороваться с матросами. 10 ноября командир броненосца «Потемкин» рапортовал главному командиру Черноморского флота, «что большая часть команды заражена политической пропагандой», что матросы «считают себя вправе устраивать митинги по закоулкам корабля...» [10, с. 130].

Тревожная обстановка в Севастополе в ноябре 1905 г. обрисована в телеграмме вице-адмирала Г.Н. Чухнина военно-морскому министру А.А. Бирлеву, главный командир Черномор-

ского флота откровенно писал – «ожидая бунта»: «Начались сходки тысячи по две матросов и солдат – агитация идет (за) освобождение от суда матросов «Потемкина». Арестовать тысячи нельзя, на действие оружия против них рассчитывать тоже нельзя, чувствую, что с арестами и при действии оружием восстанет весь флот. Необходимо, не медля ни одного дня усилить войска, так как на здешние положить нельзя» [11, с. 98]. Эта телеграмма была отправлена 11 ноября, в день вооруженного инцидента, положившего начало самому мощному восстанию/бунту на Черноморском флоте. Ход событий хорошо известен и по рапортам Чухнина, и по материалам судебных процессов над восставшими. Картина восстания четко вырисовывается в ее развертывании по календарным дням, и она свидетельствует, что в Крыму власть, в том числе и военная, по словам современника, «находилась в полной прострации» [6, с. 275].

11 ноября. Суть утреннего инцидента сводилась к тому, что некий матрос (К.М. Петров) выстрелами из винтовки ранил двоих офицеров: контр-адмирала С.П. Писаревского и со смертельным исходом командира роты, посланной поддерживать порядок в случае намеченной матросской сходки. Стрелявший в офицеров был арестован, но матросы потребовали его освобождения. Боясь разрастания беспорядков, Петрова передали на поруки матросам. Однако группа матросов разоружила также присланную для поддержания порядка вторую роту солдат и начала созывать находившихся в казармах на митинг. Многие старослужащие скрывались от участия в нем. Дежурные офицеры были аресто-

ваны. До самого позднего вечера у казарм продолжалась сходка двух тысяч бунтующих матросов. На сходке были выработаны требования к начальству по улучшению положения низших чинов и было решено выбрать депутатов от всех воинских соединений для отстаивания интересов матросской массы.

12 ноября. Выбранные депутаты создали общий Совет для руководства массовой деятельностью, согласовали требования и с распечатанными текстами их отправились по своим судам и экипажам. В морских казармах продолжился начатый вчера митинг. Забастовка охватила портовых рабочих. Митингующие направились агитировать за присоединение к ним других воинских частей. Демонстрация под красными знаменами заполняла городской центр. Главное командование войсками, призванными подавить восстание, было поручено генералу А.Н. Меллер-Закомельскому.

13 ноября. По решению стачечного комитета движение поездов прекращено. Почта и телеграф не работают. Ночью в городе было установлено военное положение, а в крепости – осадное. Матросские депутаты с утра съехались по месту жительства лейтенанта Шмидта. Было ясно: восстание нуждается в управлении, едином руководстве. Как свидетельствовал один из депутатов, «Шмидт просмотрел требования команды и сказал, что все эти требования... для команды, а надо требовать Учредительного собрания, которое все даст» [11, с. 98]. Ненадежный Брестский полк вывели из города. Офицеры покинули крейсер «Очаков», который с этого момента стал восставшим кораблем-символом революции

матросов и солдат. Вечером Шмидт на ялике перебрался на Корабельную сторону для переговоров с матросами, старался убедить их не начинать вооруженного восстания. Как вспоминал сын лейтенанта Шмидта, вернувшись с переговоров, последний сетовал, что как он не «распинался», так и не смог доказать «бесмысленность их затей»: «Кончу – орут «Правильно!». Выйдет эс-дек... – и ему орут «Правильно!». Той же ночью приехали матросы и уговорили Шмидта возглавить восстание [Цит. по: 13, с. 94]. В этот день жандармский ротмистр Н.А. Васильев докладывал из Севастополя: «Между матросами единения нет» [10, с. 140].

14 ноября. Вице-адмирал Чухнин объезжает суда эскадры и зачитывает экипажам телеграмму императора с призывом прекратить смуту. Обнаружится приказ о переводе крепости на военное положение. Севастопольский градоначальник сообщает министру внутренних дел: «... Отдельные матросы верхом и пешком появляются в городе, собирают слушателей, объясняют им свои требования, сводящиеся к следующему: Учредительное собрание, выборы в думу на основании указанных четырех способов¹, осуществление четырех свобод², коренное изменение взаимных отношений начальствующих с подчиненными, улучшение быта нижних чинов». Вокруг Севастополя и в самом городе сосредоточиваются карательные силы под руководством Меллера-Закомельского. В этот день ротмистр Васильев сообщает: «... Настроение жителей крайне тревожное,

чернь против властей. <...> Мои агенты из страха отказались работать» [10, с. 141, 144].

15 ноября. Ночью ударными группами матросов было захвачено несколько миноносцев и вспомогательных судов. В 8 часов утра вместе с красным флагом над крейсером «Очаков» взвился сигнал «Командую флотом я. Шмидт». Шмидт отправляет императору телеграмму: «Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и перестает повиноваться вашим министрам» [10, с. 155]. В середине дня восставшим был предъявлен ультиматум о полной сдаче. Затем последовал двухчасовой артиллерийский обстрел примкнувших к восстанию судов. На виду у всего города был потоплен крейсер «Очаков», а также выведены из строя два миноносца. Шмидта вместе с сыном арестовали на борту одного из миноносцев.

Всего в рядах севастопольских бунтарей было до 8 тыс. повстанцев. Военная власть в Севастополе располагала 10 тыс. оставшихся верными присяге матросов и солдат. На ее стороне были также 22 корабля Черноморского флота. В грубом подсчете соотношение между революционной и верной присяге частью войска было примерно равным. Арестовано было в связи с мятежом 1600–1700 человек [13, с. 105]³. Людские потери – по несколько десятков человек с каждой стороны – были незначительны. Но в советской летописи Первой российской революции ноябрьские события на главной базе Черноморского флота

¹ Имеются в виду всеобщие, равные, прямые и тайные (закрытые) выборы.

² Имеются в виду свобода слова, печати, собраний, союзов.

³ Меллер-Закомельский сообщал о 2000 арестованных.

громко именовались «Севастопольский пожар». При всей преувеличенности основания для такого яркого образа имелись, учитывая испуг власти и общественный резонанс. Но выше уровня бунта нигде в Крыму никакие «революционные события» не поднимались. Уровень бунта соответствовал уровню общественного сознания масс.

В революционное движение втягивались и гимназисты старших классов. Заметные волнения учащихся происходили в 1905 г.: в марте – в Симферопольской гимназии, в октябре – в мужской гимназии и реальном училище Севастополя, в ноябре – в мужской и женской гимназиях Бердянска и Ялты.

Одной из особенностей городского революционного движения в Крыму при малочисленности местных радикальных партий и их слабости была активная организующая роль активистов рабочих коллективов. Они руководили стачками и создавали профессиональные союзы осенью 1905 и в течение 1906 г. В ноябре 1905 г. в Севастополе возник союз металлистов, который на первых порах существовал нелегально. Официально он был легализован как профсоюз портовых рабочих и объединил до 1000 человек. Часть его правления по обвинению в причастности к революционным действиям была арестована в декабре 1906 г., а весной 1907 г., перед майскими праздниками, 80% его членов получили расчет и право на бесплатный проезд в места, отдаленные от Севастополя. Наибольшее количество профсоюзов было создано в Симферополе. Это были объединения рабочих и ремесленников: железнодорожников, швейников (портных), сапожников, приказчиков, строителей,

связистов, печатников (типографских рабочих). Профсоюзы табачников и других специальностей создавались также в Феодосии и Керчи.

Образовывались и первые профсоюзы специалистов с более высоким образованием. Таковым было «Таврическое общество взаимопомощи виноградарей и виноделов» (1905), которое занималось преимущественно вопросами культурно-просветительного направления. Кроме виноградарей, в него вступали садоводы, лесоводы, землемеры, агрономы.

Революционные партии значительного влияния на большинство профсоюзных объединений не оказывали. Единства в политических предпочтениях не было. Под сильным влиянием эсеров находились союзы железнодорожников и строительных рабочих. Влияние социал-демократов было значительным в Феодосии. Надо отметить, что в составе отдельных местных профобъединений находились как революционно настроенные, так и монархически настроенные рабочие. Участник рабочего движения в Феодосии вспоминает о деятельности социал-демократов: «особое внимание обращается на работу среди грузчиков, так как уровень их сознания особенно низок, и из их среды черная сотня часто черпала свои силы» [12, с. 84]. Среди учителей в дни октябрьской и декабрьской 1905 г. забастовок в ряде школ агитаторов встречали враждебно. В учительской среде наблюдался раскол. В союзе работников просвещения революционные настроения преобладали только среди учителей начальных классов.

Крымские профсоюзы не были представлены ни на первой (сентябрь-

октябрь 1905), ни на второй Всероссийских конференциях. Наконец, на исходе 1906 г. был созван Таврический губернский съезд профсоюзов. В 1907 г. профсоюзное движение в Крыму сошло на нет¹.

Снизился в период спада революции и накал рабочего движения. За 1906 – май 1907 гг., по подсчетам В.С. Горякиной, общее количество забастовок – 39 – дало вдвое меньшую цифру по сравнению с 1905 г. В начале 1906 г. состоялись только 3 стачки в Керчи с участием 200 человек. Зато возросло число политических забастовок (14/28). Количество же политических демонстраций в период спада революционного движения было сведено к нулю, хотя в 1905 г. оно составляло 11 [1, с. 74, 76]; их заменил рост сходок и массовок, часто происходивших на пригородных территориях, а иногда и на выходивших в море лодках.

Между крестьянским и рабочим движением в Таврической губернии тесной связи не наблюдалось. Отчасти это может быть связано с этнонациональными особенностями. Так, крестьянское движение почти не затронуло крымскотатарское сельское население, хотя среди него процент малоземельных и безземельных крестьян был высок. Не затронуло оно также немецких, болгарских и греческих селян. Больше всего оно характерно для степной части губернии, особенно ее материковых уездов. Массовые проявления так называемых официально «беспорядков» наблюдаются с осени 1905 г. В ноябре 1905 г. исправник Днепровского уезда рапортует губернатору: «Аграрное движение продолжается

¹ В основу обзора профсоюзного движения положены [16, с. 109–138]; [9, с. 285–298].

с поразяющей быстротой. Владельцы, управляющие и служащие, охваченные паническим страхом, бросают экономии и с семьями уезжают...» [11, с. 130]. Нападения на экономии случались также в Симферопольском, Феодосийском, Евпаторийском уездах. Но нигде в Крыму, кроме Перекопского уезда, они не приобрели массового характера. Как отмечал современник, «крестьянство чутко воспринимало политические события и использовало благоприятные условия для осуществления своих собственных чаяний» [12, с. 33]. В ноябре 1905 г. в Симферополе прошло совещание крестьянских представителей, на котором было выработано «Обращение», призывающее к созданию Таврического губернского союза в рамках Всероссийского крестьянского союза. Были также изданы «Проект устава таврического губернского крестьянского союза» и «Тактика (действия) Крестьянского союза». Обращение организационного комитета гласило: «Все крестьяне смогут сговориться, действовать дружно, мирным путем и добиться таких законов, какие нужны для крестьян, какие справедливы для всего народа» [11, с. 130]. Однако съезд не состоялся, он был запрещен губернатором. Власть боялась легальных организаций и, тем самым, провоцировало бунтарские, с разгромами и поджогами, выступления.

Во всех донесениях местных уездных властей по поводу крестьянских волнений и в 1905 и 1906–1907 гг. содержатся просьбы о введении и присылке воинских соединений. Если в требованиях материковых уездов значительное место занимали вопросы аренды земли, то в требованиях крымских уездов преобладало повышение

оплаты сельскохозяйственных работ. Крестьяне настаивали не на трети помещичьей доли в урожае, как это было ранее, а на пятой ее части.

В конце 1905 г. в Крыму с образованием либеральных партий сложилась та многопартийность, которая просуществовала вплоть до 1917 г. Общая количественная картина по членам партий на 1907 г. выглядела следующим образом: социал-демократы – 1100 членов, эсеры – 4245, кадеты 1020, октябристы – 4714, Союз русского народа – 9 080. Их организации действовали главным образом в городах. Число местных групп давало следующую картину: социал-демократы – 10, эсеры – 17, кадеты – 7, октябристы – 8, правые монархисты – 30 [3, с. 78]¹. Политические активисты, что демонстрирует партийная статистика, концентрируются на противоположных полюсах.

Если 1905 г. был в Таврической губернии годом революции, то 1906 г. стал годом контрреволюции. Производились аресты, закрывались профсоюзы, запрещались газеты. Из Феодосии и Ялты высылались «подозрительные лица». В Керчи была запрещена после публикации карикатуры на Николая² популярная в Крыму газета «Южный курьер». Ее редактор М. Кристи вынужден был уйти в эмиграцию.

Одним из аспектов Первой российской революции являлся индивидуальный террор. Он был не только эсеровским, он был составной частью повседневности, входил, если так мож-

но сказать, в состав ее воздуха. Изготовление самодельных бомб и в целях самообороны, и в целях террористических актов стало в революционных группах обычным делом. Особенно террор получил распространение как акт мести и средство борьбы с полицейским произволом. В Керчи ненавистной фигурой был жандармский ротмистр Шереметов, охоту на которого открыли эсеры. Он был убит на пороге своего дома. В Севастополе организовывались покушения на вице-адмирала Г.П. Чухнина, генерала В.С. Неплюева и других офицеров.

Особенностью Первой российской революции было то, что это была децентрализованная революция. Ни Петербург, ни Москва не смогли стать центрами революции, как это получилось в 1917–1918 гг. В регионах, губерниях шла своя жизнь, о чем, например, свидетельствуют события в Таврической губернии, где они обрели черты типичной городской революции с отклонением в четко локализованные военные бунты. Можно сказать, что империя жила не в темпе единого революционного порыва, за исключением периода Всероссийской Октябрьской стачки, а была наспигована множественными инфильтрациями общественного брожения разной степени гниения и воспаления. Частью общественного брожения был массовый психоз, революционный у одних и контрреволюционный – у других. Сын лейтенанта Шмидта, вспоминая те обжигающие дни, писал: «Массы опьянели от собственной решимости идти напролом и с какой-то истерической веселостью следили за ходом азартной игры, где ставкой была жизнь тысяч людей. Не знаю, что здесь преобладало, – «революционный энту-

¹ В цифровых данных разных подсчетов имеются расхождения, см. 1907 г.: [8, с. 39–40, 67–68, 112].

² Император был изображен свирепым быком с иконой между рогами.

зиазм» или отчаяние?» [15, с. 87]. Но не стоит при этом преувеличивать масштабы революционных проявлений. Следует признать обоснованным вывод крымского историка В.И. Королева о том, что революционные партии «настойчиво пытались втянуть социально активных граждан в конфронтацию с властями. Однако только мизерная часть населения восприняла леворадикальные лозунги». Тот же автор подчеркивает, что революционный процесс в Таврической губернии протекал менее бурно, чем, например, в Центре. Политическими выступлениями, по

его подсчетам, в 1901–1907 гг. было охвачено около 150 тыс. человек, а забастовочным движением – 40 тыс. Это составляет соответственно 14% и 3,8% населения Таврического края с учетом многократного участия одних и тех же лиц в повторяющихся манифестациях и забастовках [4, с. 58, 61].

Уже Первая российская революция показала, что мирного политического успокоения расколотому и малообразованному обществу, не подготовленному групповыми страстями к самоуправлению, добиться вряд ли удастся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горякина В.С. Робітничий рух у Таврійській губернії в 1905–1907 рр. // Український історичний журнал. 1975. № 1. С. 70–77.
2. Губенко Г.Н. Крестьянское движение в Таврической губернии в период революции 1905–1907 гг. // Труды Крымского областного краеведческого музея. Вып. 1. Симферополь: Крымиздат, 1961. 64 с.
3. Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 71–87.
4. Королев В.И. Бунт на коленях (Политические партии в Таврической губернии 1905–1907). Симферополь: Таврия, 1993. 72 с.
5. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1. Симферополь: Крымиздат, 1951. 230 с.
6. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж: Ymka-Press. 1988. 752 с.
7. Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь: Таврия, 1981. 174 с.
8. Политические партии России: 1907–1917 гг. (количественный анализ) / сост. Н.Д. Постников. М.: МГОУ, 2001. 142 с.
9. Профессиональные союзы рабочих России, 1905-февраль 1917 г.: перечень организаций: в 2-х вып. Вып. 2 / сост. И.С. Розенталь. М.: ИИ СССР, 1985. 204 с.
10. Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года.: Документы и материалы. М.: Воениздат, 1957. 568 с.
11. Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг. : Сб. Документов и материалов. Симферополь: Крымиздат. 1955. 215 с.
12. Революция в Крыму (К двадцатилетию первой русской революции): Сб. / Истпарт, отдел Крымского областного комитета РКП(б). Крымгосиздат, 1925. 166 с.
13. Чикин А.М. Севастопольское противостояние. Год 1905-й. Севастополь: Библекс, 2006. 128 с.
14. Хаяли Р.И. Очерки истории общественно-политической и культурной жизни крымских татар в XX веке. Симферополь: Доля. 2008. 512 с.
15. Шмидт-Очаковский Е.П. Лейтенант Шмидт («Красный адмирал»). Воспоминания

сына // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения. Вып. 4: Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 2. М.: Мир Паустовского, 2007. 240 с.

16. Штейнбах Е.М. Профдвижение в Крыму // Революция в Крыму. Исторический сборник Истпарта Крыма: к двадцатилетию первой русской революции. 1925. № 1 (5). С. 109–138.

REFERENCES

1. Goryakina V.S. Robitnichnii rukh u Tavriiskii gubernii v 1905–1907 gg. [The working movement in Taurida province in 1905–1907]. In: *Ukrainskii istorichnii zhurnal*, 1975, no. 1, pp. 70–77.
2. Gubenko G.N. Krest'yanskoe dvizhenie v Tavricheskoi gubernii v period revolyutsii 1905–1907 gg. [The peasant movement in Taurida province during the revolution of 1905–1907] / In Trudy Krymskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya, iss. 1. Simferopol, Krimizdat, 1961. 64 с.
3. Kiselev I.N., Korelin A.P., Shelokhaev V.V. Politicheskie partii Rossii v 1905–1907 gg.: chislennost', sostav, razmeshchenie (kolichestvennyi analiz) [Political parties in Russia in 1905–1907s: number, composition, placement (quantitative analysis)]. In: *Istoriya SSSR*, 1990, no. 4, pp. 71–87.
4. Korolev V.I. Bunt na kolenyakh (Politicheskie partii v Tavricheskoi gubernii 1905–1907 [Riot on the knees (the Political parties in Taurida province in 1905–1907s)]. Simferopol, Tavriya, 1993. 72 p.
5. Nadinskii P.N. Ocherki po istorii Kryma. Ch. 1 [Essays on the history of the Crimea. Part 1]. Simferopol, Krymizdat, 1951. 230 p.
6. Obolenskii V.A. Moya zhizn'. Moi sovremenniki [My life. My contemporaries]. Paris, Ymka-Press, 1988. 752 p.
7. Ocherki istorii Krymskoi oblastnoi partiinoi organizatsii [Essays on the history of the Crimean regional party organization]. Simferopol, Tavriya, 1981. 174 p.
8. Politicheskie partii Rossii: 1907 [Political parties in Russia: 1907–1917 years (quantitative analysis)]. N.D. Postnikov. Moscow, MGOU, 2001. 142 p.
9. Professional'nye soyuzy rabochikh Rossii, 1905-fevral' 1917 g.: perechen' organizatsii: v 2 vyp. Vyp. 2. Cost. I.S. Rozental' [Trade unions of workers of Russia in 1905 and February of 1917: the list of organizations: in 2 vol. Vol. 2. Comp. I.S. Rosenthal]. Moscow, II SSSR, 1985. 204 p.
10. Sevastopol'skoe vooruzhennoe vosstanie v noyabre 1905 goda.: Dokumenty i materialy [Sevastopol armed uprising in November 1905: Documents and materials]. Moscow, Voenizdat, 1957. 568 p.
11. Revolyutsionnoe dvizhenie v Tavricheskoi gubernii v 1905–1907 gg. Sbornik dokumentov i materialov [The revolutionary movement in the Taurida governorate in 1905–1907. Collection of documents and materials]. Simferopol, Krymizdat, 1955. 215 p.
12. Revolyutsiya v Krymu (K dvadtsatiletiyu pervoi russkoi revolyutsii): Sb. Istpart, otdel Krymskogo oblastnogo komiteta RKP(b) [The revolution in the Crimea (the twentieth anniversary of the first Russian revolution): Sat. Istpart, the Department of the Crimean regional Committee of RCP(b)]. Krimgotische, 1925. 166 p.
13. Chikin A.M. Sevastopol'skoe protivostoyanie. God 1905-i [Sevastopol's confrontation. The year of 1905]. Sevastopol, Bibleks, 2006. 128 p.
14. Khayali R.I. Ocherki istorii obshchestvenno-politicheskoi i kul'turnoi zhizni krymskikh tatar v XX veke [Essays on the history of socio-political and cultural life of the Crimean Tatars in the twentieth century]. Simferopol, Dolya, 2008. 512 p.

15. Shmidt-Ochakovskii E.P. Leitenant Shmidt («Krasnyi admiral»). Vospominaniya syna [Lieutenant Schmidt ("Red Admiral").Memories of a son] K.G. Paustovskii. Materialy i soobshcheniya. Vypusk 4: Personazhi i geroi knig K. Paustovskogo. Kn. 2. [K.G. Paustovsky. Materials and messages. Issue 4: Characters and heroes in books of K. Paustovsky. Book 2]. Moscow, Mir Paustovskogo, pp. 240
  16. Shteinbakh E.M. Profdvizhenie v Krymu [The trade union movement in the Crimea] // Revolyutsiya v Krymu. Istoricheskii sbornik Isparta Kryma: k dvadtsatiletiyu pervoi russkoi revolyutsii, 1925, no. 1 (5), pp. 109–138.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: volobuevov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Volobuev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Full Member of the International Academy of Higher School, Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow State Regional University;

e-mail: volobuevov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волобуев О.В. Революционный 1905 год в Крыму // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 76–88. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-76-88

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

O. Volobuev. Revolutionary year of 1905 in the Crimea. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 76–88.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-76-88

УДК 94(470.51)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-89-94

САМАРСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО КРЕДИТА В ГОДЫ НЭПА

Танасов И.Д.

Пензенский государственный университет

440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, Российская Федерация

Аннотация. Изучение экономической активности различных социальных групп в годы нэпа представляет большой научный интерес в плане осмысления итогов и результатов экономических реформ в современной России. Исходя из этого, особенно актуальным является изучение отдельных сегментов слоя предпринимателей в локальном плане (т. е. членов региональных ОВК) в период новой экономической политики.

Целью данной статьи является анализ деятельности Самарского общества взаимного кредита в годы нэпа. Предметом исследования выступают процессы изменения социального состава общества, происходившие под воздействием государственной политики, а объектом изучения Самарское общество взаимного кредита как организация, удовлетворявшая потребности предпринимателей в кредите. В наши задачи также входит изучение целей создания ОВК (как они понимались государством и предпринимателями); политики государства, повлиявшей на изменение клиентуры общества; рассмотрение динамики численности членов общества по социальным группам.

Ключевые слова: новая экономическая политика, социальный состав, предприниматели, общество взаимного кредита, Самара.

SAMARA MUTUAL LOAN ASSOCIATION IN THE YEARS OF THE NEW ECONOMICAL POLICY

I. Tanasov

Penza State University

40, Krasnaya Street, Penza, 440026, Russian Federation

Abstract. The study of economical activities of different social groups in the years of the new economical policy (the NEP) is of great scientific importance because of the necessity to reconsider the results of the economic reforms in modern Russia. That's why it's urgent to study locally particular parts of the social group of entrepreneurs (i.e. members of local mutual loan associations) in the years of the NEP. The aim of the article is to analyze Samara local mutual loan association in the years of the NEP. The subject of the study is the processes of the social structure, as well as the changes which were taking place under the state policy influence. The object of the study is the activity of Samara local mutual loan association, as an organization meeting the entrepreneurs' needs in loans. Among our aims ther is also studying of the reasons of the local mutual loan association creation (as they were understood by the government and the entrepreneurs). State policy which influenced the association's clientele is also among the aims of the research. Besides, dynamics of changes in the number of the association members according to their social groups is studied.

Key words: the New Economical Policy, social structure, entrepreneurs, mutual loan association, Samara.

Развитие товарно-денежных отношений после перехода к нэпу вызвало необходимость в развитии кредита и в организации сети кредитных учреждений. Возможность создания частных банков в финансово-кредитной системе Советской России появляется после издания ВЦИКом 22 мая 1922 г. декрета «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», и других ряда декретов, в которых разрешались отношения кредита, вексельного обращения и создание товариществ взаимного кредита [3, с. 94]. Устав общества взаимного кредита был утвержден 2 сентября 1922 года¹. Однако в Самарской губернии «Первое Самарское общество взаимного кредита» создается более чем через год после этого постановления – устав общества утвержден 15 июня 1923 года [12, с. 3]. Первое организационное собрание членов-учредителей состоялось 10 октября 1923 года². Это связано с улучшением экономических условий в Самарской губернии, в частности, в результате хорошего урожая 1923 г. [13, с. 73]. «Первое Самарское общество взаимного кредита» быстро увеличивало состав своих членов, число их к концу 1925 г. выросло более чем в 72 раза. Если на 17 ноября 1923 г. в обществе состояло 7 членов, то к 1 октября 1924 г. – уже

153, а к октябрю 1925 г. увеличилось до 510 человек³.

Членами общества были представители различных социальных групп, но преобладали представители мелкой буржуазии. В 1924–1925 гг. более половины всех членов общества – 52% составляли торговцы-розничники, 16% – сельские хозяева, 16% – кустари и ремесленники, 14% – представители частной промышленности. Представители кооперации, а также служащие и рабочие составляли около 2% от общего количества всех членов кредитного общества [1, с. 44–45].

Для анализа кредитной деятельности Самарского ОВК в 1923–1925 гг. рассмотрим основные формы и направления его кредитной деятельности. «Первое Самарское общество взаимного кредита» было частным финансово-кредитным коллективным учреждением, каждый член которого согласно Уставу вносил в его капитал любую сумму и в соответствии с ней имел право на кредит, превышающий ее в объеме не более чем в 10 раз [12, с. 3]. Устав общества предусматривал следующие основные финансовые операции: предоставление кредита под векселя (в форме учета векселей), а также товарный кредит, при котором деньги выдавались под залог товаров либо товарных документов (коносаменты, накладные, квитанции транспортных контор, железных дорог, пароходных обществ и обществ товарных складов) [12, с. 9]. Устав не запрещал все остальные виды финансово-кредитных операций, и их после-

¹ Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 12. Л. 197 (Письмо Валютного управления Наркомфина в Самарское губэконоотдел от 5 октября 1922 г.)

² ГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 155. Л. 611 (Протокол Организационного общего собрания членов-учредителей 1-го Самарского Общества взаимного кредита от 10 октября 1923 г.)

³ Там же, Л. 502–517.

дующее осуществление в деятельности общества дает основание характеризовать его как частный банк [11, с. 81].

Реальные предпосылки для начала проведения кредитных операций «Первым Самарским обществом взаимного кредита» появляются лишь в осенью 1923 г., после того, когда 15 августа 1923 г. был открыт официальный Хлебный базар на Старой хлебной площади [7, с. 42] и стала налаживаться хлебная торговля. Вместе с хлебной торговлей оживают и другие формы предпринимательской деятельности, поскольку крестьяне, реализовавшие хлеб, начали предъявлять покупательский спрос на городские товары – продукцию промышленности. В связи с этим стали появляться предприниматели, нуждающиеся в дополнительных оборотных средствах, и 17 ноября 1923 г. «Первое Самарское общество взаимного кредита» фактически начало свою финансовую деятельность [5, с. 2].

В первый 1923/24 хозяйственный год объемы операций общества были невелики. Невысокий урожай 1924 г. – стоимость продукции сельского хозяйства Самарской губернии в 1924 г. была на 1,4% ниже, чем в 1923 г. – не давал возможности для широкого развития торговли и других сфер экономики Самарской губернии [9, с. 173].

Наибольшим по объемам и по доходам общества был вексельный кредит. Им широко пользовались все члены общества. Так, в 1923/24 г. учтенные векселя на сумму 385 388 руб. распределялись следующим образом: торговцы-розничники – 56,4%, частные промышленники – 25,9%, сельские хозяева – 9,2%, кустари и ремесленники – 5,6%, служащие и рабочие – 2,8%, кооперация – 0,1%. Вексельные

операции в течение всей деятельности общества носят в основном характер мелкого кредита. Товарным же кредитом пользовались лишь промышленники и розничные торговцы. В 1923/24 было им выдано 155 ссуд на общую сумму 94783 руб. Из них на долю частной промышленности приходится 60,3% – 94 ссуды на сумму 57115 руб., а на долю розничных торговцев 39,7% – 61 ссуда на сумму 37668 руб. [9, с. 29].

В 1925 г. развитию торговли и кредитованию способствовал хороший урожай. Продукция сельского хозяйства в 1925 г. оценивалась в 100 млн. 368 тыс. золотых рублей, что было выше в 2,4 раза по сравнению с урожаем предшествующего 1924 г., когда продукция сельского хозяйства оценивалась в 41 млн. 678 тыс. зол. руб. [10, с. 107]. Первое Самарское ОВК хотело поучаствовать в хлебозаготовительных операциях 1925 г., однако, в условиях политики ограничения частного капитала к этой работе допущено не было [1, с. 8]. Крупный урожай 1925 г. определил высокий спрос на промышленные товары. Между тем товары находились с большим трудом и состояние рынка было неровное. Деньги на рынке то скапливались излишними массами, то срочно расходовались на случайные покупки. Касса Самарского ОВК то изобиловала средствами, то испытывала в них нужду. Зависимость всей финансовой работы от состояния текущих счетов при отсутствии достаточного государственного кредита особенно сильно сказалась осенью 1925 г. Баланс за 1924/25 год увеличился в 6 раз с 62 746 р. до. 376888 р. на 1 октября 1925 г. [10, с. 4–5].

Весной 1925 г. деятельность Обществ взаимного кредита получает

государственную поддержку. В марте 1925 г. при управлении торговой политики Наркомвнуторга СССР проводится совещание по вопросу о кредитовании частного капитала. Общее направление в торговой политике заключалось в расширении кредитования для частной торговли. В рамках этого направления предполагалась и поддержка деятельности обществ взаимного кредита.

Правление Самарского ОВК отмечает, что в 1925 г. со стороны Самарского отделения Госбанка «заметно более внимательное отношение к нуждам и интересам нашего банка». Задолженность Самарского ОВК по займам в Госбанке и других банках возросла за 1924/25 г. с суммы 1825 руб. до 25412 руб., увеличившись, таким образом, на 1392%. Задолженность эта стала составлять около 10,5% собственных пассивов Самарского ОВК, исчисляемых на 1 окт. 1925 г. в 269302 руб. [10, с. 2]. Таким образом, 1 октября 1925 г. в каждом оборотном рубле Самарского ОВК – около 90 коп. собственных средств членов общества. Конечно, на этих все-таки небольших кредитах нельзя было строить расширение операций, но кредиты служили резервом. Они давали возможность Правлению вводить в активные операции почти 90% своих пассивов.

По мере восстановления экономики и разрастания товарообмена свыше пределов местного рынка у кредитных учреждений возникла реальная потребность в корреспондентских отношениях [6, с. 11]. Самарское ОВК последовательно проводило политику расширения сети корреспондентов, через которых выполнялись переводные, инкассовые и комиссионных

поручения. Так, на 1 октября 1924 г. Самарское ОВК состояло в корреспондентских отношениях с 6-ю обществами взаимного кредита, на 1 октября 1925 г. число корреспондентов-обществ взаимного кредита возросло до 20-ти. Кроме того, для Средней Азии корреспондентом выступал Средне-Азиатский Коммерческий банк с его многочисленными филиалами. Там, где Самарское ОВК не имело своих корреспондентов, оно использовало отделения Госбанка [10, с. 7].

Особенностью деятельности Первого Самарского ОВК было то, что прибыль отнюдь не была целью этого предприятия. Конечно, предприятие было коммерческим и должно было себя окупать, но главной целью было создание наиболее благоприятных условий для применения и обращения частного капитала [8, с. 42]. В случаях, когда успешная деятельность банка давала достаточную прибыль, проводилось удешевление банковских услуг – снижение учетно-ссудного процента. Так, в течение 1924/25 г. снижение ставки учетно-ссудного процента проводилось трижды, с 6% в начале операционного года до 3% в конце [10, с. 15]. Кроме того, снижение проводилось с одновременным увеличением сроков кредитов, что также создавало более благоприятные условия кредитования [4, с. 112].

К середине 1920-х гг. Самарское ОВК приобрело значительное влияние в экономической жизни Самарской губернии. Оно активно сотрудничало с местными государственными органами и общественными учреждениями. Но главным результатом деятельности Самарского общества взаимного кредита стало увеличение оборотных

средств частных производственных и торговых предприятий [2, с. 112].

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что особенность Самарской губернии заключалась в том, что частный капитал здесь находился в основном в руках мелких производителей и торговцев. Именно эти категории предпринимателей со-

ставили основу клиентской базы для Самарского ОВК.

Таким образом, основную массу членов общества составляли торговцы-розничники и кустари-ремесленники. Они преобладали в ОВК как по количеству, так и по удельному весу, а удельный вес представителей крупной оптовой торговли и промышленности был небольшим.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Правления Первого Самарского Общества Взаимного кредита Общему собранию членов Общества по операциям общества за время с 1 окт. 24 по 1 окт. 1925 г. [За второй отчетный год]. Самара: [Б.и.], 1925. 74 с.
2. Лютов Л.Н. Обреченная реформа: промышленность России в эпоху нэпа. Ульяновск: УлГУ, 2002. 267 с.
3. Лютов Л.Н. Частная промышленность в годы нэпа (1921-1929). Саратов: Саратовский ун-т, 1994. 148 с.
4. Новиков А.Н. Общества взаимного кредита (из опыта России в период НЭПа) // Банковское дело. 1994. № 2. С. 32-34.
5. Общество взаимного кредита 1-е (Отчет за время с 17-го ноября 1923 г. по 30 сентября 1924 г. включительно). Самара: [Б.и.], 1924. 39 с.
6. Россия нэповская / Под ред. С.А. Павлюченкова. М.: Новый хронограф, 2002. 446 с.
7. Самарская товарная биржа в 1922 и 1923 гг. Самара: Самарский биржевой комитет, 1924. 161 с.
8. Соколов А. С. Финансовая политика Советского государства, 1921-1929 гг. М.: Звезда, 2005. 359 с.
9. Статистический ежегодник за 1924 год. Самарская губерния. Ч. 1. Самара: Самарское губ. стат. бюро, 1925. 528 с.
10. Статистический ежегодник за 1925 год. Самарская губерния. Вып. I. Самара: Самарское губ. стат. бюро, 1926. 249 с.
11. Тупов Б.С. История российской биржи (Биржи периода нэпа и 90-х гг. XX в.): научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1994. 27 с.
12. Устав первого Самарского общества взаимного кредита. Самара: Тип. Селькредсоюза, 1924. 46 с.
13. Чуканов И. А. Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд (На материалах Среднего Поволжья). М.: Компания Спутник+, 2001. 382 с.

REFERENCES

1. Doklad Pravleniya Pervogo Samarskogo Obshchestva Vzaimnogo kredita Obshchemu sobraniyu chlenov Obshchestva po operatsiyam obshchestva za vremya s 1 okt. 24 po 1 okt. 1925 g. [Za vtoroi otchetnyi god] [The report of the Board of the Samara of the First Mutual credit Society to the General meeting of members of the Society]. Samara, [B.i.], 1925. 74 p.
2. Lyutov L.N. Obrechennaya reforma: promyshlennost' Rossii v epokhu nepa [The doomed reform of the Russian industry in the era of NEP]. Ulyanovsk, UIGU, 2002. 267 p.
3. Lyutov L.N. Chastnaya promyshlennost' v gody nepa (1921-1929) [Private industry in the years of the NEP (1921-1929)]. Saratov, Saratovskii un-t, 1994. 148 p.

4. Novikov A.N. Obshchestva vzaimnogo kredita (iz opyta Rossii v period NEPa) [Mutual credit society (experience of Russia in the NEP period)]. In: *Bankovskoe delo*, 1994, no. 2, pp. 32–34.
5. Obshchestvo vzaimnogo kredita 1-e (Otchet za vremya s 17-go noyabrya 1923 g. po 30 sentyabrya 1924 g. vklyuchitel'no) [Mutual credit society 1st (a Report from 17 November 1923 to September 30, 1924, inclusive)]. Samara, [B.i.], 1924. 39 p.
6. Rossiya nepovskaya / Pod red. S.A. Pavlyuchenkova [Russia NEP / Under the editorship of S. A. Pavlyuchenkova]. Moscow, Novyi khronograf, 2002. 446 p.
7. Samarskaya tovarnaya birzha v 1922 i 1923 gg [Samara Mercantile exchange in 1922 and 1923 gg]. Samara, Samarskii birzhevoi komitet, 1924. 161 p.
8. Sokolov A. S. Finansovaya politika Sovetskogo gosudarstva, 1921–1929 gg [The financial policy of the Soviet state, 1921–1929 gg]. Moscow, Zvezdopad, 2005. 359 p.
9. Statisticheskii ezhegodnik za 1924 god. Samarskaya guberniya. Ch. 1 [Statistical Yearbook for 1924. Samara province. Part 1]. Samara, Samarskoe gub. stat. byuro, 1925. 528 p.
10. Statisticheskii ezhegodnik za 1925 god. Samarskaya guberniya. Chast' 1 [Statistical Yearbook for 1925. Samara province. Part 1]. Samara, Samarskoe gub. stat. byuro, 1925. 249 p.
11. Tupov B.S. Istoriya rossiiskoi birzhi (Birzhi perioda nepa i 90-kh gg. XX v.): nauchno-analiticheskii obzor [The history of the Russian stock exchange (the Exchange of the NEP period and the 90-ies of XX century): the scientific-analytical review]. Moscow, INION, 1994. 27 p.
12. Ustav pervogo Samarskogo obshchestva vzaimnogo kredita. [The Charter of the Samara of the first society of the mutual credit.]. Samara, Tip. Sel'kredsoyuza, 1924. 46 p.
13. Chukanov I. A. Sovetskaya ekonomika v 1920-e gody: novyi vzglyad (Na materialakh Srednego Povolzh'ya) [The Soviet economy in the 1920-ies: a new look (On materials of Middle Volga region)]. Moscow, Kompaniya Sputnik+, 2001. 382 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Танасов Иван Дмитриевич – аспирант кафедры всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета;
e-mail: ivan-tanasov@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan D. Tanasov – postgraduate student of the department of World History and Social Studies, Penza State University;
e-mail: ivan-tanasov@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Танасов И.Д. Самарское общество взаимного кредита в годы НЭПа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 89–94.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-89-94

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

I. Tanasov. Samara mutual loan association in the years of the New Economical Policy. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 89–94.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-89-94

УДК 338.45:69(470-25) «1970/1980»
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-95-100

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ЖИЛЫЕ РАЙОНЫ МОСКВЫ В 1970–1980-Е ГГ. КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОДНОСТОРОННЕГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Горлов В.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье сделана попытка дать анализ советской архитектуры послехрущевской эпохи в контексте с социальными условиями времени. В статье рассматриваются концепции градостроительства столицы в 1970–1980-е гг. Автор анализирует причины перехода к строительству экспериментальных жилых районов в Москве. В статье рассматриваются положительные стороны комплексной застройки экспериментальных жилых районов в Москве в 1970–1980-е гг. Автор анализирует причины одностороннего индустриального жилищного строительства.

Ключевые слова: экспериментальное строительство, утилитарный технологизм, комплексность застройки.

EXPERIMENTAL RESIDENTIAL AREAS IN THE MOSCOW OF 70–80s AS A WAY TO OVERCOME ONE-SIDED INDUSTRIAL HOUSE-BUILDING

V. Gorlov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The paper attempts to give an analysis of the Soviet-era architecture in post-Khrushchev epoch in the context of the social conditions of the time. The article discusses the concept of urban house-building in the capital of the 70-80s. The author analyzes the reasons for the transition to the construction of the experimental residential areas in Moscow. The article discusses the positive aspects of integrated development of experimental residential areas in Moscow in 70-80 years. The author analyzes the reasons for the one-sided industrial housing.

Key words: experimental house-building, utilitarian technologism, integrated development.

Москва в 1970–1980-е гг. бурно росла вширь, захватывая новые территории, и ввысь. Налицо были количественные достижения жилищного строительства. Качественные же издержки отчасти объяснялись отсутствием опыта в решении таких сложных задач и новизной поставленной проблемы. Архитекторы видели в повышении этажности жилых домов выход из сложившегося положения. Они связывали свои надежды с плотностными возможностями застройки высотных домов и с их архитектурно-художественными возможностями, способными создать выразительный силуэт.

© Горлов В.Н., 2017.

Качество сдаваемых в эксплуатацию новостроек приобретало особое значение. В борьбе за снижение стоимости строительства упустили в первую очередь качество. Если в 1960-е гг. говорили: давайте квартиры, всё равно какие, лишь бы были отдельные квартиры, то при многоэтажном строительстве надо было давать квартиры высокого качества. 9 октября 1968 г. 1-й секретарь МГК КПСС В.В. Гришин на совещании секретарей КПСС объяснял: «Для иностранцев Москва – зеркало нашей страны, зеркало не только нашей страны, но зеркало нового мира. Они судят о том, каков социализм, каковы его принципы, какова жизнь людей – по тому, что они видят в Москве¹». 26 ноября 1968 г. председателю Совета Министров А.Н. Косыгину было направлено письмо от 1-го секретаря МГК КПСС В.В. Гришина и председателя Мосгорисполкома В.Ф. Промыслова, в котором была просьба улучшить качество жилищного строительства².

В 1969 г. появляется серия полемических статей в газетах и журналах, в которых утверждались мысль о восстановлении архитектуры как искусства и понятия «архитектурно-художественной целостности». 28 мая 1969 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства», которое требовало от проектных организаций улучшить внешний вид новостроек, качество строительства, планировку квартир.

Приоритеты в жилищном строи-

тельстве менялись довольно заметно. В генеральном плане развития города Москвы 1971 г. одним из важнейших направлений развития столицы было освоение новых территорий. В 1970-е гг. было прекращено пятиэтажное строительство. В 10-й пятилетке (1976–1980) произошло значительное повышение этажности массового жилищного строительства. Это становится одной из характерных черт жилищного строительства 1970-х гг. Более 35% составил удельный вес зданий в 16 этажей и выше [3]. Средняя этажность Москвы за десять лет увеличилась более чем в два раза [2, с. 40]. Таких темпов роста средней этажности застройки практика мирового жилищного строительства ещё не знала. Архитектурный облик столицы заметно преобразился. Жилым домам в 16 и более этажей отводились наиболее ответственные участки застройки.

В архитектурных журналах страны в начале 1970-х гг. появляются статьи, в которых критикуется эстетика крупнопанельного жилищного строительства по стандартным проектам. На новые многоэтажные московские районы постепенно переносится неприязнь к массовому строительству пятиэтажных жилых домов. Москвичи уже привыкли к многоэтажной застройке, но никак не удавалось преодолеть монотонность застройки, её индивидуализировать. Строительные организации практически не отвечали за окончание застройки микрорайонов, что снимало ответственность за некомплексное благоустройство. Ответственность и архитекторы указывали на негибкость советской строительной промышленности, что не позволяло корректировать её недостатки. Мно-

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. 4. Оп. 153. Д. 13. Л. 10.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 155. Д. 5. Л. 124–126.

гие новаторские предложения советской архитектурной прессы никак не влияли на Госстрой, являвшимся монополистом в области жилищного строительства. Всё большую озабоченность вызывали снижение эмоционального потенциала многоэтажной жилой застройки, безликость новых московских районов. На встрече с избирателями Бауманского района столицы глава государства Л.И. Брежнев отметил: «Появляется возможность уделять больше внимания качеству строительства, удобной планировке квартир, внешнему виду проспектов, кварталов. Наши архитекторы должны покончить с однообразием застройки, невыразительностью архитектурных решений» [1, с. 86].

В 1960-е гг. произошло снижение художественного содержания архитектуры, уровня профессионального мастерства, охладела творческая атмосфера внутри профессии, существенно уменьшилась культурно-символическая роль архитектуры. В 1970-е гг. наступил период преодоления этих печальных упущений. Начиная с этого времени появляются новые архитектурные проекты, в которых внешнему виду жилых домов уделялось особое внимание. Облик новых жилых районов – Ясенева, Строгина, Тропарева и других разительно отличался от облика районов более раннего массового жилищного строительства, прежде всего, качеством жилых зданий: формой, большей пластичностью, разной этажностью, активным применением цвета и т.д. Здания в этих районах были более выразительной архитектуры, с большими коридорами и кухнями, с более высокими потолками, т.е. с более комфортабельными квартирами. Надо

отметить, что власти искали дополнительные территории для жилищного строительства. Решили, что в условиях замкнутой границы города надо пересмотреть характер использования московских земель. Этот вопрос решался за счет превращения в жилые районы территорий, ранее намечавшихся под спорт и озеленение.

Важным этапом для проектирования и строительства современных жилых районов было экспериментальное проектирование. В первой половине 1970-х гг. градостроительный эксперимент начался строительством жилого района Чертаново-Северное. Бюро МГК КПСС в октябре 1971 г. рассмотрело вопрос «О ходе работ по организации образцового перспективного жилого района в Москве (на территории Чертаново-Северное)¹. На заседании Бюро МГК КПСС 13 июля 1973 г. был рассмотрен вопрос «О строительстве образцового жилого района Чертаново-Северное»². Для этого района была принята норма расселения 13,5 кв.м. жилой площади и 20-22 кв.м. полезной площади на человека [4, с. 47]. В экспериментальном районе были учтены эстетические и композиционные требования. Экспериментальный жилой район (ЭЖР) Чертаново-Северное строили в целях совершенствования архитектурных проектов. В этом районе на практике проверялись самые новые инженерные и архитектурные идеи, проверялись новые принципы планировки и застройки микрорайонов, новые типы зданий культурно-бытового назначения, жилых домов, систем обслуживания. Этот район включал укрупнен-

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 173. Д. 36. Л. 147.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 179. Д. 17. Л. 8.

ные жилые образования, состоящие из башенных 25-этажных жилых домов и 12–16-этажных секционных зданий. Надо отметить, что Чертаново-Северное строился как единый градостроительный ансамбль, в котором сразу размещались спортивные сооружения, магазины, поликлиника, школа. Жители ЭЖР могли купить в своем районе любые продукты, отдать белье в стирку, сходить в ресторан или кафе. Экспериментальный жилой район Чертаново-Северное стал ступенью в поиске путей формирования ансамблей жилых районов столицы. Он был призван стать эталоном архитектуры будущего.

На бюро МГК КПСС 12 ноября 1976 г. была одобрена инициатива Гагаринского и Черемушкинского РК КПСС, ГлавАПУ и Главмосстроя по организации показательной застройки районов Тропарево и Ясенево, превращение этих районов в образцовые на уровне градостроительных решений¹. В конце 1970-х гг. жилой район Тропарево стал экспериментальной площадкой многоэтажного строительства, в котором осваивалось строительство домов повышенной этажности и строительство жилых типовых зданий разных серий. В 1980 г. архитектура Тропарева в Москве была удостоена Государственной премией СССР.

В начале 1980-х гг. в северо-западной части столицы возникает экспериментальный жилой район Строгино, который становится одним из наиболее экологически чистых районов Москвы. Необходимо напомнить о том, что природные условия ЭЖР Строгино просто уникальны. В жилом районе Строгино, в окружении лесных и водных просторов, естественно было

применение высоких домов и максимальная плотность застройки. Благодаря умелому использованию рельефа дворовые пространства ЭЖР Строгино были раскрыты на долину Москвы-реки и прилегающие леса, т.е. на внешние ландшафты. В облике застройки Строгино заметную роль играли прекрасные сады.

Планирование и строительство жилых домов и общественных зданий в новых жилых районах, начиная с 1983 г., должны были осуществляться в виде законченных градостроительных комплексов. В московской проектно-строительной практике стало очень заметным явлением создание экспериментального жилого района Крылатское. В Генеральном плане развития Москвы жилому району Крылатское уделялось особое внимание. Удивительные природные условия позволили использовать его холмистую и низинную прибрежную часть для отдыха и спорта. Район Крылатское привлекал москвичей не только разнообразной архитектурой его домов, но и незаурядностью своего объемно-пространственного построения. Район стал символом комплексной застройки. Это был первый реальный опыт в столице, когда был полностью построен градостроительный комплекс с теми объектами, которые требовались новосёлу. В Москве ещё не было районов, в котором жилищное строительство велось комплексно. Объекты жилья в Крылатском сдавались одновременно с объектами соцкультбыта. Надо заметить, что этот вопрос для столицы был очень принципиальным. Всем было известно, сколько нареканий вызывало у жителей новых московских районов довольно длительное отсут-

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 184. Д. 52. Л. 70–73.

ствие объектов торговли, культбюта, детских учреждений. Естественно, то, что делалось в Крылатском, поднимало на качественно более высокий уровень жилищное строительство в Москве. В Крылатском построили самые современные жилые дома с улучшенной планировкой квартир. ЭЖР Крылатское стал очень важным этапом в жилищном строительстве Москвы. Особенно впечатляла москвичей архитектурная сторона. Оказавшись в Крылатском, гражданам сразу было видно, что плотность застройки в этом районе выше, чем в других новых жилых районах столицы. Здесь не было ставшей, к сожалению, уже привычной разреженности архитектурной среды, чрезмерно отдаленных друг от друга зданий, огромных, похожих на пустыри, дворовых территорий. Именно комплексность застройки делала экспериментальные жилые районы Москвы обжитыми, более человечными и привлекательными.

В 1970–1980-е гг. жилищное строительство столицы характеризовалось массовым применением в новых жилых районах домов повышенной этажности при практически отсутствии среднеэтажной застройки. Надо заметить, что задачу преодоления недостатков массового жилищного среднеэтажного строительства высотная застройка новых жилых районов Мо-

сквы решить не смогла. К сожалению, ещё с 1960-х гг. утилитарный технологизм утвердился в основе проектного процесса. Им была пронизана вся сфера типового жилищного строительства, которая определяла архитектурный облик новых районов Москвы. Преодолеть утилитарный технологизм могли лишь тогда, когда появлялась возможность осуществлять индивидуальный подход к жилому району. Но исключительность появления таких экспериментальных жилых районов в Москве подчеркивала подавляющее господство технологизма. Бесспорно, что в 1970–1980-е гг. качество отечественного домостроения претерпело значительные перемены к лучшему. Но в условиях индустриального массового жилищного строительства проблема архитектурного творчества в значительной степени оказалась нерешенной, что неизбежно приводило к однообразию городской застройки.

Экспериментальное строительство как новый этап в жилищном строительстве нашей страны и метод объективной проверки технико-экономических обоснований новых проектных решений имело важное положительное значение для повышения качества жилищного строительства. Направленность экспериментальных задач перемещалась в область архитектурно-художественных и градостроительных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брежнев Л.И. Ленинским курсом: речи и статьи [Т. 5]. М.: Политиздат, 1976. 414 с.
2. Дихтер Я.Е. Многоэтажное жилище столицы. М.: Московский рабочий, 1979. 232 с.
3. Назарова Т. Этажность московской застройки: какой ей быть? // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 8. С. 8–9.
4. Николаевская И.А. Благоустройство городов. М.: Высшая школа, 1990. 160 с.

REFERENCES

1. Brezhnev L.I. Leninskim kursom: rechi i stat'i [T. 5] [By Lenin course. Vol. 5]. Moscow, Politizdat, 1976. 414 p.
2. Dikhter Ya.E. Многоэтажное жилищное строительство [Multi-storey housing in the capital]. Moscow, Moskovskii rabochii, 1979. 232 p.
3. Nazarova T. Etazhnost' moskovskoi zastroiki: kakoi ei byt'? [Number of storeys in Moscow buildings: what should it be?] // Stroitel'stvo i arkhitektura Moskvy. 1985. no. 8.
4. Nikolaevskaya I.A. Blagoustroistvo gorodov [Improving the cities]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990. 160 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the History of Russia and Moscow Region, Moscow Region State University; e-mail: Gorlov812@mail.ru

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В.Н. Экспериментальные жилые районы Москвы в 1970–1980-е гг. как путь преодоления одностороннего индустриального жилищного строительства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 95–100.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-95-100

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

V. Gorlov. Experimental residential areas in the Moscow of 70-80s as a way to overcome one-sided industrial house-building. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 95–100.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-95-100

РАЗДЕЛ II

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.1.45

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-101-105

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН)

Айтмурзаев Н.Т.

Дипломатическая академия им. К. Дикамбаева

Министерства иностранных дел Кыргызской Республики

720000, г. Бишкек, бульвар Эркиндик, д. 36, Кыргызская Республика

Аннотация. В представленной статье рассматривается роль средств массовой информации (СМИ) в политической системе современного общества. По заключению автора, в современном обществе СМИ, наряду с ролью информационного посредника между государством и обществом, становятся инструментом политики. На материалах функционирования СМИ в Кыргызстане подтверждается вывод о медиатизации политики и политизации масс-медиа. Автор делает выводы о значении масс-медиа в политическом процессе Кыргызстана, в обеспечении трансформации общественного сознания, в построении гражданского, демократического общества.

Ключевые слова: средства массовой информации, политическая коммуникация, субъекты политики, масс-медиа, Кыргызстан.

MASS MEDIA IN MODERN POLITICS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KYRGYZSTAN)

N. Aitmurzaev

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs named after K.Dikambaev

36, Erkindik blv, Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic

Abstract. The article deals with the role of mass media in the political system of the modern society. The author believes that mass media becomes not only an informational mediator between the state and society but a political tool. On the materials of mass media functioning in Kyrgyzstan the conclusion about the politics becomes mediated and the mass media is politicized. The author makes conclusions about the importance of mass media in the political process in Kyrgyzstan, in ensuring the transformation of public consciousness, in building a civil and democratic society.

Key words: mass media, political communication, actors of politics, mass media, Kyrgyzstan.

© Айтмурзаев Н.Т., 2017.

С обретением независимости Кыргызстан выбрал курс на демократию, что потребовало создания демократических институтов и выработки механизмов реализации народовластия, формирования нового типа сообщества граждан, превращения их в активных участников политических процессов. Построение цивилизованного демократического общества и правового государства предполагает широкую информированность населения и мирового сообщества о проводимых преобразованиях и встречающихся на этом пути сложностях, просчетах и достижениях.

Общепризнанно, чем выше степень политизированности общества (а это неизбежно в таких транзитных странах, как Кыргызстан [2, с. 359–363]), тем выше степень политического противостояния, борьбы различных политических сил. В связи с этим во весь рост в Кыргызской Республике встала задача определения и обоснования эффективности СМИ и интернет-изданий как феномена «четвертой власти», главного политического инструмента и катализатора политических процессов в стране. Это связано с тем, что в Кыргызстане на сегодняшний день зарегистрированы 1302 различных СМИ разного характера, от прогосударственных до оппозиционных.

Наиболее значимыми прогосударственными являются такие газеты как «Слово Кыргызстана», «Вечерний Бишкек», «Кыргыз Туусу», «Эркин Тоо». Необходимо упомянуть также об информационных сайтах, которые играют немаловажную роль в формировании политического самосознания населения: «Вести-Vestu.kg», информационно-аналитический портал «Comment.kg». Популярна газета «Су-

пер-инфо». Как на русском, так и на кыргызском языках издается «Кабар», которое финансируется из средств государственного бюджета. С помощью этих СМИ удаленные регионы с неравной инфраструктурой «становятся ближе к друг другу» [6, с. 11].

Благодаря выполнению коммуникативной функции СМИ становятся одним из участников построения демократического государства и гражданского общества, стимулируют развитие демократических процессов, способствуют укреплению гражданского мира и согласия. В определенной степени они также влияют на сознание каждого индивида и общества в целом, транслируя позицию властных структур.

Вместе с тем в президентство А. Акаева и К. Бакиева СМИ не вполне объективно отражали события, не в полной мере были привержены свободе мысли и слова. Оппозиционные газеты «Кыргыз Руху», «Агым», «Республика», публиковавшие на своих страницах статьи с критикой власти, были закрыты по решению суда. Власть строго контролировала Кыргызское общественное образовательное радио и телевидение (КООРТ), Независимое бишкекское телевидение (НБТ), газету «Вечерний Бишкек» и другие СМИ. Независимые издания, такие, как «Асаба», «Моя столица-новости» в результате систематического прессинга органов власти вынуждены были закрыться. Так власть пошагово удаляла со сцены независимые, оппозиционные СМИ.

Спецификой киргизского политического процесса стала деятельность транснациональных компаний, регулирующих функционирование органов трансляции информации и связи [8, с. 22]. В информационном простран-

стве Кыргызстана к числу транснациональных СМИ можно отнести радио «Азаттык» (кыргызстанская служба «Радио Свободы»), неправительственные организации – как «Фонд Сорос-Кыргызстан», Internews (кыргызское отделение). Имеются и Интернет-ресурсы, финансируемые международными организациями: «АКИпресс», «Азаттык», «24.kg» и другие.

Существование таких масс-медиа актуализирует вопрос об информационной независимости страны, о государственной безопасности. В условиях всеобщей глобализации этот вопрос становится все более значимым. Предпринимая «скрытые меры контроля и воздействия на прессу» [4, с. 13] транснациональные компании усиливают «угрозу дестабилизации обстановки в стране с перспективой непредсказуемых событий» [3, с. 132]. Очевидный конфликт транслируемых СМИ транснациональных и национальных интересов заставляет современных ученых обращать внимание на возникновение проблемы «информационных войн», продвижения различными силами своих экономических и внешнеполитических целей [1, с. 179].

Значительную роль в процессе формирования и укрепления суверенной государственности Кыргызстана, строящего развитую рыночную экономику и устойчивую политическую систему, играют российские средства массовой информации. Коммерческие радиокomпании Кыргызстана ретранслируют передачи российских станций «Русское радио», «Эхо Москвы», каналы ОРТ, РТР. Большим тиражом издаются газеты «Комсомольская правда», «АИФ» (Аргументы и факты) и другие.

В целом анализ деятельности Кыргызских СМИ подтверждает, что в

современном обществе масс-медиа способны не только направлять политический процесс, но и инициировать его. Такое понимание взаимодействия политики и масс-медиа позволяет говорить о функционировании средств массовой информации как особого института политической системы и дает возможность уточнить современные представления как о самом политическом процессе, так и о роли в нем СМИ.

Место масс-медиа в политической системе общества традиционно определяется либо в качестве посредника между властью и обществом, либо в качестве средства и инструмента политики. В действительности СМИ, в силу своих возможностей быстрого реагирования на политические события и влияния на огромную аудиторию, зачастую становятся средством политического управления и уже приобрели ранее не свойственные им политические функции. Как отметил казахский политолог С. Козыбаев, «СМИ не просто передают информацию о политике населению, но и определяют его содержание, концентрируют внимание общества на тех или иных проблемах, или напротив, блокируют поступление нежелательной для политической власти информации» [4, с. 51].

В силу вышеизложенного современные исследователи стали говорить о феномене медиаполитики, подразумевая под этим превращение СМИ в катализатор политического процесса. Роль масс-медиа как инструмента воздействия на общественное сознание проявляется в способности СМИ позитивно или негативно влиять на внутреннюю и внешнюю политику государства.

Благодаря масс-медиа обеспечивается геополитическое позиционирова-

ние государства в современном мире. Определяя факторы динамики, связи внешнеполитических стратегий с характеристиками и спецификой внутриполитических систем, СМИ может в кратчайшие сроки в основании изменить смыслообразующие начала общества в целом.

Проникновение масс-медиа в политическую систему дает им возможность участвовать в реализации социальных задач, в формировании рыночной экономики. Масс-медиа, как основополагающий фактор интеграции политической системы, является наиболее эффективным в достижении политических, экономических, гуманитарных целей внутренней политики страны. Они позволяют эффективно решать проблемы управления, гармонизировать процедуры принятия внешнеполитических решений стратегического характера.

При этом, если система власти относится к устойчивым составляющим политического процесса, то СМИ, быстро реагируя на изменения, напротив, вносят динамику в развитие политического процесса. Сказанное относится не только к Кыргызстану, но и к миру вообще. Как отметил канадский политолог М. Маклюэн, характеризуя открытость современного мира, «события, произошедшие в самой отдален-

ной точке планеты, как правило, в тот же день становятся информационной новостью», привлекательным объектом суждения общественности [5, с. 462].

Открытость современного глобального мира, в свою очередь, ставит перед каждым государством проблему структурирования коммуникаций в целях обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, в условиях глобализации наблюдается политизация масс-медиа и медиатизация политики. Благодаря политизации масс-медиа, современное суверенное государство обретает возможность использовать ресурсные составляющие СМИ для продвижения своих доктрин, для формирования в общественном сознании «проникающих идей через СМИ» [7, с. 141]. В результате медиатизации политики наблюдается противоположная тенденция: СМИ становятся политическим актором, формирующим политическую «повестку дня» власти. Обе тенденции со всей очевидностью наблюдаются в Кыргызстане, где масс-медиа являются эффективным средством выражения общественного мнения и инструментом политики, призванным обеспечить общенациональное согласие, укрепить межэтнические отношения, и, в конечном итоге, сохранить политическую стабильность страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адильбеков С.С. Масс-медиа в политических системах Кыргызстана и Казахстана. Бишкек: [б.и.], 2012. 243 с.
2. Егоров В.Г., Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Сравнительная политология постсоветского пространства. М.: КноРус, 2015. 411 с.
3. Исабаев Б.О. СМИ КР: современное состояние и перспективы развития. Астана: ЕНУ им. Л. Гумилева, 2010. 312 с.
4. Козыбаев С. Масс-медиа как индикатор свободы общества // Вестник КазНУ. 1997. №1. С. 9–16.
5. Маклюэн Г. Понимание медиа: внешнее расширение человека. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 464 с.

6. Шамыралиева Н.Ш. Становление международной безопасности в ЦА. Бишкек: [б.и.], 2008. 137 с.
7. Фролов Д.Б., Грунюшкина С.А., Старостин А.В. Информационная геополитика и сеть Интернет. М.: РФК-Имидж Лаб, 2008. 402 с.
8. Фатьянов А.А. Правовое обеспечение безопасности информации в Российской Федерации. М.: Юрист, 2001. 412 с.

REFERENCES

1. Adil'bekov S.S. Mass-media v politicheskikh sistemakh Kyrgyzstana i Kazakhstana [Mass media in the political systems of Kyrgyzstan and Kazakhstan]. Bishkek, [b.i.], 2012. 243 p.
2. Egorov V.G., Abramov A.V., Fedorchenko S.N. Sravnitel'naya politologiya postsovetского prostranstva [Comparative politics of the post-Soviet space]. Moscow, KnoRus, 2015. 411 p.
3. Isabaev B.O. SMI KR: covremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. [Media of the Kyrgyz Republic: current state and prospects of development.]. Astana, ENU im. L. Gumileva, 2010. 312 p.
4. Kozybaev S. Mass-media kak indikator svobody obshchestva [Mass media as an indicator of the freedom of the society]. In: *Vestnik KazNU*, 1997, no. 1, pp. 9–16.
5. Maklyuen G. Ponimanie media: vneshnee rasshirenie cheloveka [Understanding the media: external expansion of a person]. Moscow, Giperboreya; Kuchkovo pole, 2007. 464 p.
6. Shamyralieva N.Sh. Stanovlenie mezhdunarodnoi bezopasnosti v TSA [Establishment of international security in Central Asia]. Bishkek, [b.i.], 2008. 137 p.
7. Frolov D.B., Grunuyshkina S.A., Starostin A.V. Informatsionnaya geopolitika i set' Internet [Informational geopolitics and the Internet]. Moscow, RFK-Imidzh Lab, 2008. 402 p.
8. Fat'yanov A.A. Pravovoe obespechenie bezopasnosti informatsii v Rossiiskoi Federatsii [Legal information security in the Russian Federation]. Moscow, Yurist, 2001. 412 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Айтмурзаев Нурлан Таимурзаевич – кандидат технических наук, доцент по специальности «Политология», профессор кафедры международных отношений и права Дипломатической академии им. К. Дикамбаева Министерства иностранных дел Кыргызской Республики; e-mail: embkgz@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nurlan T. Aitmurzaev – candidate of technical sciences, associate professor in political science, professor at the department of International Relations and Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs named after K. Dikambaev; e-mail: embkgz@gmail.com

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Айтмурзаев Н.Т. Средства массовой информации в современной политике (на материалах республики Кыргызстан) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 101–105.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-101-105

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

N. Aitmurzaev. Mass media in modern politics (on the example of the Republic of Kyrgyzstan). *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 101–105.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-101-105

УДК 364

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-106-114

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ

Богатов В.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматриваются проблемы формирования институтов социальной помощи в России, проводится их историко-теоретический анализ. Выявляются особенности государственных и частных институтов социальной помощи в разные периоды российской истории, осуществляется их сравнение. На основе проведенного анализа автором сделан вывод об институционализации социальной помощи как системе обеспечения социального благополучия нуждающихся людей.

Ключевые слова: институты социальной помощи, благотворительность, социальное признание.

FORMATION OF SOCIAL ASSISTANCE INSTITUTIONS IN RUSSIA

V. Bogatov*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers the problems of formation of social assistance institutions in Russia. The historical-theoretical analysis of them is carried out. The peculiarities of public and private institutions of social assistance in different periods of the Russian history are singled out, their comparison is made. On the basis of the conducted analysis the author concludes that the social assistance is institutionalized as a system of social welfare of the people in need.

Key words: social assistance institutions, charity, social care.

Характер развития общественно-экономических отношений обусловил институциональные условия генерирования социальной помощи в России. Формированию институтов социальной помощи сопутствуют давние традиции и неразрывная связь с историей развития общества. Существуют научные подходы к определению социальных институтов, в том числе институтов-субъектов социальной помощи. Наиболее распространенным в современной общественной науке является нормативный подход. Сторонники такого подхода, отталкиваясь от этимологии слова (лат. *institutum* обозначает установление, учреждение, т.е. введенная властью некая юридическая норма), отождествляют институты и нормы. Вместе с тем наиболее продуктивным представляется иная трактовка социального института: как исторически сложившейся, устойчивой организации совместной деятельности людей [1].

При таком понимании следует выделить социальные институты формальные или государственные, регулируемые правовым полем и неформальные частные, являющиеся в большей мере институтами гражданской помощи. Совокупность социальных институтов образует институциональную систему помощи.

Первая ступень эволюции институтов помощи и поддержки в России – система помощи и взаимопомощи у славян до X в. В этой системе ещё не прослеживается чёткая градация между государственными и частными институтами. Основные формы социальной помощи в древнем славянском обществе проявлялись в виде культовых форм поддержки с сакральными атрибутами, в общественно-родовых и хозяйственных формах помощи и взаимопомощи. Система помощи складывалась из высоких добродетелей как «сверху», так и «снизу». Взаимопомощь эффективно использовалась внутри семьи, рода в форме социального призрения, помощи натуральными продуктами, хозяйственной помощи в семейно-бытовой сфере. Данный период общинно-родового строя в развитии социальной помощи на Руси основан не на юридических, а на морально-нравственных принципах.

Со временем институт общинной помощи Древней Руси преобразуется в новые формы социальной помощи. Первое существенное преобразование произошло в X–XIII вв. в связи с изменением социокультурной ситуации: разрушением родоплеменных отношений, на которых базировалась прежняя модель социальной помощи. Внесло свою лепту и христианство, с появлением которого изменились об-

щественные отношения, подтолкнувшие к развитию благотворительность. Именно в этот период весомую роль в системе социальной помощи начинает играть церковный аппарат и усиливается роль князя, обладающего возможностями для обеспечения защиты и попечительства. Основной задачей попечения становится «питание», т.е. поддержание жизни подопечного. За неимением закрепленных финансовых механизмов данная форма поддержки носит спонтанный характер. Это выражалось и в объеме «десятины», предназначенной на содержание монастырей, церквей, больниц, богаделен, на прием странников и неимущих [12, с. 76–87]. Рассматривая значение десятины, исследователь Г.Н. Ульянова оценивает ее как основу подаяния (дара, милостыни). «Краеугольным камнем формирования стереотипа подаяния была десятина, или десятая часть имущества, как род дара в пользу храма. С течением времени произошел перенос значения, и десятина стала пониматься как дар, угодный Богу, приносимый верующими в пользу малоимущих» [10, с. 52]. Но история христианства говорит о том, что церковную десятину не стоит рассматривать как основу формирования стереотипа подаяния. Общий сбор в пользу церкви шел, в основном, на развитие самой церкви, а не на помощь малоимущим. Лишь адресные подаяния (милостыня) являлись конкретным даром нищим людям, возродив в X в. институт нищелюбия (человеколюбия).

Можно заметить, что в период формирования государства характерно было прямое управление институтами помощи и социально уязвимыми группами населения. Управление эти-

ми институтами включало князя, церковь и ряд специфических институтов помощи и родовых традиций. Христианство принесло свои каноны милосердия, а централизованная власть стала развивать социальную политику в отношении субъектов, не связанных родовыми связями. Система помощи состояла из таких институтов, как княжеское благотворение и нищелюбие, церковно-христианское милосердие и общинная самопомощь.

Одним из дискуссионных моментов изучения периода средневековья является вопрос о княжеской помощи. Её можно принять за благотворительность или отнести к государственной социальной помощи. Если княжеская помощь принимается как частная благотворительность, то сужается сфера властной социальной помощи, что ведет к неоправданному занижению роли государства как одного из субъектов социальной помощи в данный исторический период. Е.Д. Максимов видел в княжеской помощи благотворительность, не связанную с государственными обязанностями и опосредованную нравственными и религиозными побуждениями [8]. Б.А. Сутырин и К.В. Кузьмин считают, что княжеская помощь была не обязанностью, а правом государя, осуществлялась добровольно и поэтому не может рассматриваться как помощь государства [6, с. 155]. В.И. Горемыкина видит в социальной помощи князей элементы властного призрения. Действия князей, по ее мнению, были средством воздействия на общественное сознание в целях укрепления собственного авторитета и политического влияния [5]. Очевидно, что княжеская помощь – одна из разновидностей властной

(государственной) помощи, имеющая специфический характер в силу особенностей государственной власти при феодализме. Справедливо отметить, что княжеская помощь являлась инструментом в поддержании авторитета власти и одним из способов ослабления социальной напряженности.

Деятельность князей и церкви помогла распространению в обществе идей милосердия и добродетели, однако с установлением ордынского ига ситуация поменялась. Ослабленной государственной власти становилось всё сложнее контролировать церковь, отошедшую от благотворительности и приумножившую свой авторитет в достаточной степени, чтобы стать конкурентом государства в экономической сфере. Кроме того, всё ещё остро стояли проблемы голода и эпидемий, в результате чего был легализован институт нищенства. Система помощи также претерпевает изменения. В Московском государстве она складывается из деятельности трех субъектов: государства, вынужденного законодательно санкционировать защиту нищих; церкви, где Стоглавый Собор в 1551 г. регламентировал церковную жизнедеятельность и запретил сбор милостыни как промысел «чернцам», попам и мирянам; а также частных лиц. Община полностью выпала из сферы социальной деятельности.

Государство как институт-субъект социальной помощи в период феодализма реализовывало свои функции однотипно и не было готово (социально, политически, экономически, организационно) к системным действиям по социальной поддержке населения. Государственная активность возрас- тала лишь в периоды чрезвычайных

ситуаций, осуществляя регулирующие функции в части социальной помощи, при этом расширяя полномочия церкви как субъекта социальной поддержки. По мере укрепления государства происходит усиление его роли как института социальной помощи. Объектами, нуждающимися в помощи, оказались очень многие категории населения: люди церкви, служилые и неслужилые люди, вольные люди, холопы, вдовы и малолетние дети. В эпоху правления царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) «нищепитательство» было возведено в ранг государственной политики. Под опеку государства были взяты практически все группы нищих. Те, кто побирався незаконно, путем обмана, признавались изгоями. Помимо государственной, светскую поддержку нуждающимся начали осуществлять частные благотворители: строить больницы для неимущих, принимать участие в борьбе с голодом. Так, Ф.М. Ртищев (1626–1673 гг.) вошел в историю тем, что выкупал русских пленных и оказывал помощь вражеским воинам, вынося с поля боя не только своих, но и чужих раненых. То есть, исполнялись функции будущего Красного Креста, до появления и укоренения идей которого оставалось ещё двести лет. Ф.М. Ртищев впервые в России создал частный амбулаторный приют для нуждающихся и инициировал создание социальной медицины – «лечить безденежно». Спустя годы заведения такого типа в виде стационаров и госпиталей зародили институт современного здравоохранения.

По-настоящему масштабные преобразования в процессе развития институтов социальной помощи начались в эпоху империи Петра I (1689–1725 гг.).

Переход к европейской модели помощи обозначал смену концепта: переход от принципов христианского милосердия к идеологии общественной пользы. Прежняя система общественного призрения не соответствовала веянию времени. Именно поэтому в период петровских реформ был взят курс на создание самостоятельной светской системы призрения.

Изменились субъекты помощи. Теперь ими стали Монастырский приказ (восстановлен 24 января 1701 г.), призванный первоначально «осуществлять надзор за нищими и убогими и призирать отставных военных»; Святейший Правительствующий Синод (1721 г.), к компетенции которого относилась деятельность по организации богаделен, и магистраты, которые должны были участвовать в государственном самоуправлении на местах [12, с. 209]. Спектр объектов социальной помощи также значительно расширился. К числу нуждающихся в помощи были законодательно отнесены сырые, больные, увечные, убогие, «престарелые люди обоего пола», убогие и оставшиеся без родителей дети, зазорные младенцы, подкидыши, престарелые и здравия лишенные, воинские чины, «престарелые и дряхлые граждане». Как альтернатива ниществу открылись смирительные и прядильные дома для мужчин и женщин соответственно, городские богадельни – для престарелых граждан, «гошпитали» и сиротские дома для широкого круга призреваемых, лазареты при странноприемницах для увечных воинов [3, с. 39]. И, хотя общественное призрение не входило в число государственных приоритетов того времени, увеличение разнообразия социаль-

ной помощи по сравнению с опытом прошлых лет было очевидно. Нищие отныне рассматривались как «паразиты», существующие за счет других людей, поэтому профессиональные нищие, люди «непотребного жития» и женщины «непотребного жития» вошли в число социальных изгоев [12, с. 214]. Можно утверждать, что накопленные в прошлом социальные проблемы начали решаться последовательно и разносторонне. Именно в Петровскую эпоху началось масштабное преобразование социальной помощи, приблизившее её к тому варианту социальной работы, который мы имеем на сегодняшний день.

Во времена Екатерины II социальная помощь не сошла с проложенного Петром курса. Напротив, получила поддержку императорского дома и была дополнена идеями христианской поддержки. В сеть российских учреждений социальной помощи входили: лечебные заведения, включая дома для умалишенных и больницы; заведения призрения, инвалидные дома, а также богадельни; учебно-воспитательные заведения; благотворительные общества и институты пансионеров [12, с. 224]. Все эти социальные учреждения помощи населению пока еще не имели четкой организационной структуры и не могли в полной мере удовлетворить всех нуждающихся. В то же время данная система социального призрения оказалась довольно устойчивой и в общих чертах сохранилась до наших дней.

Продолжила дело Екатерины II императрица Мария Федоровна – супруга Павла I, с именем которой связан важный этап в истории институционализации социальной помощи. Императри-

ца не только открывала и возглавляла благотворительные и учебные заведения, воспитательные дома, но и заботилась о развитии их деятельности. С начала 1800-х гг. в Петербурге, Москве и других городах России под её покровительством создавались и действовали учебно-воспитательные учреждения, вдовьи дома, больницы для бедных, училища для солдатских дочерей и нижних морских чинов, а также военно-сиротский институт. При участии Марии Федоровны появились Императорское женское патриотическое общество и попечительство «Инвалидный капитал» [3, с. 42–43].

Активно развивается в этот период и двухкогортный институт благотворительности. Первая когорта – благотворительные общества, иницируемые властью. Так, в 1802 г. в Петербурге при активном содействии императора Александра I образовано Благотворительное общество, которое в 1814 г. было переименовано в Императорское человеколюбивое общество. Разработана программа социальной деятельности Общества, основные направления которой заключались в домовом призрении бедных больных, открытии диспансеров, в том числе специализированных, помощи пострадавшим, организации инфекционных больниц, призрении людей с природными дефектами развития. К 1913 г. в Обществе насчитывалось 274 благотворительных учреждения в двух столицах и 37 губерниях. [3, с. 48]. Человеколюбивое общество силами своих учреждений оказывало благотворительную помощь бедным людям независимо от пола, возраста и вероисповедания: в случае рождения младенца, по воспитанию детей, лечению больных и престарелых.

Вторая когорта – частная благотворительная деятельность. С 1813 г. основатель газеты «Русский инвалид» П.П. (П.П.) Помиан-Пезаровиус занимался сбором средств. Газета устраивала благотворительные вечера с частными пожертвованиями и была поддержана царской семьей. Собираемые деньги шли как на развитие газеты, так и на выплату денежного пособия 1200 инвалидам [12, с. 233].

Особое место в истории отечественного благотворения принадлежит В.Ф. Одоевскому (1804–1869), который организовывал в Петербурге и за его пределами филантропические учреждения. По его инициативе в 1846 г. было создано Общество посещения бедных, где применялись нетрадиционные для России подходы в организации социальной помощи: господствовал принцип общественного долга и трудовых начал. С именем Одоевского связано создание детских приютов в Москве, Петербурге и других российских городах [12, с. 235].

Яркий пример социальной благотворительности демонстрирует доктор Ф.П. Гааз, благодаря которому была открыта Полицейская больница для бесприютных. По инициативе доктора Гааза была организована «скорая помощь» для людей с улицы. И если раньше больных, бесприютных доставляли в полицейский участок, то теперь – в Полицейскую больницу. Правом вызова «скорой помощи» пользовались полицейские, дворники и ночные сторожа. Излечившимся бесприютным помогали устраиваться в жизни, иногородним выправляли паспорта. Престарелых определяли в богадельни, крестьян отправляли в родные места, осиротевших детей отдавали на воспи-

тание [4]. Лозунг жизни Гааза – крылатая фраза: «Торопитесь делать добро!» – актуален и поныне.

XIX в. знаменателен развитием в России частных социальных отношений, связанных с меценатством и благотворительностью. Создаются благотворительные общества, фонды, осуществляющие воспитание и обучение детей, лечение больных и престарелых. Расширяется социальная база благотворительности за счет включения в данную деятельность купеческого сословия. Меценаты-благотворители служат замечательным вдохновляющим примером подвижничества, бескорыстия и милосердия. По выражению русского философа Н.О. Лосского, среди богатых промышленников и купцов были такие, которые как бы стыдились своего богатства и поэтому среди них было много меценатов и жертвователей больших сумм на социальные учреждения [7, с. 135]. Сегодня категорию стыда заменило понятие «социальной ответственности бизнеса». Владельцы яхт, недвижимости и футбольных команд лишь только начинают проявлять социальную ответственность и участвовать в благотворительной практике.

Анализируя формирование государственных и частных институтов социальной помощи в России, можно отметить, что каждый из них имел в разные периоды российской истории свои особенности и вызывал неоднозначную оценку исследователей [11, с. 131]. Система социальной помощи менялась много раз, усложняясь и приобретая всё новые черты, но при этом решая проблемы, сохранившие свою актуальность и сегодня. Институты социальной помощи формировались в

ходе исторического развития как конструктор духовно-когнитивных помогающих практик.

В условиях рыночной экономики институты государственной и частной социальной помощи становятся необходимыми элементами общественной системы. Они направлены на защиту людей прежде всего от неблагоприятного воздействия социальных рисков. Оказание государственной социальной помощи осуществляется органами социальной защиты населения (согласно ФЗ от 17.07.99 № 178 «О государственной социальной помощи») по отношению к нуждающимся: старикам, пенсионерам, инвалидам, тяжело больным, детям, людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию и т.п. Между тем тревогу вызывает то, что «армия» клиентов социальной работы продолжает расти. Сегодня более 40% населения России испытывают «самоощущение бедности». Об этом говорят как представители государственной власти, так и социологи. Уровень бедности в России в 2016 г. составил 13,5% (в 2015 г. – 13,3%), что подтвердила на Российском инвестиционном форуме в Сочи в феврале 2017 г. вице-премьер правительства РФ Ольга Голодец. По её словам, в России фиксируется уникаль-

ное явление – работающие бедные.

Отрадно при этом, что возрастает доля россиян, делающих частные пожертвования. Если в 2014 г. доля благотворителей составляла 9%, то в 2015 г. их число выросло в двое. По данным фонда Charities Aid Foundation, в 2016 г. около 50% взрослого трудоспособного населения России эпизодически совершали денежные пожертвования разнообразным благотворительным организациям. В абсолютных числах это соответствует 37 млн. человек.

Жизнь показывает, что опора только на государственные институты в деле социальной помощи себя не оправдывает. На современном этапе общественного развития частные добровольческие инициативы становятся все более решающими [2, с. 161]. Формирование гражданского общества, системы его институтов, способов и методов взаимодействия с государством – сложный, неоднозначный, но непрерывный процесс, в котором активно изменяются и человек, и государство, и общество [9, с. 104]. Актуальность деятельности государственных и частных институтов социальной помощи в России не вызывает сомнений, однако процесс их институционализации еще далек от завершения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 53–55.
2. Богатов В.В. Гражданское общество и социальное волонтерство // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2016. № 3. С. 154–162.
3. Благотворительность в России и государственная политика: монография / Отв. ред. С.С. Сулакшин. М.: Научный эксперт, 2013. 224 с.
4. Вашкау Н.Э. «Святой доктор» Федор Петрович Гааз // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 26–31.
5. Горемыкина В.И. Классовый и политический характер «нищелюбия» древнерусских князей // Вопросы истории: межвузовский сборник (Вып. 2). Минск: БГУ, 1975. С. 22–31.

6. Кузьмин К. В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России (с древности и до начала XX века). М.: Трикта: Академический проект, 2015. 624 с.
7. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 367 с.
8. Максимов Е. Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб.: [б.и.], 1894. 243 с.
9. Современная российская политика: институты, процессы и технологии / Отв. ред. В.Г. Егоров. М.: МГОУ, 2016. 328 с.
10. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 403 с.
11. Федорченко С.Н. К вопросу об эволюции человечества в бесконечном будущем // Категориальная сущность и эволюция человечества в мегаистории и в бесконечном будущем. М.: Научный эксперт, 2011. С. 131–132.
12. Фирсов М.В. История социальной работы. М.: КНОРУС, 2016. 400 с.

REFERENCES

1. Abramov A.V. Politicheskii institut i politicheskaya institutsionalizatsiya: opredelenie ponyatii [Political institutions and political institutionalization: defining the concepts]. In: *Vlast'*, 2010, no. 5, pp. 53–55.
2. Bogatov V.V. Grazhdanskoe obshchestvo i sotsial'noe volonterstvo [Civil society and social volunteering]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, Seriya: Pedagogika, 2016, no. 3, pp. 154–162.
3. Blagotvoritel'nost' v Rossii i gosudarstvennaya politika [Charity in Russia and public policy: monograph, editor-in-chief S.S. Sulakshin]. Moscow, Nauchnyi ekspert, 2013. 224 p.
4. Vashkau N.E. «Svyatoi doktor» Fedor Petrovich Gaaz ["Holy doctor" Fedor Petrovich Haas]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya: Istoriya, 2012, no. 2, pp. 26–31.
5. Goremykina V.I. Klassovyi i politicheskii kharakter «nishchelyubiya» drevnerusskikh knyazei [The class and political nature of the "love for begging" of the princes in ancient Russia] *Voprosy istorii: mezhvuzovskii sbornik (Vyp. 2)* [Questions of history: the interuniversity collection (Vol. 2)]. Minsk, BGU, 1975, pp. 22–31.
6. Kuz'min K. V., Sutyurin B. A. Istoriya sotsial'noi raboty za rubezhom i v Rossii (s drevnosti i do nachala XX veka) [The history of social work abroad and in Russia (from antiquity to the beginning of the XX century)]. Moscow, Triкта; Akademicheskii projekt, 2015. 624 p.
7. Losskii N.O. Usloviya absolyutnogo dobra [The conditions of the absolute good]. Moscow, Politizdat, 1991. 367 p.
8. Maksimov E. D. Istoriko-statisticheskii ocherk blagotvoritel'nosti i obshchestvennogo prizreniya v Rossii [Historical and statistical sketch of charity and public welfare in Russia]. St. Petersburg, [b.i.], 1894. 243 p.
9. Sovremennaya rossiiskaya politika: instituty, protsessy i tekhnologii [Contemporary Russian politics: institutions, processes, and technology, editor-in-chief V.G. Egorov]. Moscow, MGOU, 2016. 328 p.
10. Ul'yanova G. N. Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi imperii. XIX – nachalo XX veka [Philanthropy in the Russian Empire. XIX – beginning of the XX century]. Moscow, Nauka, 2005. 403 p.
11. Fedorchenko S.N. K voprosu ob evolyutsii chelovechestva v beskonechnom budushchem [To the question of the evolution of mankind in the infinite future] *Kategorial'naya sushchnost' i evolyutsiya chelovechestva v megaistorii i v beskonechnom budushchem* [Categorical essence and evolution of mankind in Megastore and in the infinite future]. Moscow, Nauchnyi ekspert, 2011, pp. 131–132
12. Firsov M.V. Istoriya sotsial'noi raboty.[The history of social work]. Moscow, KNORUS, 2016. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богатов Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Московского государственного областного университета;
e-mail: v_bog_v@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Bogatov – candidate of historical sciences, associate professor of the department Social Work of Moscow Region State University;
e-mail: v_bog_v@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Богатов В.В. Формирование институтов социальной помощи в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 106–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-106-114

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

V. Bogatov. Formation of social assistance institutions in Russia. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 106–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-106-114

УДК 329

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-115-128

ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТЕНОГРАФИЧЕСКИХ ОТЧЕТОВ ЗАСЕДАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ)

Манжуков А.И.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей подходов партий к вопросам внешней политики в Государственной думе современной России. Исследование строится на основе изучения стенографических отчетов заседаний парламента в 2000–2017 гг. В статье используются исторический (проблемно-хронологический) и сравнительный подходы. Автор пришел к выводу, что партии высказываются и голосуют по международным договорам в целом в духе своих программных деклараций. Почти все соглашения, которые выдвигаются на ратификацию и касаются внешней политики России, принимаются абсолютным большинством голосов, исключения редки. По вопросам внешней политики между партиями наблюдается стабильный консенсус, изменения характера голосования в рассматриваемый период не прослеживаются.

Ключевые слова: политические партии, внешняя политика, Государственная дума, международный договор, ратификация.

FOREIGN POLICY ISSUES IN THE PARLIAMENTARY ACTIVITIES OF THE RUSSIAN CONTEMPORARY PARTIES (BASED ON MATERIALS OF VERBATIM REPORTS)

A. Manzhukov

*Lomonosov Moscow State University
27-4, Lomonosov prospect, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to revealing the features of party approaches to the issues of foreign policy in the State Duma of contemporary Russia. The research is based on verbatim reports of the State Duma's assemblies in the period of 2000–2017. The author uses historical (problem-chronological) and comparative methods. The author concludes that the parties express their opinion and vote in conformity with their program declarations. Almost all the foreign policy agreements were ratified by the majority. The parties have the stable consensus on the foreign policy issues. There are no changes of the voting patterns in the period of 2000–2017.

Key words: political parties, foreign policy, the State Duma, international treaty, ratification.

Современные российские партии не только прорабатывают вопросы внешней политики в программных документах, но, так или иначе, выражают свои позиции по международным вопросам в парламенте. Фракции обсуждают законопроекты, касающиеся внешней политики страны, голосуют по этим законопроектам, ратифицируют международные договоры. Кроме того, в парламенте работают специальные комитеты, состоящие из групп депутатов, которые занимаются определенными направлениями развития страны и, в частности, международными связями.

Цель данного исследования – выявить особенности подходов партий к вопросам внешней политики на основе анализа их практической деятельности в Государственной думе. Достижение цели связано с решением следующих задач – проанализировать обсуждение международных договоров, выдвинутых на ратификацию в Госдуме; оценить характер голосования в Думе по внешнеполитическим вопросам; сделать выводы относительно динамики принятия решений по данной проблематике.

Хронологические рамки исследования – 2000–2017 гг. В 2000 г. к власти в России пришел новый президент В. Путин, что повлекло за собой изменение политического курса. С начала 2000-х гг. происходит ослабление влияния оппозиционных партий, в Госдуме сформировалось пропрезидентское большинство, что существенно повлияло на принятие политических решений. Период конфронтации президента с Думой сменился их «конструктивным взаимодействием» [28]. Принципиального изменения обозначенного соотношения сил в 2000–

2017 гг. не произошло, включая годы президентства Д. Медведева.

Следует отметить, что рассматриваемой проблематике не уделяется достаточного внимания в научной литературе: работ, которые бы непосредственно касались вопросов внешней политики в парламентской деятельности российских партий в 2000-е гг., автору найти не удалось. Вместе с тем имеется большой спектр отечественных и зарубежных работ, посвященных вопросам внешней политики и международным отношениям. Кроме того, в отечественной научной литературе хорошо освещены вопросы формирования и функционирования партийной системы в современной России. В первом случае заслуживают внимания, в частности, труды Г. Кларка, Л.Б. Сола, Г. Моргентхау, П.А. Цыганкова, А.И. Соловьева [20; 22; 24; 26; 29], в которых формулируются и анализируются теории «политического реализма» и «политического идеализма» в международных отношениях. Данные концепции при соотнесении их с внешнеполитическими доктринами и действиями партий позволяют идентифицировать партийные позиции по рассматриваемым вопросам. Во втором аспекте представляют существенный интерес работы Ю.Г. Коргунюка и Е.И. Волгина, в которых делаются выводы об относительном нивелировании партийных доктрин и программных призывов современных российских партий, в борьбе за электорат выдвигающих лозунги, не всегда коррелирующиеся с названием организации и декларируемой идеологией [21; 23]. Заслуживают внимания исследования Э.Г. Соловьева и Н.В. Работяжева, в которых рассматриваются внешнеполитические концепции «партии власти»

и либеральных организаций современной России [25; 27].

Важнейшим источником информации о деятельности партий являются стенограммы заседаний парламента, которые постоянно публикуются на официальном сайте Госдумы, но достаточно редко привлекаются исследователями. Именно изучение стенографических отчетов заседаний Государственной думы положено в основу данной статьи.

Анализируя деятельность партийных фракций в Государственной думе по внешнеполитической проблематике, целесообразно выделить три направления: вопросы, касающиеся «дальнего зарубежья», обсуждение договоров, касающихся сотрудничества России со странами «ближнего зарубежья», вопросы укрепления обороноспособности и безопасности России (безусловно, эти аспекты взаимосвязаны). Первым международным договором, который ратифицировала Дума третьего созыва (1999–2003 гг.; КПРФ, «Единство», «Отечество – Вся Россия», «Союз правых сил», ЛДПР и «Яблоко»), стал «Протокол к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях от 26 ноября 1996 года» [1]. Экономическая перспектива здесь представлялась взаимовыгодной. По словам депутатов, Россия была нацелена на налаживание политики наибольшего благоприятствования в космической отрасли с Европейскими странами, а не с США, которые зачастую ставят различные политические условия во время осуществления со-

вместных космических проектов. Жестко настроенные против западных стран партии КПРФ и ЛДПР не стали подвергать сомнению это соглашение, так как было очевидно, что оно несет взаимную выгоду обеим странам.

В течение 2000-го г. Госдумой был ратифицирован ряд договоров, направленных на сотрудничество в экономической сфере с развивающимися странами (ЮАР, Египет и др.) [1], а в 2002 г. – уже с развитыми странами (Австрия, Норвегия и др.) [5]. Все парламентские партии выражали согласие с курсом РФ на интеграцию в мировую экономическую систему, поэтому все договоры такого рода были ратифицированы Думой единогласно.

Весьма активно в Думе обсуждался и «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» [3], который привнес новации во взаимоотношения двух стран, так как впервые в истории РФ и Китай официально отказались от взаимных территориальных претензий. Необходимо отметить, что все парламентские партии выступают за налаживание долговременных отношений и добрососедства с Китаем. Особенно много об этом заявлено в программах КПРФ и ЛДПР, которые видят в Китае опору в противодействии западным странам. Несмотря на все недочеты, на которые обратили внимание депутаты, они заявили о поддержке договора с Китаем.

Определенные разногласия можно зафиксировать во время обсуждения законопроектов, выдвинутых на голосование лидером ЛДПР и касающихся противодействия НАТО, а также углубления экономических взаимоотношений с Ираном и Ираком. Эти законо-

проекты не были одобрены Госдумой, так как либо В. Жириновский выдвигал требования, далекие от реальности (в частности, повышение таможенных пошлин до 200% членам НАТО), либо уже существовали договоры с данными странами, которые регулировали сотрудничество.

Принципиальное значение для России имел проект федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» [7], который рассматривала Госдума четвертого созыва (2003–2007 гг.; «Единая Россия», КПРФ, «Родина», ЛДПР и 17 депутатов от НПРФ, которые прошли по одномандатным округам). Договор, о котором идет речь, был заключен на Бали в 1976 г. и оформил Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Документ, представленный Думе, предполагает развитие взаимоотношений в экономическом и политическом планах со странами Балийского договора, укрепление позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а значит, и на международной арене в целом. Этот курс поддержали все парламентские партии, поэтому договор не обсуждался и был однозначно ратифицирован сразу.

В отличие от большинства обсужденных документов по внешней политике действительно бурная дискуссия разгорелась во время заседания Госдумы, на котором обсуждалось соглашение о сотрудничестве с европейскими государствами, недавно присоединившимися к ЕС [8]. Представители КПРФ и «Родины» считали невозможной ратификацию соглашения, которое, по их мнению, должно лишить Россию последних рычагов влияния на Латвию,

Эстонию и Литву, и заявили, что будут голосовать против ратификации. Мнения депутатов от «партии власти» разделились. Закон все-таки был принят, однако следует обратить внимание на голосование части депутатов против него, что является большой редкостью при голосованиях по международным договорам.

Закон «О ратификации Конвенции о привилегиях и иммунитетах Шанхайской организации сотрудничества» был принят предсказуемо единогласно [9], все фракции поддерживают сотрудничество в рамках этой организации. Однако при обсуждении вопроса о вступлении России во Всемирную торговую организацию в 2012 г. голоса разделились почти пополам. Несмотря на то, что три фракции – ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия» – голосовали «против», «Единая Россия» провела закон через парламент большинством голосов [15].

Существенный интерес представляет процесс обсуждения международных договоров, направленных на укрепление обороноспособности и безопасности России. В 2000 г. обсуждался законопроект «О ратификации Европейской конвенции о пресечении терроризма» [2]. Упоминание о необходимости коллективного противодействия терроризму фигурировало практически во всех программах партий. Однако лидер партии ЛДПР В.В. Жириновский, проявляя неоднозначный настрой по отношению к Западу, выразил несогласие с документом, мотивируя это тем, что европейские страны впоследствии будут судить российских генералов в соответствии с конвенцией. Несмотря на позицию ЛДПР, договор был ратифицирован подавляющим большинством голосов.

В 2003 г. единогласно были ратифицированы соглашения, призванные укрепить ОДКБ, значимость сотрудничества в рамках этой организации не подвергалась сомнению ни одной фракцией [6]. В 2006 г. Госдума рассмотрела международный договор глобального значения, касающийся запрещения ядерных испытаний и системы контроля и наблюдения за этой сферой [10]. Стоит отметить, что, хотя партии ЛДПР и КПРФ в своих программных документах рассматривают США и Западную Европу как противников и зачастую призывают к силовым методам решения конфликтов, на заседании Госдумы они полностью поддержали ратификацию данного соглашения, направленного на постепенное снятие напряжения в международных отношениях.

Иная ситуация характеризовала обсуждение в 2007 г. проекта федерального закона «О ратификации Соглашения между государствами-участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе «Партнёрство ради мира», о статусе их Сил от 19 июня 1995 г. и Дополнительного протокола к нему» [11]. Вопрос взаимоотношений России и НАТО, как обычно, явился объектом повышенного внимания парламентских партий. Главной целью Соглашения является урегулирование правовых и организационно-технических вопросов нахождения армий на территориях иностранных государств. Депутаты от КПРФ и ЛДПР в соответствии с внешнеполитическими доктринами своих партий выступили против какого-либо сотрудничества с НАТО. Тем не менее документ был ратифицирован большинством голосов.

Другой договор, касающийся сотрудничества с США в сфере разоружения, был ратифицирован большинством голосов Думой пятого созыва (2007–2011 гг.; «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») [12]. В 2009 г. Госдумой обсуждался договор с Беларуссией, предполагавший создание единой системы противовоздушной обороны [13]. Такой же договор с Казахстаном рассматривался впоследствии в 2013 г. Госдумой шестого созыва (2011–2016 гг.; «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР) [16]. Все они направлены на сближение государств на постсоветском пространстве и были ратифицированы единогласно.

Третьим направлением внешнеполитической проблематики в деятельности Думы являются взаимоотношения со странами «ближнего зарубежья». Как показано выше, ряд договоров, связанных с безопасностью и обороноспособностью России, заключены именно со странами постсоветского пространства, однако остаются и аспекты, не связанные напрямую с оборонными задачами. Так, в 2002 г. Госдума без каких-либо диспутов ратифицировала «Конвенцию о привилегиях и иммунитетах Евразийского экономического сообщества» [4]. Абсолютное большинство проголосовавших депутатов поддержали принятие закона, что выглядит логичным, поскольку депутаты положительно отнеслись к ратификации договоров о создании ЕврАзЭС, а также Таможенного союза и Единого экономического пространства в предыдущем году, а данная конвенция является их продолжением и углублением. Курс на налаживание взаимоотношений со стра-

нами СНГ является приоритетным в программах всех партий, представленных в парламенте. Однако были и протесты: ЛДПР отказалась голосовать за ратификацию договора, касающегося либерализации политики в отношении трудовых мигрантов Белоруссии и Казахстана [14].

Значительный отклик депутатов вызвали события, связанные со сменой власти на Украине. После успешно проведенного референдума о воссоединении Крыма с Россией на дополнительном заседании Госдумы 20 марта 2014 г. обсуждался проект федерального закона «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов», а также проект федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [17]. Представители КПРФ и ЛДПР в полном соответствии с пунктами партийных программ о воссоединении земель бывшего СССР

выступили в поддержку ратификации законов. Фракции пропрезидентской «Единой России», а также «Справедливой России», несмотря на свои более умеренные программные позиции, тоже выступили за их принятие.

В последние годы, вследствие ряда событий (смена власти на Украине, присоединение Крыма к России, конфликтная ситуация на востоке Украины) обстановка на постсоветском пространстве стала напряженной, произошло «охлаждение» отношений России и Запада. Все партии, представленные в Думе шестого созыва, вне зависимости от их внешнеполитических доктрин, консолидировались, достаточно жестко высказываясь об Украине и западных странах. Проект федерального закона «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора о зоне свободной торговли в отношении Украины» был принят единогласно [18]. В то же время в 2016 г. было ратифицировано соглашение, призванное продолжить сотрудничество в сфере коллективной безопасности на постсоветском пространстве [19]. Сводные данные результатов ратификаций наиболее значимых законопроектов приведены в табл. 1–3.

Таблица 1

Договоры со странами «дальнего зарубежья»

Год	Договор	Позиции партий	Результат ратификации
2000	Соглашение с Францией о сотрудничестве в космической сфере	Полная поддержка всеми партиями	347 из 349 депутатов проголосовали «за»
2000	Ряд договоров с развивающимися странами, направленных на сотрудничество в экономической сфере	Полная поддержка всеми партиями	Приняты абсолютным большинством голосов
2001	Договор с Китаем, направленный на широкомасштабное сотрудничество	Полная поддержка всеми партиями	407 из 409 «за»
2002	Ряд договоров с развитыми странами, направленных на сотрудничество в экономической сфере	Полная поддержка всеми партиями	Приняты абсолютным большинством голосов

<i>Год</i>	<i>Договор</i>	<i>Позиции партий</i>	<i>Результат ратификации</i>
2003	Законопроекты, направленные на противодействие НАТО, углубление экономических взаимоотношений с Ираном и Ираком.	ЛДПР их выдвинула; все остальные партии не поддержали	Не приняты – 80% депутатов проигнорировали голосование
2004	Договор о присоединении РФ к Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)	Полная поддержка всеми партиями	406 из 409 «за»
2004	Соглашение о сотрудничестве с европейскими государствами, недавно присоединившимися к ЕС	Мнения разделились: КПРФ, «Родина», часть «Единой России» выступили с критикой	325 из 413 «за»
2005	Закон «О ратификации Конвенции о привилегиях и иммунитетах Шанхайской организации сотрудничества»	Полная поддержка всеми партиями	383 из 383 «за»
2012	Вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО)	Мнения разделились: ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия» выступили с критикой	238 из 447 «за»

Таблица 2

Договоры, касающиеся обороноспособности и безопасности РФ

<i>Год</i>	<i>Договор</i>	<i>Позиции партий</i>	<i>Результат ратификации</i>
2000	Присоединение к Европейской конвенции о пресечении терроризма	Поддержка всеми партиями, В. Жириновский выступил с критикой	325 из 333 «за»
2003	Два Соглашения, направленные на укрепление ОДКБ	Полная поддержка всеми партиями	388 из 389 «за» 396 из 396 «за»
2006	Договор о запрещении ядерных испытаний	Полная поддержка всеми партиями	403 из 405 «за»
2007	Договор РФ и НАТО	Мнения разделились: КПРФ и ЛДПР выступили с критикой	328 из 418 «за»
2008	Договор с США, касающийся разоружения	Полная поддержка всеми партиями	336 из 349 «за»
2009	Договор с Белоруссией о совместной ПВО	Полная поддержка всеми партиями	444 из 445 «за»
2013	Договор с Казахстаном о совместной ПВО	Полная поддержка всеми партиями	448 из 448 «за»
2016	Соглашение, призванное продолжить сотрудничество в сфере коллективной безопасности на постсоветском пространстве	Полная поддержка всеми партиями	425 из 425 «за»

Таблица 3

Договоры со странами «ближнего зарубежья»

Год	Договор	Позиции партий	Результат ратификации
2002	Договор, направленный на развитие ЕврАзЭС	Полная поддержка всеми партиями	367 из 367 «за»
2011	Договоры с Белоруссией и Казахстаном, регулирующие трудовую миграцию	Мнения разделились: ЛДПР и часть СР выступили с критикой.	375 из 376 «за» 373 из 374 «за» ЛДПР, видимо, проигнорировала голосование, т.к. по другим законопроектам голосовало примерно на 65 депутатов больше
2014	Закон о включении Крыма в состав РФ	Полная поддержка всеми партиями	443 из 444 «за»
2015	Закон «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора о зоне свободной торговли в отношении Украины»	Полная поддержка всеми партиями	428 из 428 «за»

Рассмотрев процесс обсуждения фракциями международных договоров, а также характер голосования по ним в Думе в 2000-е гг., можно сделать следующие выводы. Партии в ходе пленарных заседаний высказываются и голосуют по договорам, касающимся внешней политики, в целом в духе своих программных заявлений. Исключения редки – например, ЛДПР, критикуя Запад, поддержала Протокол к соглашению о партнерстве и сотрудничестве с Европой [8], а выступая за активное сотрудничество со странами «ближнего зарубежья», проигнорировала договоры с Белоруссией и Казахстаном, регулирующие трудовую миграцию [14].

«Единая Россия» систематически занимает пропрезидентскую позицию, именно ее голосами принимались самые спорные законопроекты. КПРФ и ЛДПР в основном были отрицательно настроены к соглашениям с НАТО, США и зачастую – с Евросоюзом (договор РФ и НАТО [11], соглашение о

сотрудничестве с европейскими государствами, недавно присоединившимися к ЕС [8]). Если соглашение касалось взаимодействия в военной сфере, взаимных льгот, то эти партии голосовали против ратификации. В то же время отмеченные партии выступили за присоединение России к договору о запрещении ядерных испытаний [10]. Позиции КПРФ и ЛДПР можно в общем и целом в наибольшей степени соотнести с концепцией «политического реализма». Противоположной позиции – «политического идеализма» – придерживалось в своих программных документах «Яблоко», хотя при ратификации рассмотренных в статье законопроектов оно голосовало вместе с большинством. Другая либеральная партия – «Союз правых сил» – вообще не проявляла активности в обсуждении международных договоров. «Справедливая Россия» и «Родина» зачастую солидаризировались с КПРФ и ЛДПР в критике законопроектов по внешней политике.

Исходя из приведенных таблиц, можно сделать вывод, что почти все соглашения, которые выдвигаются на ратификацию и касаются внешней политики России, принимаются, как правило, абсолютным большинством голосов. Любые договоры, способствующие интеграционным процессам между республиками бывшего СССР, касающиеся политической, экономической сферы или обороноспособности и безопасности, в основном однозначно ратифицировались всеми парламентскими партиями. Разногласия можно зафиксировать преимущественно во время обсуждений договоров со странами «дальнего зарубежья», в первую очередь, с США, а также с ор-

ганизацией НАТО, недовольство которыми проявляли, прежде всего, КПРФ и ЛДПР.

Данные результатов голосования отражают достаточно «гладкий» процесс ратификации Думой международных договоров в 2000-2017 гг., голосование является преимущественно консолидированным. Анализ стенографических отчетов не дает оснований для вывода о динамических изменениях, все партии, за редкими исключениями, перманентно выступают в качестве единой силы, налицо, в отличие от проблем внутреннего курса, консенсусное объединение по большинству внешнеполитических вопросов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 5 (453) от 11.02.2000 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2249/> (дата обращения: 08.04.2017).
2. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание от 07.07.2000 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2133/> (дата обращения: 08.04.2017).
3. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 140 (588) от 26.12.2001 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1801/> (дата обращения: 08.04.2017).
4. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 169 (617) от 22.05.2002 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1702/> (дата обращения: 08.04.2017).
5. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 197 (645) от 30.10.2002 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1614/> (дата обращения: 08.04.2017).
6. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 239 (687) от 25.04.2003 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1476/> (дата обращения: 08.04.2017).
7. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 39 (753) от 02.07.2004 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1267/> (дата обращения: 08.04.2017).
8. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 54 (768) от 22.10.2004 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1219/> (дата обращения: 08.04.2017).
9. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федера-

- ции. Заседание 77 (791) от 02.02.2005 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1147/> (дата обращения: 08.04.2017).
10. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 196 (910) от 24.11.2006 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/799/> (дата обращения: 08.04.2017).
  11. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 231 (945) от 23.05.2007 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/694/> (дата обращения: 08.04.2017).
  12. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 33 (1006) от 02.07.2008 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/517/> (дата обращения: 08.04.2017).
  13. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 130 (1103) от 16.12.2009 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/224/> (дата обращения: 08.04.2017).
  14. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание от 28.06.2011 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3465/> (дата обращения: 08.04.2017).
  15. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание от 10.07.2012 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3677/> (дата обращения: 08.04.2017).
  16. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание от 20.12.2013 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3985/> (дата обращения: 08.04.2017).
  17. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 156 (1394) от 20.03.2014 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4045/> (дата обращения: 08.04.2017).
  18. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 22.12.2015 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4396/> (дата обращения: 08.04.2017).
  19. Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание 14.12.2016 / Государственная дума: [официальный сайт]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4565/> (дата обращения: 08.04.2017).

Литература

20. Внешняя политика: вопросы теории и практики. Материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Социологический факультет МГУ им М.В. Ломоносова, 2008. 232 с.
21. Волгин Е.И. Политические партии России в начале нового века // Государственное управление (Электронный вестник). 2015. № 51. С. 213–239.
22. Кларк Г., Сон Л.Б. Достижение всеобщего мира через мировое право: два альтернативных плана // Социально-политический журнал. 1998. № 5. С. 202–222.
23. Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, 2007. 544 с.
24. Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2. С. 189–201.
25. Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г. От «возвращения в мировую цивилизацию» к «суверенной демократии»: эволюция внешнеполитических концепций российских «партий власти» // Полития. 2013. № 1 (68). С. 36–54.
26. Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 559 с.

27. Соловьев Э.Г. Внешнеполитические приоритеты либеральной России // Полис (Политические исследования). 2005. № 2. С. 89–101.
28. Харламова Ю.В. Государственная Дума в политической системе России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 185 с.
29. Цыганков П.А. Политический идеализм в теории международных отношений: иллюзии и реальность // Теория международных отношений: хрестоматия. М.: Гардарики, 2002. С. 111–114.

SOURCES AND REFERENCES

Sources

1. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 5 (453) ot 11.02.2000 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 5 (453), dated 11.02.2000] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2249/> (accessed: 08.04.2017).
2. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie ot 07.07.2000 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Meeting dated 07.07.2000] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2133/> (accessed: 08.04.2017).
3. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 140 (588) ot 26.12.2001 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 140 (588) dated 26.12.2001] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1801/> (accessed: 08.04.2017).
4. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 169 (617) ot 22.05.2002 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 169 (617) dated 22.05.2002] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1702/> (accessed: 08.04.2017).
5. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 197 (645) ot 30.10.2002. [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 197 (645) dated 30.10.2002] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1614/> (accessed: 08.04.2017).
6. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 239 (687) ot 25.04.2003. [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 239 (687) dated 25.04.2003] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1476/> (accessed: 08.04.2017).
7. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 39 (753) ot 02.07.2004. [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 39 (753) dated 02.07.2004] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1267/> (accessed: 08.04.2017).
8. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 54 (768) ot 22.10.2004 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Meeting 54 (768) from 22.10.2004] Gosudarstvennaya дума:

- [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1219/> (accessed: 08.04.2017).
9. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 77 (791) ot 02.02.2005 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 77 (791) dated 02.02.2005] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait]. [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1147/> (accessed: 08.04.2017).
  10. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 196 (910) ot 24.11.2006 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 196 (910) from 24.11.2006] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait]. [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/799/> (accessed: 08.04.2017).
  11. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 231 (945) ot 23.05.2007. [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 231 (945) of 23.05.2007] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/694/> (accessed: 08.04.2017).
  12. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 33 (1006) ot 02.07.2008 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 33 (1006), dated 02.07.2008] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/517/> (accessed: 08.04.2017).
  13. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 130 (1103) ot 16.12.2009 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 130 (1103) from 16.12.2009] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/224/> (accessed: 08.04.2017).
  14. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie ot 28.06.2011 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Meeting dated 28.06.2011] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3465/> (accessed: 08.04.2017).
  15. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie ot 10.07.2012 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Meeting dated 10.07.2012] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3677/> (accessed: 08.04.2017).
  16. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie ot 20.12.2013 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Meeting dated 20.12.2013] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3985/> (accessed: 08.04.2017).
  17. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 156 (1394) ot 20.03.2014 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Session 156 (1394) from 20.03.2014] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4045/> (accessed: 08.04.2017).
  18. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 22.12.2015 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Fed-

eration. Meeting 22.12.2015] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4396/> (accessed: 08.04.2017).

19. Stenogramma Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Zasedanie 14.12.2016 [Transcript of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Meeting 14.12.2016] Gosudarstvennaya дума: [ofitsial'nyi sait] [State Duma official website]. Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4565/> (accessed: 08.04.2017).

References

20. Vneshnyaya politika: voprosy teorii i praktiki. Materialy nauchnogo seminaru [Foreign policy: theory and practice. Materials of the scientific workshop]. Moscow, Sotsiologicheskii fakul'tet MGU, 2008. 232 p.
21. Volgin E.I. Politicheskie partii Rossii v nachale novogo veka [Political parties in Russia at the beginning of the new century]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie* (Elektronnyi vestnik), 2015, no. 51, pp. 213–239.
22. Klark G., Son L.B. Dostizhenie vseobshchego mira cherez mirovoe pravo: dva al'ternativnykh plana [The achievement of world peace through world law: two alternative plan]. In: *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*, 1998, no. 5, pp. 202–222.
23. Korgunyuk Yu.G. Stanovlenie partiinoi sistemy v sovremennoi Rossii [The formation of the party system in modern Russia]. Moscow, Fond INDEM, 2007. 544 p.
24. Morgentau G. Politicheskie otnosheniya mezhdru natsiyami: bor'ba za vlast' i mir [Political relations among Nations: the struggle for power and peace]. In: *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*, 1997, no. 2, pp. 189–201.
25. Rabotyazhev N.V., Solov'ev E.G. Ot «vozvrashcheniya v mirovuyu tsivilizatsiyu» k «sverennoi demokratii»: evolyutsiya vneshnepoliticheskikh kontseptsii rossiiskikh «partii vlasti» [From the “return to civilization” to “sovereign democracy”: evolution of foreign policy concepts of the Russian “party of power”]. In: *Politiya*, 2013, no. 1 (68), pp. 36–54.
26. Solov'ev A.I. Politologiya: politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii [Political science: political theory, political technologies]. Moscow, Aspekt Press, 2000. 559 p.
27. Solov'ev E.G. Vneshnepoliticheskie prioritety liberal'noi Rossii [Foreign policy priorities of liberal Russia]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2005, no. 2, pp. 89–101.
28. Kharlamova Yu.V. Gosudarstvennaya Duma v politicheskoi sisteme Rossii: dis. ... kand. polit. nauk [The state Duma in the political system of Russia: thesis ...cand. polit. sciences]. Moscow, 2009. 185 p.
29. Tsygankov P.A. Politicheskii idealizm v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: illyuzii i real'nost' [Political idealism in the theory of international relations: illusions and reality] Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: khrestomatiya [Theory of international relations: a reader]. Moscow, Gardariki, 2002, pp. 111–114.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манжуков Амир Ильдарович – аспирант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: amanzhukov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Amir I. Manzhukov – post-graduate student of the Historical faculty of Lomonosov Moscow State University;
e-mail: amanzhukov@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Манжуков А.И. Вопросы внешней политики в парламентской деятельности современных российских партий (по материалам стенографических отчетов заседаний Государственной думы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 115–128.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-115-128

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Manzhukov. Foreign policy issues in the parliamentary activities of the Russian contemporary parties (based on materials of verbatim reports). *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 115–128.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-115-128

УДК 321.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-129-140

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕГИОНЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Козлов А.П.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема угроз национальной безопасности России на Северном Кавказе, связанных с ростом политизации этноконфессиональной идентичности. Анализ этнополитической обстановки в данном регионе показывает, что там сохраняется нестабильность, вызванная недовольством властью и сепаратистскими настроениями у определенной части населения. Изучение этнического, конфессионального и общегражданского самосознания жителей Северного Кавказа приводит к выводу о высоком уровне политизации этничности, а также ослаблении общегражданской идентичности и усилении этноконфессиональной. Делается вывод о распространении исламского фундаментализма как угрозе национальной безопасности России.

Ключевые слова: обеспечение национальной безопасности, этнополитическая идентичность, угрозы национальной безопасности РФ на Северном Кавказе.

POLITICAL PROBLEMS OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE NORTH CAUCASUS

A. Kozlov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the problem of threats to Russia's national security in the North Caucasus. They are connected with the growing politicization of ethno-confessional identity. The analysis of the ethnopolitical situation in this region shows that there is still instability caused by discontent with power and separatist sentiments among a certain part of the population. The study of the ethnic, confessional and civil self-awareness of the inhabitants of the North Caucasus results in the conclusion that the level of politicization of ethnicity is high. Besides, the general civil identity is weakened, while the ethnic-confessional identity is strengthened. It is concluded that the spread of Islamic fundamentalism as a threat to Russia's national security.

Key words: national security, ethnic and political identity, threat to Russia's national security in the North Caucasus.

Политические проблемы обеспечения национальной безопасности многократно изучались отечественными и зарубежными исследователями. Широко

известность получили работы таких ученых, как Г. Моргентау [9], С. Хантингтон [13], Дж. Най [11]. Среди отечественных ученых, изучающих проблемы национальной безопасности, следует отметить И.К. Харичкина [14], В.Г. Бурлова [3] и ряд других. Особенно следует выделить труды И. Добаева, изучающего проблемы терроризма на Северном Кавказе [5], весьма актуальные в связи с растущей угрозой международного терроризма.

Исследованию потенциальных угроз национальной безопасности Российской Федерации в регионе Северного Кавказа посвящена и настоящая статья. С точки зрения автора, для достижения поставленной цели необходимо решить задачи:

- проанализировать этнополитическую обстановку на Северном Кавказе;
- проанализировать степень политизации этничности в республиках Северного Кавказа;
- выявить проблемы мобилизации фундаментальных течений в регионе как угрозы национальной безопасности России.

Северный Кавказ исторически является одним из регионов России, в жизни населения которого ислам всегда играл ключевую роль в этноконфессиональных отношениях. Последние двадцать лет в регионе наблюдается возрождение ислама, что подтверждается увеличением числа практикующих мусульман, строительством новых и реставрацией старых культовых сооружений, а также расширением системы образования религиозного характера. Активно утверждается в регионе религиозная общность в повседневных социальных отношениях.

Исследователь исламской религиозности А. Малашенко отмечает усиление влияния ислама в регионе Северного Кавказа не только на духовно-нравственные, но также на этнополитические и социокультурные отношения [18]. В то же время бурный процесс исламизации в регионе отличается целым рядом особенностей, среди которых особенно ярко проявляется раскол мусульман на два течения – традиционалистский и фундаменталистский ислам. Основу противоборства данных направлений составляют концептуально-идеологические разногласия. Так, если традиционалисты выступают за сохранение и развитие ислама в том виде, в каком он сложился в данном регионе за множество столетий, то фундаменталисты ратуют за возврат к так называемому «чистому», то есть первозданному исламу и перестройке общественных отношений на основе его ценностей и норм. Для того, чтобы нивелировать данный конфликт одной из сторон пришлось бы полностью сдать свои позиции, однако такой вариант вряд ли возможен – во всяком случае, в ближайшей перспективе. В расколотом состоянии ислам на Северном Кавказе несет в себе огромный конфликтный потенциал для групп населения, идентифицирующих себя с тем или другим его направлением.

Религиозная идентичность может быть определена как устойчивое самосознание, основанное на чувстве принадлежности к той или иной конфессии. Исследователями отмечено, что «религиозно-мировоззренческий компонент играет важную роль» в формировании национально-гражданской и национально-этнической

идентичности [10, с. 37]. Данный тип идентичности находит свое отражение в ценностно-ориентационном блоке конфессионального мировоззрения, в принятии правил и норм религиозного сообщества, символики, а также в активном участии в деятельности религиозной общины. В регионе Северного Кавказа религиозная идентичность не может быть предписана, так как она постоянно находится в состоянии конструирования в результате целенаправленного воздействия политических субъектов и состоит из историко-культурных традиций и менталитета [18]. Формирование идентичности происходит не только на уровне индивидуального, но и на уровне группового самосознания.

Политический контекст религиозная идентичность приобретает в том случае, если в сообществе верующих возникает необходимость в дополнительной артикуляции своих интересов, когда формальные институты представительства не функционируют достаточно эффективно. Религиозная идентичность позволяет поддерживать высокую мобилизацию самых различных социальных групп, обеспечивая их политический статус. Эксперты отмечают также возможности как стихийного формирования религиозной идентичности на уровне индивидуального сознания, так и целенаправленного воздействия политической элиты с целью мобилизации человеческих ресурсов. В последнем случае религиозная идентичность формируется местными и региональными элитами, священнослужителями, активистами общественных движений, представителями интеллигенции в СМИ и общественных организациях [1, с. 27]. При

целенаправленном формировании религиозная идентичность используется элитами как механизм укрепления своих властных позиций. По определению И.С. Семененко, «политическое использование идентичности стало неотъемлемой частью современного властного дискурса» [12, с. 92].

С этих позиций фундаменталистское направление ислама создает серьезное препятствие для интеграции мусульман в регионе Северного Кавказа, поскольку его представители заявляют о себе как о единственно верной трактовке ислама, единственной истинной религии. Фундаменталисты полагают, что ислам необходимо очистить от всех исторических и идеологических напластований, и к такой чистой истинной религии должны прийти не только мусульмане, но и все население Северного Кавказа [17]. Идеалом общественного устройства для фундаменталистов является эгалитаризм, который был представлен в раннем исламе, и именно этот аспект более всего привлекателен для многочисленных малоимущих слоев населения Северного Кавказа. Представители фундаментализма выступают за создание государства клерикального толка, где политическая и религиозная власть станет одним целым и будет сосредоточена в руках авторитетных мусульман. В культурном отношении данная форма ислама предполагает абсолютное доминирование религиозных ценностей и стереотипов не только в светской культуре, но и в этнических традициях, в сфере образования, в просвещении и в национальном искусстве народов Северного Кавказа.

Непримиримая ортодоксальность фундаментализма создает конфлик-

тогенный фон в регионе при условии того, что проводимые здесь реформы были непродуманными как со стороны центральных, так и местных властей и вызвали негативную реакцию со стороны населения [15]. Многие исследователи обращают внимание на диспропорцию между численностью исламских фундаменталистов и их политическим влиянием в силу притягательности идеологии для бедных слоев мусульманского населения и больших финансовых ресурсов [17]. В результате, как отмечают эксперты, фундаментализм в регионе набирает все больший политический вес, а традиционный ислам заметно утратил свои позиции за последние двадцать лет [16]. И именно по представителям такого – радикального – направления ислама часть россиян судит о данной религии и всех ее приверженцах, что создает дополнительную конфликтность [7, с. 124].

Причина высокой популярности фундаментализма кроется в том, что он дает возможность выразить гражданский протест для достаточно большой части населения Северного Кавказа, в особенности малоимущих слоев общества, против длительного кризиса в отношениях с властью [18]. Немалую роль в процессе утверждения исламского фундаментализма на Северном Кавказе играет клановая структура власти, которая не способствует формированию открытого представительства интересов большинства населения региона [19]. Определенная часть верующих начала в качестве формы гражданского протеста против коррупции, преступности и низкого уровня жизни склоняться к салафизму (суннитскому фундаментализму, отличающемуся от шиитского предпо-

чтением групповых форм активности, провозглашением халифата идеалом общественного и государственного устройства), а также к такому течению ислама, считающемуся сектой и используемому в качестве идеологического прикрытия радикальными группировками, как ваххабизм. Данная тенденция, в частности, отчетливо прослеживается в республике Дагестан, где только за первый квартал 2016 г. совершено 5 терактов, из которых предотвратить удалось только три [15]. Разумеется, фундаментализм нельзя рассматривать как приемлемую альтернативу традиционному направлению ислама, поскольку радикальные методы фундаменталистов только усугубляют конфликтную ситуацию. Однако в отсутствие иной, общегосударственной идеологии, единой для всей Российской Федерации, фундаментализм на Северном Кавказе является в настоящий момент единственной возможностью выражения гражданского протеста. Тем не менее, по оценкам экспертов, фундаментализм несовместим с этнокультурными различиями народов Северного Кавказа, что является главным препятствием для интеграции региона на основе ислама [15]. При этом необходимо понимать, что укрепление гражданской идентичности в данном регионе, то есть осознания его жителями себя в качестве граждан Российского государства, не означает ослабления религиозной и этнической идентичностей. Если гражданская идентичность должна быть всеобщей, то религиозные и этнические формы идентичности будут дифференцироваться в зависимости от национальной и конфессиональной принадлежности каждого.

Причины возрождения фундаментализма на Северном Кавказе кроются в исторических предпосылках формирования идентичности населения региона. После распада СССР произошла архаизация общества на Северном Кавказе, породив несколько негативных тенденций, в числе которых оказалось активное использование конфессионального фактора с целью политической мобилизации в направлении сепаратизма и экстремизма, что и привело в итоге ко включению религиозной идентичности в политический процесс. К концу 1990-х гг. политизация религиозности на Северном Кавказе резко усилилась по сравнению с этничностью.

На фоне постсоветских реформ и тенденций глобализации, затронувших и большинство регионов нашей страны, снизилась общегосударственная идентичность, причем параллельно возникла жесткая идейная конкуренция в регионе Северного Кавказа. В частности, жители региона в 2013 г. идентифицировали себя как представителей всего человечества, западной или восточной цивилизации, мусульманской веры, конкретного этноса или внутриконфессионального сообщества [2]. При стихийном развитии данные идентичности могут составить негативный баланс с общероссийской гражданской идентичностью. В условиях возрождения традиционной культуры в постсоветский период происходит все большая политизация религиозной идентичности вследствие такой же трансформации ислама. Именно данный тип идентичности характерен для этнических групп, члены которых привержены исламу. Согласно анкетному опросу, проведенному На-

учным центром межнациональных и межрелигиозных исследований в 2013 г. по Северо-Кавказскому федеральному округу, к мусульманам себя причисляют 98,6% населения в Ингушетии, в Чеченской республике – 97,2%, в Дагестане – 82,6%, в Карачаево-Черкесии 84,7%, среди населения Кабардино-Балкарии 81,0%, Северной Осетии – 13,1% и 16% населения – в Ставропольском крае [8, с. 17]. В результате в регионе довольно трудно разграничить этническую и конфессиональную идентичность [8, с. 18]. Идентичность на основе религии занимает центральное место в жизни 67,4% респондентов-мусульман, важно для 23,5%, суммарно же значимость в личной жизни ислама и конфессиональной принадлежности отметили 90,9% [8, с. 101]. Среди христиан важной свою конфессиональную принадлежность считают 64,3% [8, с. 102]. Как видно по данным опроса, мусульманская идентичность преобладает над христианской.

Рост исламской идентичности подтверждают материалы и других исследований: на вопрос о групповой идентичности в Чеченской республике 76,4% респондентов ответили, что связывают ее с конфессиональной принадлежностью к исламу, такие же ответы дали 43,8% населения Карачаево-Черкесии, а в Дагестане – 35,2%, в Ставропольском крае – 29,2% и только в Северной Осетии – 18,6% [4, с. 104]. Ответ на вопрос о том, с чем соотносится понятие «Родина» в духе «вся Россия» дали 24,3% респондентов в Чеченской республике, в Ингушетии 32,6%, в Дагестане – 52,4%, в Северной Осетии – 60,0% и в Ставропольском крае – 77,4% [8, с. 104]. Таким образом, риск политизации исламской идентич-

ности возрастает в тех регионах, где доминирует какая-либо одна конфессия и одна этническая группа.

Вместе с тем для сдерживания миграции представителей русского этноса, привносящих элементы своей культуры в социокультуру Северного Кавказа и тем самым сдерживающего рост исламского фундаментализма, принимаются специальные программы. Так, в республике Дагестан была принята государственная программа «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014–2017 годы»¹. Цель программы заключается в привлечении русского населения в регион с обеспечением проживания и рабочих мест. Программа реализуется в один четырехлетний этап с 2014 по 2017 г., общий объем финансирования составит 373,08 млн. рублей. При этом вся нагрузка по реализации Программы возложена на республиканский бюджет, хотя федеральный центр неоднократно заявлял о приоритете стабилизации ситуации на Северном Кавказе, в том числе и о необходимости решения проблем русского населения. Из федерального бюджета помощи на реализацию данной программы пока не запрашивалось.

Идеология радикального ислама, привнесенная на территорию Северного Кавказа в 1990-е гг. из Саудовской Аравии, приобрела в новейший период в Дагестане значительное число сторонников. Некоторые исследователи видят главную причину исламизации Дагестана в том, что ее начало совпало по времени с обвальным снижением

¹ Утверждена Постановлением Правительства Республики Дагестан № 656 от 13 декабря 2013 г.

уровня жизни населения и ростом общей экономической и политической нестабильности, и явилась в условиях идеологического кризиса источником сохранения и поддержания общественной морали в регионе [2, с. 104]. При чем целевой «аудиторией» по внедрению исламистских мифов продолжает оставаться, как правило, молодежь из религиозно консервативных, моноэтнических районов республики, пребывающая на рубеже разных культур (городской и сельской, равнинной и горской) и, таким образом, более болезненно ощущающая свое социальное отчуждение (аномию). Статистика подтверждает факт о значительной доли молодежи (от 15–30 лет) в среде террористического бандподполья республики [17].

Не зная о своих правах или не умея их защищать в рамках формально-правовых институтов, определенная часть дагестанского общества находит выход в ваххабизме. Далее ситуация развивается по известному сценарию – религиозное обоснование, создание вооруженных бандформирований, уход в горы и диверсантская деятельность. Этот феномен, получивший широкое распространение в современном Дагестане, может иметь масштабный характер и в остальных субъектах Северного Кавказа.

Между тем в дагестанском обществе сложились определенные предпосылки для реального, эффективного использования интегративных политических технологий, состоящие прежде всего в активном участии представителей этнических элит в региональном политическом процессе. Следует отметить, что Дагестан является единственной из республик в составе России, не имеющей так называемой «титульной» этниче-

ской группы. Ни один из этносов, входящих в официальную номенклатуру традиционных народностей Дагестана, не составляет большинства. Таким образом, объективно сложившиеся в настоящее время этнические пропорции населения выступают предпосылкой формирования ассоциативных форм политической консолидации элит региона в целях сохранения политической стабильности. Многие эксперты видят трудность решения проблемы религиозно-политического экстремизма в регионе в отсутствии адекватного ответа на его идеологию, а также перспектив выработки альтернативных концептов для того, чтобы переломить ситуацию к лучшему, несмотря на значительное число государственных институтов, создававшихся и функционирующих по сей день в целях решения этой проблемы.

Интересен тот факт, что степень радикализма в конфессиональной исламской идентичности не одинакова в различных внутриконфессиональных течениях. В частности, Совет муфтиев России, который является координатором деятельности Духовных управлений мусульман, принял «Фетву о недопустимости оправдания экстремизма и терроризма нормами Корана и Сунны». В ней прямо сказано, что террорист не имеет права считать себя мусульманином [6, с. 23]. В Чеченской республике и в Дагестане основной традиционной формой ислама является суфизм, который делится на тарикаты. Состоящие из вирдов (религиозных братств), суфисты признают светское государство и не отрицают традиционный ислам [6, с. 237].

Другое направление ислама, распространенное, в частности в Ингу-

шении и Северной Осетии, – салафизм, – ставит целью формирование исламского халифата, отрицая светское государство полностью, требует возврата к нормам времен пророка Мухаммада и жизни, нормированной по шариату. Социальная база для распространения салафизма на Северном Кавказе возникла после распада СССР. Далее началось соперничество между суфизмом и салафизмом, а также и в рамках традиционного ислама – между тарикатами и вирдами, обусловленное амбициями лидеров и клановой принадлежностью. Так, в Дагестане насчитывается порядка 18 вирдских братств, а в Чеченской республике и Ингушетии – свыше тридцати таких религиозных объединений [6, с. 237]. Соперничество между направлениями приводит к еще более сильной политизации ислама в регионе Северного Кавказа [6, с. 238].

Согласно опросам 2015 г. в Республике Дагестан, гражданская идентичность составляет только 59%, а конфессиональная – 80%. Обращают на себя внимание указанные респондентами причины, препятствующие формированию общероссийской идентичности, среди которых коррупция местных властей и безработица, которая составляет более 25% [16].

В 2013 г. сотрудниками Грозненского государственного нефтяного технического университета был проведен опрос среди студентов, в ходе которого с утверждением о том, что «самой главной религией в России должен быть ислам» согласилось 77,2% опрошенных [8, с. 87]. В отличие от Дагестана, на территории которого проживает более 60 этносов и народностей, в Чеченской республике с относительно моноэтни-

ным составом населения религиозная идентичность четко соотносится с этнической, и в силу этого осознается как идентичность предписанного типа.

Результаты социологического исследования, проведенного в 2013 г. в Ингушетии, показали примерно равный процент сторонников светского и исламского общества, при этом даже сторонники светского государства отметили, что оно не должно противоречить шариату [8, с. 88].

В таких условиях, когда гражданская идентичность является ослабленной, а преобладают этническая и религиозная, усиливается влияние ислама как наиболее распространенной религии Северного Кавказа на сознание и поведение жителей рассматриваемого нами региона. И если традиционный ислам, который прочно закрепился в культуре северо-кавказских народов, предполагает мирное сосуществование с представителями других этносов, в том числе и с титульной нацией (то есть с русскими), то получающий все большее распространение фундаментализм создает опасность для национальной безопасности России. Именно данное направление ислама служит идеологическим прикрытием для целого ряда движений, бандформирований и террористических группировок, которые могут послужить для определенной части населения региона доступной и удобной формой выражения протестных настроений.

Подводя итог всему сказанному выше, можно сделать следующие выводы. Кризис идентичности, спровоцированный распадом СССР, стал благоприятной почвой для формирования и внедрения новых политических проектов и борьбы за власть. В

регионе Северного Кавказа субъектами конструирования религиозной идентичности на основе ислама являются местные административные элиты, имеющие клановую структуру. Религиозная идентичность эксплуатируется элитными кланами с целью политической мобилизации населения в своей борьбе за перераспределение ресурсов во властных структурах.

Политизация религиозной идентичности на основе ислама создает риски национальной безопасности России, в частности, риск дезинтеграции социокультурного пространства региона, риск эскалации конфликтности исламского фундаментализма. Деятельность экстремистских и радикальных организаций провоцирует межэтнические конфликты и создает почву для политических манипуляций правящими кланами на уровне местного политического процесса.

Применительно к Северному Кавказу ведущими факторами политизации ислама можно считать процессы делегитимации секулярного политического уклада, ослабления секулярных государственных институтов и их регулирующих функций, отсутствие конкретных целей и задач развития общества. На этом фоне происходит рост исламской идентичности, на основе которой формируется групповая солидарность и мобилизация, политическое позиционирование радикально настроенной части населения. Социально-экономическая нестабильность создает благоприятные условия для формирования и деятельности религиозных группировок экстремистского направления.

В настоящее время российская общегосударственная идентичность вос-

принимается сообществом мусульман Северного Кавказа фрагментарно, что является результатом этносоциальной неоднородности самой мусульманской уммы. Одни социальные группы, поколения, местные сообщества признают преобладание российской идентичности; другие ставят гражданскую идентичность вровень с кон-

фессиональной; третьи предпочитают иные идентичности (исламскую, этнические, территориальные и др.). Такое разнообразие идентичностей без общегражданской основы становится питательной средой для идей радикального религиозного толка, создавая угрозу национальной безопасности РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде (на примере Республики Дагестан). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. 206 с.
2. Абдурахманов Д.Б., Акаев В.Х., Дадуев М.А. Северный Кавказ: преодоление факторов этнополитической дестабилизации и достижение межнационального согласия. Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2013. 276 с.
3. Бурлов В.Г. Парадигма мироустройства и национальная безопасность // Материалы XII Международной научно-методической конференции «Высокие интеллектуальные технологии и генерация знаний в образовании и науке»: 17–18 февраля 2005 г. СПб.: Национальная безопасность, 2005. С. 74–92.
4. Варлы И. ИГИЛ: made in USA! [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.ру [сайт]. URL: <http://inosmi.ru/world/20150603/228376179.html> (дата обращения: 22.10.2016).
5. Добаев И.П. Современный терроризм на Северном Кавказе // Российский институт стратегических исследований. Проблемы национальной стратегии. 2009. № 1. С. 78–93.
6. Жемчураева С.Ш., Ибрагимова Э.М. Этноконфессиональная идентичность и формирование установок толерантного сознания и поведения студенческой молодежи Чеченской Республики // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., 25–27 сент. 2014 г. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 237–241.
7. Зорин В.Ю. Мусульмане России: реалии формирования гражданской идентичности // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 2. С. 117–126.
8. Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа: экспертный доклад / Ред. В.А. Тишков, М.А. Аствацатурова, В.В. Степанов. Пятигорск: Пятигорский гос. лингвист. ун-т, 2014. 101 с.
9. Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: хрестоматия / сост. науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 72–88.
10. Мчедлова М.М., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Российская идентичность: патриотизм, государство, религиозно-мировоззренческий фактор // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т. 11. № 3. С. 35–48.
11. Най Д. Soft power или «мягкая сила» государства // Альманах «Восток». 2006. № 5 (41). С. 30–41.
12. Семененко И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 11. С. 91–102.

13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
14. Харичкин И.К. Политическая элита и ее роль в обеспечении национальной безопасности России: дис... докт. философ. наук. М., 1999. 357 с.
15. Background Briefing: Why is Russia's North Caucasus region unstable? (By council on foreign relations. Feb. 7, 2014) [Электронный ресурс] // PBS News Hour: [сайт]. URL: <http://www.pbs.org/newshour/rundown/russias-north-caucasus-region/> (дата обращения: 13.11.2016).
16. Bedford S., Souleimanov E.A. Under construction and highly contested: Islam in the post-Soviet Caucasus // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. Iss. 9. Pp. 1559-1580.
17. Laruelle M. Russia in Decline: How Islam Will Change Russia [Электронный ресурс] // The Jameson foundation: [сайт]. URL: https://jamestown.org/wp-content/uploads/2016/09/Laruelle_-_Russia_in_Decline.pdf (дата обращения: 25.11.2016).
18. Malashenko A. Islamic Challenges to Russia, From the Caucasus to the Volga and the Urals [Электронный ресурс] // Carnegie Moscow Centre: [сайт]. URL: <http://carnegie.ru/2015/05/13/islamic-challenges-to-russia-from-caucasus-to-volga-and-urals-pub-60334> (дата обращения: 28.11.2016).
19. Petrodaskalaki C. Aspects of Political Islam in the North Caucasus [Электронный ресурс] // Centre for Mediterranean, Middle East and Islamic Studies: website. URL: http://cemmis.edu.gr/images/Middle_East_Flashpoints/mefp76.pdf (дата обращения: 24.11.2016).

REFERENCES

1. Abdulagatov Z.M. Osobennosti sotsializatsii sovremennoi molodezhi i sotsial'nye deformatsii v molodezhnoi srede (na primere Respubliki Dagestan) [Peculiarities of socialization of modern youth and social strain among the youth (on the example of Dagestan Republic)]. Makhachkala, IIAE DNTS RAN, 2011. 206 p.
2. Abdurakhmanov D.B., Akaev V.Kh., Daduev M.A. Severnyi Kavkaz: preodolenie faktorov etnopoliticheskoi destabilizatsii i dostizhenie mezhnatsional'nogo soglasiya [The North Caucasus: overcoming factors of ethno-political destabilization and the achievement of the interethnic consent]. Rostov-on-don, Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2013. 276 p.
3. Burlov V.G. Paradigma miroustroistva i natsional'naya bezopasnost' [The paradigm of the world order and national security] Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Vysokie intellektual'nye tekhnologii i generatsiya znaniy v obrazovanii i nauke»: 17–18 fevralya 2005 g [Proceedings of XII International scientific-methodological conference "High intellectual technologies and generation of knowledge in science and education": 17 and 18 February 2005]. St. Petersburg, Natsional'naya bezopasnost', 2005, pp. 74–92.
4. Varly I. IGIL: made in USA! [Elektronnyi resurs] [ISIL: made in USA! [Electronic source]] INOSMI.ru [sait]. [The New York Times.ru [website]]. Available at: <http://inosmi.ru/world/20150603/228376179.html> (accessed: 22.10.2016).
5. Dobaev I.P. Sovremenniy terrorism na Severnom Kavkaze [Modern terrorism in the North Caucasus]. In: *Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. Problemy natsional'noi strategii*, 2009, no. 1, pp. 78–93.
6. Zhemchuraeva S.Sh., Ibragimova E.M. Etnokonfessional'naya identichnost' i formirovanie ustanovok tolerantnogo soznaniya i povedeniya studencheskoi molodezhi Chechenskoi Respubliki [Ethno-religious identity and the formation of tolerant consciousness and behavior of students of the Chechen Republic] Pozitivnyi opyt regulirovaniya etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiiskoi Federatsii: materialy Vseross. nauch.-prakt. konf., 25–27 sent. 2014 g. [The positive experience of regulation of ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation: proceedings of

- the scientific.-pract. conf. 25-27 Sept. 2014]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani, 2014, pp. 237–241.
7. Zorin V.Yu. Musul'mane Rossii: realii formirovaniya grazhdanskoi identichnosti [The Muslims of Russia: realities of civic identity formation]. In: *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskii aspekty*, 2016, Tom 12 [Islam in the modern world: domestic and international political aspects. 2016, Vol. 12], no. 2, pp. 117–126.
  8. Molodezh' v polietnichnykh regionakh Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga: ekspertnyi doklad [Youth in the multiethnic regions of the North Caucasus Federal district: expert report]. Pyatigorsk, Pyatigorskii gos. lingvist. in-t, 2014. 101 p.
  9. Morgentau G. Politicheskie otnosheniya mezhdru natsiyami: bor'ba za vlast' i mir [Political relations among Nations: the struggle for power and peace] Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: khrestomatiya, sost. nauch. red. i komment. P.A. Tsygankova [Theory of international relations: a reader, comp. scientific. ed. and comment. P. A. Tsygankov]. Moscow, Gardariki, 2002, pp. 72–88.
  10. Mchedlova M.M., Gavrilov Yu.A., Shevchenko A.G. Rossiiskaya identichnost': patriotizm, gosudarstvo, religiozno-mirovozzrencheskii faktor [Russian identity: patriotism, government, the religio-ideological factor]. In: *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskii aspekty*. 2015. Tom 11 [Islam in the modern world: domestic and international political aspects. 2015, Vol. 11], no. 3, pp. 35–48.
  11. Nai D. Soft power ili «myagkaya sila» gosudarstva [Soft power or the “soft power” of the state]. In: *Al'manakh «Vostok»*, 2006, no. 5 (41), pp. 30–41.
  12. Semenenko I.S. Natsiya, natsionalizm, natsional'naya identichnost': novye rakursy nauchnogo diskursa [Nation, nationalism, national identity: new perspectives in the academic discourse]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. Tom 59 [World economy and international relations. 2015. Vol. 59], no. 11, pp. 91–102.
  13. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii [The clash of civilizations]. Moscow, AST, 2003. 603 p.
  14. Kharichkin I.K. Politicheskaya elita i ee rol' v obespechenii natsional'noi bezopasnosti Rossii: dis. ... dokt. filosof. nauk [The political elite and its role in ensuring the national security of Russia: thesis.... doct. philosoph. sciences]. Moscow, 1999. 357 p.
  15. Background Briefing: Why is Russia's North Caucasus region unstable? (By council on foreign relations. Feb. 7, 2014) [Background Briefing: Why is Russia] PBS News Hour: website. [PBS News Hour: website]. Available at: <http://www.pbs.org/newshour/runtdown/russias-north-caucasus-region/> (accessed: 13.11.2016).
  16. Bedford S., Souleimanov E.A. Under construction and highly contested: Islam in the post-Soviet Caucasus [Under construction and highly contested: Islam in the post-Soviet Caucasus] *Third World Quarterly*, 2016, Vol. 37, Iss. 9 [Third World Quarterly, 2016, Vol. 37, Iss. 9], pp. 1559–1580.
  17. Laruelle M. Russia in Decline: How Islam Will Change Russia [Russia in Decline: How Islam Will Change Russia] The Jameson foundation: website. [The Jameson foundation: website.]. Available at: https://jamestown.org/wp-content/uploads/2016/09/Laruelle_-_Russia_in_Decline.pdf (accessed: 25.11.2016).
  18. Malashenko A. Islamic Challenges to Russia, From the Caucasus to the Volga and the Urals [Islamic Challenges to Russia, From the Caucasus to the Volga and the Urals] Carnegie Moscow Centre: website [Carnegie Moscow Centre: website.]. Available at: <http://carnegie.ru/2015/05/13/islamic-challenges-to-russia-from-caucasus-to-volga-and-urals-pub-60334> (accessed: 28.11.2016).
  19. Petrodaskalaki C. Aspects of Political Islam in the North Caucasus [Aspects of Political Is-

lam in the North Caucasus] Centre for Mediterranean, Middle East and Islamic Studies: website. [Centre for Mediterranean, Middle East and Islamic Studies: website]. Available at: http://cemmis.edu.gr/images/Middle_East_Flashpoints/mefp76.pdf (accessed: 24.11.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлов Алексей Павлович – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: alex427247518@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey P. Kozlov – post-graduate student of the department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: alex427247518@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козлов А.П. Политические проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в регионе Северного Кавказа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 129–140. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-129-140

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Kozlov. Political problems of ensuring national security of the Russian Federation in the North Caucasus. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 129–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-129-140

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-141-143

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Михеева Н.А., Богданов Д.Д.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

VI INTERNATIONAL CONFERENCE “POLITICAL PROCESSES IN THE POST-SOVIET SPACE”

N. Mikheeva, D. Bogdanov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

27 апреля 2017 г. в стенах Московского государственного областного университета состоялась VI Международная конференция «Политические процессы на постсоветском пространстве». В конференции приняли участие эксперты-политологи из России, Белоруссии, Украины, Молдовы, преподаватели, аспиранты и студенты Дипломатической академии МИД России, Высшей школы экономики, Московского государственного областного университета, Института стран СНГ и других вузов и научно-исследовательских организаций.

Конференцию открыл заведующий кафедрой политологии и права МГОУ доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор

© Михеева Н.А., Богданов Д.Д., 2017.

В.Г. Егоров, рассмотревший социально-политические последствия финансовой модернизации современного капитализма. В.Г. Егоров обратил внимание на процессы, происходящие на постсоветском пространстве, в частности, на негативные последствия финансовой глобализации. По мнению докладчика, в современных условиях странам бывшего СССР необходимо выработать собственную стратегию общественного развития.

Политическим аспектам функционирования постсоветского пространства было посвящено выступление советника Международного центра научно-технической информации Э.Ф. Ахметова «НАТО на постсоветском пространстве». Как отметил Энвер Фарухович, после распада СССР перед

НАТО стоят задачи, актуальные и по сей день: недопущение любых интеграционных процессов на постсоветском пространстве, развитие отношений государств бывшего СССР с Европой и формирование элит с прозападным образом мышления.

В ряде выступлений анализировались политические процессы в отдельных странах бывшего СССР. Политическим процессам в Молдавии было посвящено выступление доктора политических наук, профессора МГОУ С.Я. Лавренова «Особенности российско-молдавских отношений в современных условиях». Докладчик сделал упор на отношениях Молдавии с Приднестровской Молдавской республикой, которые перешли в стадию самого серьёзного кризиса с момента начала конфликта. Особое внимание в докладе было уделено политике Западной Европы, в частности «замещению» ею России в Молдово-Приднестровском регионе.

Теме Молдовы было посвящено также выступление доктора философских наук Б.А. Шаповалова (Республика Молдова) «Особенности современной неокOLONиальной технологии уничтожения независимого Молдавского государства». Выступавший проанализировал обстановку в Молдове с 1991 г. по сегодняшний день, указав на внешнее управление и зависимость страны от США и европейских бюрократических структур. Было обращено внимание и на олигархический режим, скрытый под маской представительной демократии. Не менее интересным оказалось выступление аспиранта Дипломатической академии при МИД РФ О.В. Ушурелу (Приднестровская Молдавская республика) «Особенности гуманитарного сотрудничества России и Молдавии на

современном этапе». Аспирант определила три направления, по которым ведется гуманитарное сотрудничество стран и охарактеризовала нормативно-правовые акты, определяющие его.

Отдельный блок составили выступления, посвященные событиям на Украине и российско-белорусским отношениям. С докладом «Формирование структур информационно-психологической борьбы на Украине на примере Фонда Сороса и других международных НПО» выступил политолог и экономист А.В. Дудчак (Украина).

Экономист, директор Центра по работе с выпускниками НИУ ВШЭ Д.В. Болкунец (Россия) назвал свое выступление «Влияние финансовой и экономической поддержки со стороны России на экономическую ситуацию в Республике Беларусь». Белорусскую тему продолжил кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института стран СНГ Ю.В. Баранчик (Республика Беларусь) «Политические процессы в Беларуси: многовекторность, ведущая в тупик». По заключению выступавшего, в настоящий момент руководство страны пытается нормализовать отношения с Западом и шантажирует Россию, требуя увеличения дотаций.

Ряд докладчиков посвятили свои выступления странам Центральной Азии. Так, кандидат политических наук, заместитель директора Института стран СНГ В.В. Евсеев (Россия) рассказал о ситуации в Центральной Азии вообще и Узбекистане в частности. По словам В.В. Евсеева, желание Узбекистана стать лидером в регионе подталкивало государство к многовекторной политике, которая не принесла плодов.

Аспирант кафедры политологии и права МГОУ Д.В. Харитонов (Россия) посвятила свое выступление трансформации политического режима в постсоветском Азербайджане. Особое внимание в докладе было уделено прошедшему в 2016 г. референдуму, связанному с внесением поправок в конституцию Азербайджана. Также Д.В. Харитоновой был рассмотрен вопрос перераспределения власти в стране в ближайшем будущем.

Доклад, посвященный политиче-

скому исламу, презентовал заведующий отделом исламских исследований Института стран СНГ И.Ф. Сафаргалиев (Россия).

В конференции приняли активное участие преподаватели и аспиранты кафедры политологии и права МГОУ и студенты-политологи. Они выступали с сообщениями, задавали вопросы, высказывая собственное мнение по актуальным вопросам политического развития постсоветских государств.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михеева Наталья Александровна – студентка факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: natalya-mikheeva@list.ru

Богданов Даниил Дмитриевич – студент факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: DDB647@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya Mikheeva – student of the History, Politology and Law faculty of Moscow Region State University;
e-mail: natalya-mikheeva@list.ru

Daniil Bogdanov – students of the History, Politology and Law faculty of Moscow Region State University;
e-mail: DDB647@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Михеева Н.А., Богданов Д.Д. VI Международная конференция «Политические процессы на постсоветском пространстве» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 141–143.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-141-143

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

N. Mikheeva, D. Bogdanov. VI International Conference “Political Processes in the Post-Soviet Space”. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 141–143.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-141-143

УДК 32.019.52:311.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-144-147

К ПРОБЛЕМЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ МАССОВЫХ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ И ИТОГОВ ВЫБОРОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА США В 2016 Г.)

Ключевский Д.С.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация

ON THE PROBLEM OF DISCREPANCY BETWEEN THE RESULTS OF THE POLLS AND THE ELECTION RESULTS (ON THE EXAMPLE OF 2016 ELECTION CAMPAIGN)

D. Kluchevsky

Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation

Несоответствие результатов предвыборных социологических опросов с реальными результатами выборов – феномен общемировой. На современном этапе одной из важнейших задач как для исследователей, так и для кандидатов, уделяющих внимание предвыборному позиционированию и желающих знать предпочтения электората, является улучшение качества и точности результатов массовых опросов [1].

Для того чтобы выявить причины этих расхождений, следует разобрать данный феномен на конкретном и актуальном примере – выборах президента США в 2016 г. Именно на этих выборах в полной мере раскрылась проблема несоответствия социологических прогнозов итогам голосования. Так, по данным социологов, за пять месяцев до начала президентских выборов Х. Клинтон опережала Д. Трампа

© Ключевский Д.С., 2017.

на 5,6 пунктов [3] и неминуемо должна была победить на выборах, но результат голосования оказался иным.

По нашему мнению, несоответствие прогнозов и результатов могут быть обусловлены несколькими причинами.

Первой причиной является мобилизация граждан, которых американские эксперты называют «простым белым рабочим населением». Именно эти граждане США проголосовали за кандидата от Республиканской партии. Вместе с тем в ходе выборной кампании Д. Трампом был затронут широкий спектр проблем, выходящий за рамки одной социальной группы и охватывающих все американское общество [2, с. 41].

Другой причиной несоответствия результатов опросов и итогов выборов может послужить промежуток между опросом и самими выборами. В этот период времени предпочтения электората могут измениться. Этому способ-

ствуют такие факторы, как события на международной арене, высказывания кандидатов по вопросу актуальных проблем и т.д. Именно проблема динамичного изменения предпочтений электората является одной из основных проблем для исследователей, занимающихся прогнозированием.

Следующей причиной является феномен «колеблющегося избирателя», который также ярко проявил себя на президентских выборах 2016 г. Такие избиратели дополняют «ядерных» выборщиков, которые стабильно голосуют одинаково от одних выборов к другим (например, штат Техас с 38 проголосовавшими выборщиками, Оклахома – с 7, Луизиана – с 8 и т. д.) [5].

Четвертая причина – традиционность процесса голосования за определенные партии в разных регионах США. Данный феномен является одним из самых проблемных аспектов процесса прогнозирования. Ведь избиратель, до конца не уверенный в своем выборе кандидата и предвыборной программы, либо не даст ответа на вопрос «кому вы отдали свое предпочтение?», либо ответит на данный вопрос в пользу более популярного кандидата или партии. Именно это и произошло в США в 2016 г.

Еще один «традиционалистский» аспект связан с отражением в предвыборных речах определенных кандидатов региональных интересов. Примером может послужить проблема нелегальной миграции в приграничных штатах США, которая подтолкнула население приграничья проголосовать за Д. Трампа, обещавшего ужесточить миграционное законодательство. Соотнося данные социологических опро-

сов с высказываниями Д. Трампа, можно сделать вывод о том, что одним из приоритетных вопросов для той части населения США, которая оказалась «в тени» и на которую и сделал упор кандидат-республиканец, стала проблема иммиграции (7%) [6].

Другим аспектом, с которой связана уже упомянутая традиционность голосования, являются закономерно голосующие группы населения в регионах. Примером может послужить штат Флорида, выборщики из которого в 2012 г. поддержали кандидата от Демократической партии, а в 2016 г. в равной степени поддержали обоих кандидатов. Данные примеры разрушают традиционное представление после того, как коллегии выборщиков проголосовали неожиданным образом, опровергнув ожидания исследователей [4].

Возможным способом решения выявленных проблем и усиления прогностических возможностей социологических опросов на современном этапе является упор на исследование соотношения региональных проблем и особенностей населения, проживающих в данных регионах. Далее – сравнение этих данных в других регионах страны и выявление идентичных проблем. Огромное внимание нужно уделить соотношению высказываний кандидатов с конкретными проблемами в регионах (пример – анализ выступлений на праймериз, а затем анализ соотношения высказываний с проблемами). Это поможет определить те группы населения, которые поддержат того или иного кандидата.

Другим возможным решением проблемы может стать анализ ответов избирателей в процессе массовых опро-

сов за последние несколько лет – так можно будет определить: традиционно голосующие группы населения; долю населения, меняющую свое мнение; факторы, обуславливающие переход электората от одних политических сил к другим.

Учитывая результаты опросов по основным запросам избирателей в разных регионах страны и соотнося эти проблемы регионов с артикулируемыми их как целей, обозначенных канди-

датом, позволит предоставить более объективные и достоверные данные для исследователей, занимающихся прогнозированием.

По нашему мнению, учет обозначенных выше аспектов поможет расширить возможности для социологов и увеличит точность прогнозов, что позволит в будущем избежать ошибок подобных тем, что были совершены в ходе прогнозирования результатов выборов президента в США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскакова Ю.М. Возможности экспертного прогнозирования результатов выборов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 2 (108). С. 14–21.
2. Давыборец Е.Н. Имиджевая стратегия Трампа в предвыборной гонке 2016 г. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 37–45.
3. Соцопросы показывают, что Клинтон опережает Трампа [Электронный ресурс] // Голос Америки [сайт]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/cn-clinton-trump/3379097.html> (дата обращения: 02.05.2017).
4. Карта победы Трампа: как голосовали в 50 штатах [Электронный ресурс] // СТРАНА. ua [сайт]. URL: <https://strana.ua/news/39731-karta-pobedy-trampa-kak-progolosovali-v-50-shtatah.html> (дата обращения: 03.05.2017).
5. Presidential Election Live Results. Interactive Electoral College map [Электронный ресурс] // 270towin.com [сайт]. URL: <http://www.270towin.com/maps/270towin-election-night-map> (дата обращения: 05.05.2017).
6. Part II – Post election poll results [Электронный ресурс] // Zogby analytics [сайт]. URL: <http://www.zogbyanalytics.com/news/760-part-ii-post-election-poll-results> (дата обращения: 01.05.2017).

REFERENCES

1. Baskakova Yu.M. Vozmozhnosti ekspertnogo prognozirovaniya rezul'tatov vyborov [The possibility of expert forecasting of election results] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2012. no. 2 (108). pp. 14–21.
2. Davyborets E.N. Imidzhevaya strategiya Trampa v predvybornoi gonke 2016 g. [Divisores E.N. Image strategy trump in the presidential race of 2016]. In: *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, Vol. 23, no. 3, pp. 37–45.
3. Sotsoprosy pokazyvayut, chto Klinton operezhaet Trampa [Polls show that Clinton is ahead of trump] Golos Ameriki [sait]. [Voice of America [website]]. Available at: <https://www.golos-ameriki.ru/a/cn-clinton-trump/3379097.html> (accessed: 02.05.2017).
4. Karta pobedy Trampa: kak golosovali v 50 shtatakh [Map of trump: how to vote in the 50 States] STRANA.ua [sait]. [Stranaya [website]]. Available at: <https://strana.ua/news/39731-karta-pobedy-trampa-kak-progolosovali-v-50-shtatah.html> (accessed: 03.05.2017).
5. Presidential Election Live Results. Interactive Electoral College map [Presidential Election Live Results. Interactive Electoral College map] 270towin.com [sait]. [270towin.com

[website]]. Available at: <http://www.270towin.com/maps/270towin-election-night-map> (accessed: 05.05.2017).

6. Part II – Post election poll results [Part II – Post election poll results] Zogby analytics [сайт]. [Zogby analytics [website]]. Available at: <http://www.zogbyanalytics.com/news/760-part-ii-post-election-poll-results> (accessed: 01.05.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ключевский Дмитрий Сергеевич – студент факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: dimakluch1995@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry S. Kluchevsky – student of the Faculty of History, Politology and Law of Moscow Regional State University;
e-mail: dimakluch1995@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ключевский Д.С. К проблеме несоответствия результатов массовых опросов населения и итогов выборов (на примере выборов президента США в 2016 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 144–147.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-144-147

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

D. Kluchevsky. On the problem of discrepancy between the results of the polls and the election results (on the example of 2016 election campaign). *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 144–147.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-144-147

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
2017. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 10, усл. п.л. 9,25.
Подписано в печать 30.06.2017. Выход в свет: 12.07.2017. Заказ № 2017/06-02
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А